

КАТЯ ЯРОВАЯ

Из музыки и слов

Поёт
КАТЯ
ЯРОВАЯ

Из музыки
и слов

**песни
стихи**

Катя Яровая

Из музыки и слов

Катя Яровая

Из музыки и слов

песни и стихи

Э.РА
Нью-Йорк – Москва
2003

УДК 821. 161. 1-1
ББК 84 (2 Рос–Рус) 6-5
Я 76

Я 76 Катя Яровая (Яровая Е. В.)
Из музыки и слов. Песни и стихи: Сб./Сост. Е. В. Яровая, Т. В. Янковская – М.: Издательское содружество А. Богатых и Э.РАкитской (Э.РА), 2003. – 368 с., ил.

Редакторы-составители *Е. Яровая, Т. Янковская*
Художник *Э. Дробицкий*
Макет и оформление *Н. Ямром*
Публикация *Т. Янковской*

В сборник вошли стихи Кати Яровой, а также проза, переводы, наброски из рабочей тетради, статьи о ее жизни и творчестве, свидетельства современников.

ISBN 5-93721-167-7   ББК 84 (2 Рос–Рус) 6-5

Все авторские права защищены.

- © Екатерина Валерьевна Рыбакова (Ekatherina Rybakova), стихи и проза Кати Яровой (Яровой Е. В.), 2003
- © Елена Яровая, составление, вступительная статья, 2003
- © Татьяна Янковская (Ямром), составление, заключительная статья, предисловие, 2003
- © Эдуард Дробицкий, рисунки, плакаты для обложек, 2003
- © Наталия Ямром, макет и оформление, 2003

ОТ РЕДАКТОРОВ – СОСТАВИТЕЛЕЙ

Перед вами первый сборник русского поэта и барда Кати Яровой (1957-1992). Подготовка его к печати оказалась нелегкой задачей, поскольку автора нет в живых, а сохранившиеся рукописи и автографы нередко не совпадают с аудио- и видеозаписями ее песен. Тексты некоторых песен вообще не были записаны, и их пришлось восстанавливать по магнитофонным записям, а те, которые публиковались в газетах и журналах, содержали ошибки и опечатки.

Расположение стихов в хронологическом порядке затруднялось тем, что Катя редко ставила даты под своими стихами. Содержание ее концертов менялось — какие-то из своих старых песен она отбрасывала, другие продолжала петь, и трудно сказать, что она включила бы в свой первый сборник, будь она жива. Поэтому было решено организовать его так, чтобы, с одной стороны, показать читателю эволюцию ее творчества, включая и то, что никогда не было обнародовано и было обнаружено в ее рабочей тетради, а с другой стороны, следовать ее неизменной традиции в построении концертов: она перемежала лирику шуточными песнями и политической сатирой, представляя разные грани своего творчества, порядок песен тоже был отработан — с чего начинать, чем заканчивать.

Учитывая все вышесказанное, мы разбили сборник на

несколько разделов. В первый включены избранные стихи и песни, которые она исполняла на концертах последних трех лет и большая часть которых была записана на двух «официальных» кассетах, подготовленных ею в 1990-ом и 1992-ом годах. Во второй вошли ранние стихи, посвящения личного характера, которые не исполнялись публично, и часть политических песен, которые она перестала петь в последние два года жизни (за исключением песни «На смерть Л.И. Брежнева», которую мы поместили в этом разделе как часть цикла). Тексты в обоих разделах расположены преимущественно хронологически, с учетом последовательности, которой Яровая придерживалась на концертах и на записанных ею кассетах. Третья часть содержит стихи из рабочей тетради в том порядке, в каком они были записаны. Некоторые из них не закончены, но этот раздел, пожалуй, больше всего позволяет оценить Катю как личность, ощутить, какой мощный творческий потенциал несла она в себе и какой трагедией было для всех нас ее потерять. Следующие три раздела невелики по объему и включают песни к спектаклям, переводы и прозу.

Большое внимание было уделено пунктуации, так как у Кати, как и у многих поэтов, было к ней свое отношение — например, она любила тире, терпеть не могла запятые и придавала большое значение точкам и заглавным буквам. Поэтому, следуя правилам грамматики, мы в то же время старались не нарушать авторского замысла в тех случаях, когда традиционное использование знаков препинания утяжелило бы структуру и свободное от всех земных пут течение стиха, которое лучше всего передает ощущение полета, столь свойственное поэзии Яровой.

Название сборника — «Из музыки и слов» — взято из

песни Кати, оно как нельзя более точно определяет ее творческое пространство. Читая сборник, вы встретите отзывы В. Вишневского, И. Губермана, Л. Ошанина, Э. Ульман, В. Фрумкина, В. Швейцер. Большинство из них были написаны специально для сборника, и мы выражаем им всем сердечную признательность. Лев Ошанин написал свое маленькое эссе о Кате незадолго до своей смерти.

Обращаемся с просьбой к читателям сборника. Часть песенного наследия Кати Яровой утрачена, хочется верить — не безвозвратно. Если у вас есть какие-то материалы, связанные с ее жизнью и творчеством, просим связаться с нами через Интернет: *ya.tatyana@verizon.net* (Татьяна) и *yarovaia@imedia.ru* (Елена).

Я хочу поблагодарить Елену Яровую за тесное сотрудничество (хоть нас и разделял океан), взаимопонимание и доброе отношение на протяжении долгих лет работы над этим сборником, а также Катю Рыбакову, дочь Кати Яровой, за доверие и поддержку. Я очень признательна Е. Нехаевой, И. и Г. Кац и особенно профессору С. Лубенской за чтение рукописи и ценные замечания. Большое спасибо Б. Баршпольскому, Э. Горловой и Т. Зуншайн за предоставленные фотографии.

Особая благодарность барду Е. Нехаевой за передачу сборов от своего концерта, где она исполняла песни Кати Яровой, на осуществление этого проекта, а также всем остальным, приславшим деньги в фонд сборника. Я считаю весьма показательным тот факт, что первый сборник Кати Яровой издается на средства многих людей, услышавших ее песни и пожелавших дать и другим возможность узнать о ней, – ведь любовь к людям была главным двигателем ее творчества. Ниже перечислены имена их всех, независимо от размера присланного чека.

Этот сборник, наверное, еще долго не увидит бы света, если бы не помощь и поддержка моего мужа Бориса Ядрома, ибо ему принадлежит идея издать сборник в Америке и тем самым ускорить работу над ним. Его помощь с компьютерным обеспечением и советы, продиктованные вкусом, интуицией и верностью памяти Кати Яровой, поистине неоценимы. Я также выражаю признательность моей дочери Наталии Яром за проделанную ею огромную работу по оформлению книги.

Татьяна Янковская

Хочу от всей души поблагодарить Эдуарда Дробицкого за рисунки и слайды, предоставленные для оформления сборника. Семья Кати Яровой выражает огромную благодарность Татьяне Янковской за неоценимую помощь в издании данного сборника и всем, кто участвовал в сборе средств для публикации: Т. Алавердян, Ц. Аникст, Б. и И. Баришпольским, М. Белкиной, Д. Беранскому, В. Бравве, П. Бурдиной, Д. и Г. Вильдгрубе, В. Драчу и Е. Тупицыной, Д. и М. Гольдиным, А. и Э. Горловым, З. Гуревич, Т. Зуншайн, Е. Казинцу и К. Старос, Ж. и Е. Каплан, И. Кунину и Н. Блок, В. и Д. Левенштейн, Н. Левиной, Е. Леоновой и А. Шахновичу, С. Лубенской, К. Меламуд, Е. Милютиной, А. Мушкаткол, Э. Попек, А. и Н. Попель, Е. Пятовой, И. и М. Рейзер, М. Ривкину, М. и В. Ромм, С. Рубинчику, Е. и О. Рыжовым, С. Селицкому, Г. Славской, Д. Смит, Э. Ульман, Ю. и М. Фикс, М. Фриман, А. и О. Футер, Р. Хинкли, П. Чернякову, М. и П. Шур.

Елена Яровая

*Мы живые пока. Мы глядим друг на друга,
Взглядом, будто лучом, освещая любимые лица.
Снова осень, и мы не выходим из этого круга,
Мы втянулись в него и теперь мы хотим повториться.
Снова осень, и нам не постичь ее знаков и формул,
А военные просто переходят на зимнюю форму.*

*Переходим и мы, разлетаясь комочками света,
Но совсем не исчезнем, ведь солнечный свет матерьялен,
Так нам кажется, но ничего мы не знаем про это.
Снова осень, и мир за окном безнадежно реален.
Связи тонкая нить не видна. За нее и держись.
Ведь любовь не кончается, просто кончается жизнь.*

ЛЮБОВЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ...

Слово о сестре

Этот сборник посмертный. При жизни Кати Яровой единственным признанием ее таланта были аплодисменты зрителей, пришедших на ее концерты. Это были домашние камерные концерты в тесных московских квартирах и просторных домах наших эмигрантов в Америке. Это были концерты и на престижных московских площадках, таких, как Центральный Дом литераторов, Дом актера, Центральный Дом художников, Колонный зал Дома союзов, ДК «Меридиан», и выступления в редакциях газет, в студенческих аудиториях, и гастрольные концерты в Ялте, Таллине, Ленинграде, Ташкенте, Самарканде и других городах Узбекистана.

Кто хоть однажды побывал на концерте Кати, попал навсегда в плен ее таланта, притягательности ее яркой, своеобразной личности. Люди плакали и смеялись над ее песнями, переписывали кассеты и рассказывали друзьям о том, что встретились с удивительным явлением — песнями Кати Яровой. И приводили друзей на концерты, где она исполняла свои песни под гитару. Но настоящей известности Катя не получила. Почему? По разным причинам. Частично она сама отвечает на этот вопрос в одном из своих стихотворений:

*Сверкают звезды на эстраде,
Их, как на небе, миллион.
Ревет стотысячное стадо,
И рукоплещет стадион.*

*И то рыдая, то ликуя,
Как клип, мелькая без конца,
Одна звезда сменить другую
Спешит — не разглядеть лица.*

*Я не звезда, я не из гордых,
Пою, дыханье затая,
И уместилась в трех аккордах
Душа бессмертная моя.*

Кате предлагали выпустить пластинку. Но только лирику, без политической сатиры. Она отказалась: «Это все равно что показать пол-лица». И в нескольких телепередачах, что все же были сняты о ней, самые острые, самые хлесткие, такие актуальные в то время песни не прозвучали. Побоялись выпустить их в эфир. А Катя не боялась. Мы помним танки на улицах Москвы в августе

91-го. Но Катя Яровая в «Песне про мое поколение» писала об этом гораздо раньше. А ее песня «Афганистан» была написана и исполнялась еще тогда, когда эту войну называли «интернациональным долгом». И разве эти едкие, обвинительные строки, к сожалению, тоже пророческие, стали менее актуальными во время войны в Чечне?

*Красивые слова – ну просто курам на смех,
Мы показали всем позорнейший пример.
Идет война, идет – не на живот, а на смерть
За мягкое подбрюшие СССР.*

*В медалях, звездах, знаках, орденах
Идут герои в цинковых гробах.
«Хотят ли русские войны,
поймет народ любой страны»...*

Моя сестра родилась 15 апреля 1957 года в Свердловске в семье филологов и режиссеров. В 1971 году семья переехала в Москву. Катя долго не могла найти себя: то решила поступать в театральное училище и, чтобы быть поближе к театру, устроилась работать кастеляншей во МХАТ, потом была администратором учебного театра ГИТИСа. В театральный поступать раздумала, а куда — не могла определить. Она сама освоила гитару и стала писать песни на стихи Цветаевой, Вознесенского, написала несколько собственных песен...

Чудо произошло после рождения дочери. Позже каждый свой концерт Катя начинала детской песенкой «Жил на свете гномик...», посвященной маленькой дочке. Этим сестра как бы отдавала дань судьбе, наградившей ее поэтическим даром после того, как она родила ребенка. С годовалой дочкой Катя отправилась к морю и

смело путешествовала с такой крошкой почти все лето, переезжая с места на место. Когда я после долгой разлуки встретилась с ней, она находилась в предпоследней точке своего путешествия — в абхазском селении Ингири, в семье знакомых грузин.

Когда дом с его многочисленными обитателями погрузился в сон, Катя набросила шаль на плечи, взяла гитару и сказала: «Посидим на крыльце. Я спою тебе свои новые песни». Мы вышли в сад. Все казалось волшебным сном. Наша встреча и этот абхазский рай вокруг — фруктовые деревья склонялись под тяжестью наливающих плодов, над нами раскинулось звездное южное небо, воздух был пронизан ароматами летней ночи. И в этих потрясающих декорациях Катя дала свой удивительный концерт. Я была ее единственным слушателем. Она пела песни, написанные этим летом. Я слышала их впервые. Их было много. Одна лучше другой. Я была потрясена. На моих глазах произошло чудо. Моя сестра, близкая и знакомая до мелочей, уже была не просто моя сестра. Это был поэт. Это были настоящие стихи и прекрасные мелодии. Все, что Катя писала раньше, было пробой пера, хотя и среди самых ранних Катиных стихов и песен были и милые, и талантливые. Но то, что я услышала той ночью в саду, были уже не песенки для домашнего употребления. Ее как будто прорвало. И стало ясно, что писать песни — это и будет делом ее жизни.

*Я не боюсь ни с кем сравненья,
Пускай летят мои года.
К лицу мне все мои творенья,
К лицу любые города.*

*И мне к лицу, могу сказать я,
И ожерелье сизых гор,
И моря голубое платье,
И неба головной убор.*

...

*И всех веками поражает
Моих творений простота,
И хоть я каждый год рожаю,
Моя не блекнет красота.*

*Тягаться кто со мной посмеет?
Мои не считаны года.
Ведь я Земля, богиня Гея,
Прекрасна, вечна, молода!*

Она пела от первого лица, и, хотя песня написана от имени богини Земли Геи, все это так подходило к ней самой, что казалось — она сама неотъемлемая часть этого сада, этой ночи, этой земли, молодая, красивая, недавно родившая женщина, которая открыла в себе Божественный дар и вложила в свои песни любовь и восхищение этим удивительным, этим прекрасным миром.

Стихи, написанные тем летом, Катя отправила в Литературный институт и прошла творческий конкурс. Сдала все экзамены на «отлично» и поступила. Попала в семинар Льва Ошанина. В интервью таллинской молодежной газете «Мастерская» сестра рассказывает о своей учебе в Литинституте: «Училась неплохо, но не ради диплома..., просто хотела получить... филологическое образование. Были предметы, по которым — так считала — иметь что-то выше тройки нормальному человеку стыдно... Хотя в принципе мне общественно-политические предметы нравились — там же столько

казусов и ляпов, как будто специально для моих песен. Иногда... начинала сочинять прямо на лекции».

*В нашем тесном углу мирозданья
Лучше в небо глядеть, не под ноги,
Чтоб не определялось сознание
Бытием нашим слишком убогим.*

Впервые в истории Литинститута выпускница Катя Яровая защищала диплом под гитару. И заработала аплодисменты Государственной комиссии.

Катина жизнь, бурная, полная событий, встреч, разлук, разочарований, бытовых и материальных проблем, пропущенная через магический кристалл поэзии, выливалась в песни. Чувство юмора, столь присущее Кате и ее стихам, спасительное чувство юмора, за которое она в самые тяжелые дни своей жизни хваталась, как утопающий за соломинку, иногда уступало место другим чувствам, как, например, в песне про отца. Это песня-воспоминание о первой настоящей детской потере, песня-признание в любви к отцу, который когда-то ушел из семьи:

*Ты уходил куда-то далеко,
А я на кухне грела молоко.
Ты уходил куда-то на века
И сдул меня, как пенку с молока.*

Трудно разделить Катю Яровую-поэта и Катю Яровую-человека, женщину. Вся ее жизнь — поиски любви, стремление к женскому счастью. Катя должна была находиться в состоянии влюбленности, иначе она не могла писать. Она искала любовь, но далеко не всегда находила то, что искала.

*Не попадала в глаз,
А попадала в бровь,
Лезла в такую грязь –
Искала тебя, Любовь.*

Любовная лирика Кати Яровой — это самая высокая нота ее творчества, в ней соединены нежность и нестерпимая боль разлуки и утраты любви. Это песни, сотканые из ее сердца, нервов, ее души («Но зато я знаю, где душа — там, где боль от нашего прощанья»). Ее любовные песни удивительно мелодичны. Очень трудно и жалко отрывать стихи от мелодии, нарушая тем самым целостность песен, эмоционально обедняя то впечатление, которое возникает, когда слушаешь их в Катином исполнении. Тема расставания с любимым, когда чувства еще живы, но судьба разлучает с ним навсегда, — одна из главных тем Катиных любовных песен.

*Судьбы своей не превозмочь –
Я ветром лист гонимый,
Губам произнести невмочь:
«Прощай, любимый».*

...

*Что это значит – «навсегда»
В дней круговерти.
Как страшно слово «никогда».
Страшнее смерти.*

Тема смерти постоянно возникала в стихах сестры, начиная с самых ранних. Многие строки оказались пророческими и в отношении ее собственной судьбы. Как страшно, что и на этот раз она не ошиблась:

*Да, и меня настигнет осень
Тягучим шелестом листвы
И как траву дождем подкосит
Загасит все мои костры*

*И будет жизнь воздушным шаром
На тонкой ниточке висеть
С моей гитарою на пару
Нам оторваться и лететь*

Эта песня была написана задолго до того, как врачи сообщили Кате, что у нее рак. Диагноз-приговор обрушился на сестру, ее близких и друзей, когда она в 1990 году находилась в Соединенных Штатах по приглашению профессора Джейн Таубман, которая влюбилась в Катини песни. Она предложила устроить несколько концертов в университетах для изучающих русский язык. Катя ехала «петь и смотреть», а попала в больницу. Не имея возможности заработать концертами и тем более заплатить за операцию, не имея медицинской страховки и никого из близких в чужой далекой стране, Катя тогда выжила благодаря Джейн и ее мужу Биллу, которые предоставили едва знакомому барду из России свой дом, договорились об операции и взяли на себя все заботы о Кате в такой страшный для нее период жизни.

Операция прошла удачно. И как только появились силы после курса облучения, Катя стала давать концерты. Везде, куда звали. Словарик в руки — и в самолет. Облетела всю страну. Позже в интервью санкт-петербургской газете «Час пик» Катя, в частности, расскажет об этом периоде: «Просыпалась утром и первым делом «находила себя»: я в Америке — раз. В штате Калифорния — два. В городке Купертино. В доме у... Как бы то ни

было, дала 50 концертов. Это много... Ни славы, ни особых денег я не заработала, хотя кассеты мои раскупали и меня «передавали» из штата в штат. Благодаря последнему обстоятельству Америку я узнала вблизи, повидала огромное количество людей».

Так вышло, что моя сестра прожила в Америке целый год. У нее появилось там много новых друзей, много поклонников ее песен. В газете «Новое русское слово» была напечатана статья Татьяны Янковской о творчестве Кати Яровой «Единство сердца и строки, поступка, жеста...», правда, в сокращенном варианте. В полном объеме чуть позже эта точная по наблюдениям статья была напечатана в Париже в журнале «Континент» № 1 за 1992 год. В данный сборник мы включили именно этот вариант статьи.

В мае 91-го Катя Яровая, как тогда казалось, победившая смертельную болезнь и покоровшая русскую американскую публику, вновь ступила на московскую землю. Здесь ее с нетерпением ждали самые близкие люди и самые преданные друзья, которые весь этот год молились за нее и переживали вместе с ней ее мужественную схватку со смертью. Телефон в ее маленькой квартире в пятиэтажке звонил днем и ночью, дверь не закрывалась — все хотели встретиться, послушать ее рассказы об Америке, о том, что там с ней приключилось, познакомиться с ее новыми песнями. Она умела очень интересно рассказывать и всегда была центром внимания в компании. Ее «байки» прерывались дружным хохотом — обычные, в общем-то, вещи она преподносила очень смешно.

Сохранилась видеокассета Катиного концерта в Доме актера в 1989-м году. Ее пригласили выступить перед актерами, среди которых было много очень известных, во время какого-то праздника. Артисты, привыкшие на-

ходить на сцене, превратились в зрителей. Они сидели за столиками, угощались, а заодно слушали Катю Яровую. Но так было лишь в самом начале ее выступления. Катя так построила свой концерт, что песни перемежались историями их создания, рассказами о том, как они пробивались в печать или так и оставались неопубликованными. Эти истории она рассказывала так остроумно, что вскоре все забыли об угощении, смеялись до слез и аплодировали от души.

У Кати было много друзей. Они любили ее и нуждались в ней, многие без ее совета просто не могли обойтись. И она часто оказывалась в роли психоаналитика, раздавая свой опыт, свой ум, свою душу по кусочкам всем, кто в этом нуждался. Она не жалела для этого ни своего времени, ни сил. А силы были на исходе. Болезнь, на время отступив, постепенно возвращалась. И в дни августовского путча 1991-го, когда самое время было Кате Яровой выступить со своими песнями, такими актуальными тогда, она лежала, скованная страшной болью в спине. Тогда она еще не понимала, что это грозный признак вновь наступающей болезни...

После возвращения из Америки Катя не дала ни одного платного концерта. Она приехала не в ту страну, из которой уезжала. Система организации выступлений изменилась — артист должен был заранее заплатить за аренду зала, гастрольные поездки осложнились из-за начавшегося распада СССР и из-за резко подорожавших авиабилетов и гостиниц. Да и уверенности, что билеты на концерт барда будут проданы, не было. Все были заняты политикой, добыванием еды и ожиданием новых катаклизмов. В тот период в России творчество Кати Яровой оказалось невостребованным. А вот в Америке ее помнили и ждали. Надо было как-то жить. Ведь Катя

зарабатывала на жизнь песнями. У нее не было иных источников дохода.

Весной 1992 года моя сестра вновь поехала в США, на этот раз с дочкой. Она оказалась в Колумбусе, штат Огайо, у своей давней и близкой подруги. По странному совпадению — так уж распорядилась судьба — Катя вновь узнает о том, что неизлечимо больна, именно находясь в Америке. Она успела дать несколько концертов, а потом почувствовала себя так плохо, что больше выступать не смогла. Один из зрителей, познакомившийся с Катей на концерте, сам врач, организовал ей консультацию у специалистов. Сомнений быть не могло — метастазы, болезнь прогрессирует с пугающей быстротой. Предложили традиционное лечение — облучение и химиотерапию. Но где же взять деньги на жизнь и лечение? Таня Зуншайн, у которой жила Катя с дочерью, делала все, что могла, и даже больше, но ее небольшой зарплаты не хватало. И тогда подключились друзья из России. Они подготовили письмо-обращение о помощи Кате Яровой, которое подписали известные российские деятели культуры Б. Ахмадулина, А. Битов, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Ф. Искандер, Б. Мессерер, Ю. Мориц, Б. Окуджава и другие. Письмо пришло за день до того, как подборка Катиных стихов должна была появиться в газете «Новое русское слово», и сразу пошло в номер. Вот выдержки из этого письма:

«Дамы и господа! Обращаем ваше внимание на тяжелое положение, в котором оказалась известный российский поэт и бард Екатерина Яровая. В годы застоя Катя проявила достаточно мужества и свободы, исполняя на концертах песни, полные иронии, поражавшие всех смелостью и честной гражданской позицией... Но это лишь одна сторона ее творчества. Катя — тонкий поэт-

лирик и наблюдательный бытописатель. Она автор более 300 песен. С большим успехом прошли ее выступления в ряде американских университетов в 1990 году.

Два года назад Катя перенесла операцию по поводу рака груди, сейчас у нее обнаружены обширные метастазы, и она проходит курс лучевой и химиотерапии в Колумбусе, штат Огайо., где оказалась, выступая с концертами... Никаких пособий и средств к существованию не имеет. В настоящее время нетрудоспособна. Живет с дочерью у знакомых. Положение ее катастрофическое.

Выражаем надежду, что вы сочтете возможным оказать Екатерине Яровой помощь в любой форме...»

И хлынул поток доброты, человеческого участия и любви. Ей писали совершенно незнакомые люди, вкладывая в конверт деньги — кто сколько мог. Писали и те, кто побывал на ее концертах. И в каждом письме: «Дай Вам Бог здоровья. Будем молиться за Вас». Эта помощь незнакомых людей, откликнувшихся на чужую беду, явилась для Кати такой моральной компенсацией в последние месяцы ее жизни, что это помогло ей выдержать все муки и не озлобиться на мир, на свою немилосердную судьбу. Она до последних дней была благодарна Богу за поэтический дар и людям за их добро, помощь и участие.

Лечение, проведенное в Колумбусе, Кате не помогло. В это время наша мать лихорадочно искала нетрадиционные способы лечения дочери в России. И нашла, как ей показалось, самый многообещающий. Геннадий Марков, ученый из Новосибирска, который разработал оригинальную методику лечения раковых больных, взялся за спасение Катиной жизни. Это была последняя надежда.

Кате помогали не только в Америке, но и в России.

После публикаций в газетах «Голос» и «Москвичка» пришли письма и деньги. В Новосибирск из Ташкента специально прилетела сотрудник Ташкентского телевидения Халима Мухамедова, чтобы привезти собранные там для Кати деньги, фрукты, видеокассету с телепередачей о ней. В Ташкенте помнили и любили Катю еще по ее гастролям в Узбекистане.

Мы с Катей жили в гостинице квартирному типа. Геннадий Марков приезжал к нам почти каждый день. Он делал все, что от него зависело, для спасения сестры, причем совершенно бескорыстно. Из Москвы прилетела Катина близкая подруга Оля Гусинская — хотела навестить ее и передать ей лекарства, да так и осталась с нами, потому что поняла, что нам очень нужна ее помощь, хотя в Москве у нее оставался сын на попечении сестры и работа, которую она, конечно, потеряла.

*Мой круг друзей, спасательный мой круг.
Не то что слов — и жизни всей не хватит,
Чтоб высказать любовь. Не хватит рук,
Чтоб заключить мне вас в свои объятия.*

...

*И жизни ткань пускай трещит по швам,
И каждый год прожитый — как заплата,
Свой каждый день я посвящаю вам —
Пусть жизнь моя достойной станет платой.*

Да, это именно та плата, о которой мечтали ее друзья в обмен на свою доброту. Они хотели только одного — чтобы Катя осталась жить.

Сестра умерла 12 декабря 1992 года в больнице новосибирского Академгородка. Ей было 35 лет. Похоронили ее 16 декабря в Москве на Востряковском кладбище,

недалеко от могилы Андрея Сахарова.

«...Катин стремительный уход из жизни — огромная потеря не только для русской культуры, но и для ее друзей, которых у нее было множество по обе стороны океана. Она обладала удивительной способностью мгновенно обрастать друзьями, куда бы ни занесла ее судьба. Тепло и свет, исходившие от нее, делали ее родным, близким человеком всем, кто попадал в поле ее притяжения. Ей было так легко помогать — наверное, потому, что она редко о чем-нибудь просила и умела радоваться и быть благодарной, как никто. Ее неиссякаемое остроумие делало общение с ней праздником. Ее нравственный барометр был безошибочен. В общении с ней люди всегда раскрывались с лучшей стороны. Для многих из ее окружения встреча с ней, ее влияние открыли новую страницу в жизни», — писала Татьяна Янковская в «Новом русском слове» 22 декабря. Попрощались с Катей и российские газеты «Голос», «Москвичка», «Литературные новости», «Российское время», опубликовавшие текст Катиной последней песни.

Каждый год, обычно 15 апреля или 12 декабря, по общеамериканскому национальному радио, вещающему на русском языке, звучит передача о Кате Яровой, подготовленная Аллой Кигель, звучат Катини песни. После передачи в студии не смолкает телефон — шквал звонков, как говорит Алла, «творится что-то невероятное, такого отклика не вызывает ни одна передача». Люди благодарят за подаренную возможность услышать песни Кати Яровой, говорят, что потрясены услышанным, скорбят о ее безвременном уходе...

«Любовь — это состояние моей души», — говорила Катя в последнем в ее жизни интервью для американского телевидения. «Связи тонкая нить» между ушедшими от

нас и теми, кто остался здесь, на земле, — это Любовь. Катины песни и стихи пронизаны Любовью, и ее ощущают все, кто прикасается к ее творчеству, — давние поклонники ее песен и те, кто впервые слышит их. Наша память о ней — родных, близких и друзей, а также тех, кто никогда не знал Катю, но теперь, услышав ее песни, откликнулся на них сердцем, — это обратная связь, наш посыл Любви к ней. И так будет всегда, потому что «Любовь не кончается. Просто кончается жизнь».

Елена Яровая

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПЕСНИ

* * *

Дочери

Жил на свете гномик,
Он был ужасный комик,
Он любил варенье
И под настроенье
Тихонечко свистел:

    фюить-фью, фюить-фью,
    фюить-фью, фюить-фью, фюить-фью.

Жил один слоненок,
Совсем еще ребенок,
И он любил варенье,
Но под настроенье
Тихонечко пыхтел:

    упфу, упфу,
    упфу, упфу, упфу.

Жил один утенок,
Желтый, как цыпленок,
И он любил варенье,
Но под настроенье
Тихонечко кряхтел:

    фряк, фряк, фряк,
    фряк, фряк, фряк.

Жил один котенок,
Резвый, как чертенок,
И он любил варенье,
Но под настроенье
Тихонечко шуршал:

шу-шурум-шу-шум-шум,
шу-шурум-шу-шум.

Жил один ребенок,
Пушистый, как котенок,
Маленький, как гномик,
Толстенький, как слоник,
Желтый, как цыпленок,
Он только из пеленок,
Еще не ел варенья,
Но под настроенье
Он целый день сопел,
Свистел, пыхтел, кряхтел,
Однажды в воскресенье
Ввел всех в недоуменье —
Он пыхтел, сопел
И вдруг тихонечко запел:

ля, ля, ля, ля, ля, ля,
тра-ля, ля, ля, ля, ля,
пам-парам-па-пам-пам,
пум-пурум-пу-пум-пум,
бум-бурум-бу-бум-бум,
фум-фурум-фу-фум-фум,
там-тарам-та-там!

1981

* * *

Отец мой, ты меня недолюбил.
Недоиграл со мной, недоласкал.
И на плечах меня недоносил,
Как будто детство у меня украл.

Ты уходил куда-то далеко —
А я на кухне грела молоко.
Ты уходил куда-то на века
И сдул меня, как пенку с молока.

Не смерть, и не тюрьма, и не война
Взяла тебя, а женщина одна.
И я, зажав печенье в кулаке,
Смотрела, как уходишь налегке.

И внучка у тебя теперь, и внук.
Ты скоро станешь доктором наук.
А я как бы двоюродная дочь.
Ведь с глаз долой — значит из сердца прочь.

А мне любовь нужна, как витамин.
Ищу похожих на отца мужчин.
Но кто же мне излечит — вот вопрос —
Любви отцовской авитаминоз?

Отец мой, ты меня недолюбил.
Недоиграл со мной, недоласкал.
Как будто дочь кому-то уступил,
Ну а ее никто не подобрал.

ПЕСНЯ ПРО МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Семидесятых поколенье.
Какое время? Безвременье.
Какие чувства? Сожаленье.
А как зовут нас? Населенье.

Достались нам одни обноски:
Вставная челюсть на присоске,
Пятидесятых отголоски,
Шестидесятых подголоски.

Обозначены сроком
Между «Битлз» и роком,
Между шейком и брейком,
Между Кеннеди и Рейганом,
Между ложью и правдой,
Меж Кабулом и Прагой,
Между хиппи и панками
И всегда между танками...

Семидесятых поколенье,
Как отсыревшие поленья,
И не горенье, не гниенье,
А так, застойное явление.

Смирившись, ни во что не лезли мы
И пережили двадцать лет зимы...
Заиндепевшим, какво теперь
Согреться в нынешнюю оттепель?!

Обозначены сроком
Между «Битлз» и роком,

Между шейком и брейком,
Между Кеннеди и Рейганом,
Между ложью и правдой,
Меж Кабулом и Прагой,
Между хиппи и панками
И всегда между танками...

Уже никто не ждет с волнением,
Что скажет наше поколение,
А должен быть как раз сейчас
Наш апогей, наш звездный час!

Тридцатилетние подростки,
У нас лишь планы да наброски.
На нас взирает как на взрослых
Поколение девяностых.

Обмануть себя просто —
Нет с «потерянных» вопроса...
Только совесть вопросом
Прорастет сквозь былье,
И душа на мгновение
Вспыхнет, как на рентгене, —
Тут не спишешь на время
Прозябанье свое!

Владимир ФРУМКИН

С песнями Кати Яровой меня свел случай. Ее голос возник посреди редакционной суеты и шума — он доносился из портативного магнитофона, вокруг которого сгрудились мои коллеги по «Голосу Америки». Первое чувство — удивление. Казалось, чего можно ждать от новой поросли российских бардов после мощного песенного всплеска 60-70-х годов в это смутное, неустойчивое, непесенное время (дело было в 90-м году)? Но от голоса на кассете веяло подлинностью. Песни подкупали точностью и сжатостью поэтической мысли, внутренней силой и смелостью обобщений. Никакой романтической размягченности, даже в любовной лирике. Никаких иллюзий. Скепсис, трезвость, ирония (часто по-галичевски горькая и жесткая), едкая насмешливость.

«30 лет — это время свершений. 30 лет — это возраст вершины. 30 лет — это время свержений тех, что раньше умами вершили» — так пел когда-то шестидесятник Юра Кукин. «Тридцатилетние подростки... У нас лишь планы да наброски», — звучало у барда нового времени, у певца поколения, которое «...и не горенье, не гниенье, а так — застойное явление».

Эта песня многое для меня открыла — и в Кате, и в ее сверстниках.

Прошло несколько месяцев. Был конец января 1991 года. Провожая Катю на автобус, уходящий в Нью-Йорк, я сказал ей: «Угадайте, какая из ваших песен для меня самая сильная». «70-х поколение», — ответила она не задумываясь.

Вашингтон, США

КРАСНЫЙ УГОЛОК

*Радуйтесь, что вы не в тюрьме, не в больнице.
Если вас ведут в караульный участок, радуйтесь,
что вас ведут не в геенну огненную.*

А.П.Чехов

Не в химчистке и не в бане,
Не в киоске, не в ларьке,
Я живу себе в нирване
В самом Красном уголке.

На просвет, как на рентгене,
Но ведь не на Колыме.
И не в огненной геенне,
Не в больнице, не в тюрьме.

Здесь ни пьяни нет, ни брани —
Рада вся моя родня.
И проводятся собрания
Прямо в спальне у меня.

Здесь благообразья царство,
А царем здесь комендант.
Охраняюсь государством,
Как музейный экспонат.

На подъезде нету кода,
Но решетка на окне.
И прибит Моральный Кодекс
В изголовье на стене.

Не страшны мне катаклизмы,
Что хочу себе пою.

В уголке социализма
Проживаю, как в раю.

Все ведут себя культурно,
Гости на пол не плюют.
У меня при входе урна —
В уголке моем уют.

Притащили мне трибуну
В мой прекрасный уголок.
Постучу по ней и сплуну,
Чтоб никто не уволок.

На меня глядит с портрета
Ленин с кепочкой в руке...
Если жить в Стране Советов,
То уж в Красном уголке.

Не хочу я жить в квартире,
Мне теперь все нипочем!
Я пожить могла бы в тире,
Впрочем, все мы в нем живем...

ПРО РОДИНУ – МАТЬ

Жить в рабстве так же сладко, как спать ребенку в мокрых
пеленках.

Хоть мокро и темно, но тепло и по-своему уютно.
По-своему приятно для Родины быть вечным ребенком
И ждать то похвалы, то любви, то наказания поминутно.

Сурова наша мать и не часто нас балует любовью —
То грозно смотрит вдаль, шевеля знаменитыми усами,
То лысиной сверкнет, а то поведет мохнатой бровью —
Она так многолика, что мы ее лица не знаем сами.

А Родина в нас верит, но как-то нам не очень доверяет.
И как же доверять, если мы для нее всего лишь дети?!
Следит так умиленно за нами и все время проверяет,
Отбившихся от рук и непослушных держит на примете.

И с колыбели нам наша Родина рассказывала сказки,
Пытаясь убаюкать и рот затыкая нам пустышкой,
Кормила жидкой кашей, баландой, а иногда колбаской,
Все варево свое закрывая железной плотной крышкой.

А у твоих детей всего хватает, кроме совести и денег.
Мы выросли уже, и мечты голубые посинели.
Идут твои герои, но за собой не оставляют тени —
Кто умер, кто уехал, остальные свои сроки отсидели.

А может, ты не мать, а просто мачеха, но где же ты,
родная?
Чтоб верить и любить и не сменить ни на какие блага
жизни,

Чтоб жизнь свою отдать за тебя и быть счастливым,
умирая...
Но, видимо, взаимность должна быть и в любви к своей
отчизне.

Неправда, что родителей и Родину себе не выбирают.
Хоть многие из нас поодиночке отправлены на экспорт,
Мы выбрали тебя. И хоть ты страшная, убогая, хромая,
Мы все-таки твои, ведь от России не спасешься бегством.
Жить в рабстве так же сладко, как спать ребенку в мокрых
пеленках...

* * *

Посвящается XIX партконференции

Кто сказал, у нас бардак и неразбериха?
Это только кажется всем на первый взгляд.
Каждый знает свой шесток и сидит там тихо.
Каждый знает, что почем и с чем его едят.

Африка — для негров,
Москва — для москвичей,
Для народа — партия,
Камчатка — для бичей,
Завтрак — для туриста,
Паек — для коммуниста,
А все лучшее пока
Только для ЦК.

Хорошо б залечь на дно и не колыхаться,
Надо б эти все дела тихо переждать.
Гласность гласностью, но все ж не стоит забываться:
Сегодня есть, а завтра нет, и всех начнут сажать.

Для кого-то семя,
Для кого-то жмых,
А программа «Время»
Для глухонемых,
Кому-то передышка,
А кому-то — крышка,
А все лучшее пока
Только для ЦК.

Слышали, что партию собрались, ей-богу,
Говорят, от государства вовсе отделить?!

Будет наша партия, как храм и синагога,
Сама собой командовать, сама себя кормить.

Законы — для юриста,
Лекарства — для врача,
А для оптимиста —
Заветы Ильича,
Для народа — гласность,
Для мира — безопасность,
А все лучшее пока
Только для ЦК.

Все идет своим путем, и жизнь как будто лучше,
Вот и на полях уже уменьшен недосев!
Если нечего поесть, то на тяжелый случай
Можно книжки почитать издательства «Посев».

Для кого-то — водка,
Для кого-то — сок,
А для самогона — сахарный песок,
Правда — для народа,
Госприемка — для завода,
А все лучшее пока
Только для ЦК.

Стало легче жить теперь советскому народу.
Даже вражьи голоса не глушат, как встарь.
Объявил амнистию и всей стране свободу
Хоть и генеральный, но все же секретарь.

Здоровье в порядке —
Спасибо разрядке,
Телевзгляд и телемост —
Отношений рост.
И осталось только нам
Переждать, пока
Станут все, кто был в ЦК,
Когда-нибудь «зэка».

ПРОЩАНИЕ

I. ПРОВОДЫ ДРУГА

Память, словно кровь из вены,
Хлещет — не остановить.
Объявили рейс на Вену,
Словно «быть или не быть».

И таможенник Хароном
По ту сторону перил.
Как по водам Ахерона,
Ты поплыл, поплыл, поплыл...

Вроде радоваться надо,
Что ж я плачу, как и все?
Ты прошел все муки ада,
Ты на взлетной полосе.

Ведь тебя же не насильно,
Что ж я плачу, Бог со мной?!
Шаг один — и всю Россию
Ты оставил за спиной.

Хватит ран для целой жизни.
И не в дефиците соль,
Ведь любовь к моей Отчизне —
Как хроническая боль.

Ты глазами провожаешь
Всю загадочную Русь...
Ты не столько уезжаешь,
Сколько я здесь остаюсь.

1986 или 1987

II.

Семье Голембо

Вот и вы, о Господи, и вы
Уезжаете, меня оставив нищей.
Рвутся узы. Визы, вызовы...
Не спасти корабль. Пробито днище.

Прощайте.

Мне с моей не справиться судьбой —
Провожать — вот мой удел от роду!
Кто-то должен всем махать рукой.
Нет конца извечному исходу.

Прощайте.

Кто-то должен каждую черту
Ваших лиц запечатлеть глазами.
И вот эту, и еще вон ту,
И, как снимок, проявить слезами.

Прощайте.

Не оглядывайтесь, умоляю вас.
Оглянуться — испытать сомненье.
Вслед гляжу. Ну что ж, не в первый раз
Эвридиковой мне оставаться тенью.

Прощайте.

Я как нищая — в ладонях ни гроша.
Одинокость хуже обнищанья.
Но зато я знаю, где душа, —
Там, где боль от нашего прощанья.

Прощайте.

III.

Никите Якубовичу

Настанет день — и в воздухе растает
Твое лицо.

Настанет день — тебя со мной не станет
В конце концов.

Растает тень — рука моя наткнется
На пустоту.

Настанет день — и голос мой споткнется
О немоту.

И побреду я, глаз не подымая,
К своей беде.

Что нет тебя, еще не понимая.
Совсем. Нигде.

Что ты оторван от меня внезапно,
Еще любя.

Пойду туда, где голос твой и запах,
Где нет тебя.

Настанет день — глаза мои забудут
Твое лицо.

Настанет день — тоски уже не будет
В конце концов.

Настанет день — забудут мои руки
Твой контур плеч.

Твой смех и взгляд под тяжестью разлуки
Мне не сберечь.

Но тайный свет любви неуголенной
Неугасим.

И образ твой в душе запечатленный
Навек храним.

Но чудо вот! Последняя награда
За боль мою —
Еще ты есть. Ты здесь еще. Ты рядом!
И я пою:

Настанет день — и в воздухе растает
Твое лицо.
Настанет день — тебя со мной не станет
В конце концов.
Растает тень — рука моя наткнется
На пустоту.
Настанет день...

август 1989

* * *

По свету бродит одинокая
Самоубийцею под окнами
Моя Любовь

неутоленная

Как головешка обожженная
По свету бродит обнаженная
Моя Душа

испепеленная

Течет в сосудах заточенная
Со мной навеки обрученная
Моя Печаль

неосветленная

И от тоски как уголь черная
Сама как пытка утонченная
Домой одна иду-бреду
едва дыша

Кому нужны мои бездомные
Как будто дети незаконные
Моя Любовь

моя Печаль

моя Душа

* * *

Я не боюсь ни с кем сравненья,
Пускай летят мои года.
К лицу мне все мои творенья,
К лицу любые города.

И мне к лицу, могу сказать я,
И ожерелье сизых гор,
И моря голубое платье,
И неба головной убор.

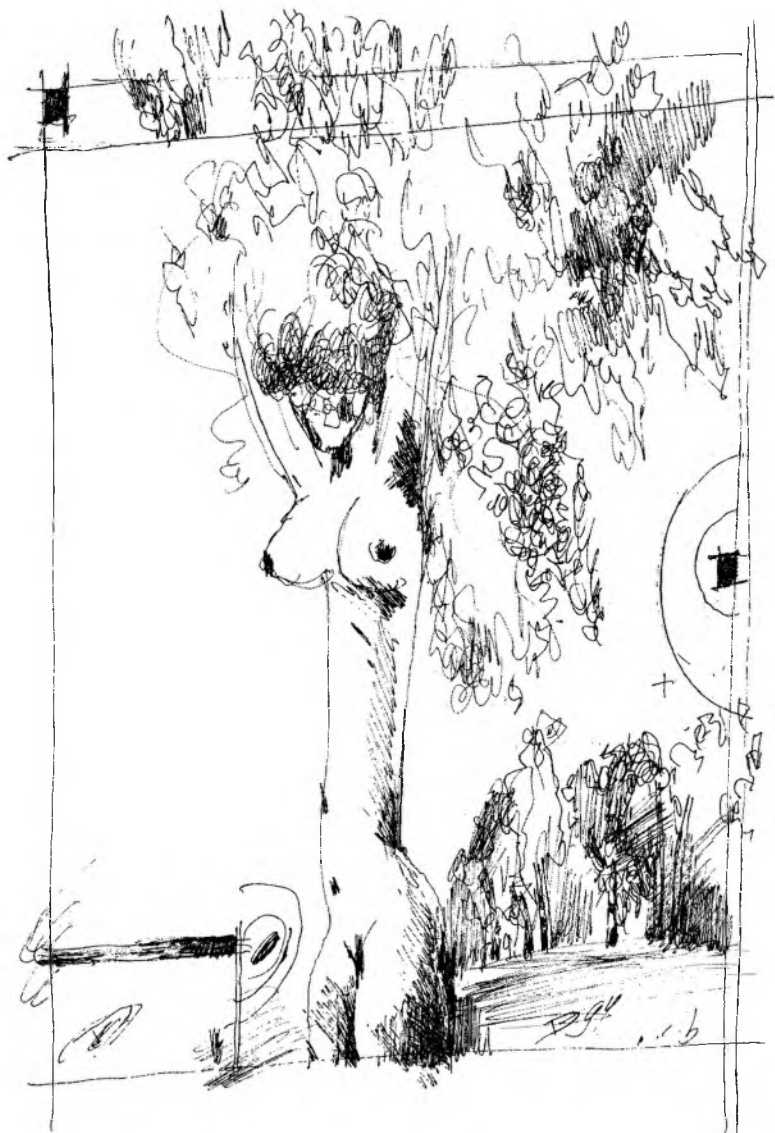
Я нищеты не знаю муки.
Со мной тягаться кто готов?
Полны мои деревья-руки
Перстнями тяжкими плодов.

В моей короне звезды светят.
И неразлучные со мной
И вольный мой любовник — ветер,
И муж мой — месяц молодой.

И всех веками поражает
Моих творений простота,
И хоть я каждый год рожаю,
Моя не блекнет красота.

Тягаться кто со мной посмеет?
Мои не считаны года.
Ведь я Земля, богиня Гея,
Прекрасна, вечна, молода!

сентябрь 1982
Ингири

НОЧЬ В ГЕЛЕНДЖИКЕ

В саду стояла старая кровать.
Плескалось море где-то за спиною,
И можно было яблоко сорвать,
К кровати ветку подтянув рукою.

Летела ночь и падали миры,
Планеты-яблоки раскачивала ветка,
Лишь притяжением земной коры
Держалась прочно панцирная сетка.

Мы видели, как нас с тобой несло
Сквозь мириады звезд, веков и странствий
И как микроскопически мало
То место, что мы заняли в пространстве.

И вскрикивали где-то поезда,
Земля летела, ветер дул нам в лица.
Прожгла подушку синяя звезда,
Хвостом кометы мы могли укрыться.

Мы мерили руками неба свод,
И был нам космос материнским лоном.
И на волнах первоначальных вод,
Покачиваясь в позе эмбрионов,

Мы спали. Сон был как до бытия.
До бытия, до смерти, до зачатья.
В нас спали будущие «ты» и «я»
Не за семью, но за одной печатью.

А утром — воздух был и чист и свеж,
Мы проследили первых птиц паренье,
И с неба лился ясный белый свет,
И был весь мир как в первый день творенья.

1984

ПЛЯЖНАЯ ЗАРИСОВКА

Освободите наш топчан!
Здесь топчаны для свердловчан!
Чего глядишь? Не зоосад!
Здесь пляж купил пансионат.

Освободите наш лежак!
Здесь санаторий, во чудак!
Здесь море наше, и песок,
И неба синего кусок.

Куда плывешь?! Глаза разуй!
Эй, в синей шапочке, — за буй!
Куда ж ты в Турцию?! Во гад!
Наза-ад!

Но там — пансионат...

Владимир ВИШНЕВСКИЙ

Дружба наша оказалась избавленной от быта и обыденности: встречи с Катюшей были редки, но метки. Это был праздник взаимной приязни, пир импровизации... Мы весело нахваливали друг друга, взаимозаряжаясь энергией (тогда это слово еще не было расхожим до неприличия). Мы говорили друг другу те самые комплименты, которые сильно скрашивают всем пишущим и поющим «короткую такую»... Я это к тому, что Катя осталась для меня человеком абсолютно радостным.

Произошедшее дает безвременную возможность оценить и застолбить. Уверен, не только я считаю, что фигура Кати Яровой имеет место, она есть не просто в русском шансоне, но и в словесности — уже хотя бы в смысле т. н. работы со словом и со словами. Не так мало: несколько песен-жемчужин, стихи, которые помнят, божественный венок сонетов... Я придаю повышенное значение таким, например, строчкам — из песни слова! — «Освободите наш топчан, здесь топчаны для свердловчан!..» Недавно я лишний раз убедился в том, что Катины песни и в пересказе способны впечатлеть сегодня всех, кого хочется посвятить в это имя. Лучшие не устаревают и вопреки, и благодаря точнейшим и ароматнейшим деталям своего времени, которое так снайперски схвачено в этих песнях.

...Сегодняшняя жизнь Кати представляется, слышится мне длящейся, щемящей, мерцающей мелодией, внятной для всех, кому довелось ее знать.

Москва

* * *

— Галя, к тебе ведь сватается Лешка,
Коли его прибрать немножко,
Он с человеком будет схож...

— Ну их! Найду себе я помоложе,
Себя гляди и Витьку тоже,
Еще его глядеть на что ж!

Витька! Зачем измазал руки сажей?!
Иди домой, а ну-ка щажже,
Смотри, не доводи меня!
Витька! Гляди, штаны на что похожи?!
Иди домой — умою рожу
И дам хорошего ремня!

— Галя! Ты покажи свои покупки,
Какую отхватила шубку,
Где туфли белые брала?
— Я их взяла в центральном магазине,
На коже ведь, не на резине —
Не зря я деньги отдала.

Витька! Вчера тебя лупила мало,
Иди домой, кому сказала,
С людьми дай поговорить.
Витька! Иди сюда сию минуту!
Я повторять сто раз не буду,
А буду долго много бить.

— Галя, где с Витькой целый день гуляли?
— А мы с ним были на вокзале,
На Сочи брали мы билет.

Витька пушай посмотрит на природу,
Такого он не видел сроду,
А ведь ему уж девять лет.

— Витька! А ну, скажи нам, где твой папка?

— Он заколачивает бабки.

На Крайнем Севере живет.

В общем, нам без него ничуть не хуже,

Живем мы с мамкой очень дружно,

Она не очень больно бьет.

август 1982

Новороссийск

ОРКЕСТРИК

Я купила старенький рояль,
дать хотела было чувствам волю,
музыки ждала, да вот печаль —
не звучат диезы и бемоли.

Я купила буковый кларнет,
но не удалось извлечь и звука,
и не потому, что звука нет,
а была не та порода бука.

Я купила медную трубу
и взялась трубить что было мочи,
но не обмануть свою судьбу,
и труба послушной быть не хочет.

Я купила новый барабан,
чтоб тоску-злодейку уничтожить,
да не удалось, опять обман —
оказалась слишком тонкой кожа.

Я металась, выла по ночам,
я ждала, и это было мукой,
но рояль по-прежнему молчал,
и кларнет не издавал ни звука.

И когда я перестала ждать,
перестала требовать и злиться,
мой оркестр начал так играть!
Мне такое не могло и сниться...

август 1982
Новороссийск

* * *

Зачем мы все живем начерновую
И вместо шелка носим джинсов сбрую?
Давайте день ненастный облюбуюм
И в честь него достанем праздничный сервиз.

Когда настанет век, где все легально,
Где музыкальны все и уникальны,
Час радости длинней, чем час печальный,
Где каждый день — подарок и сюрприз?

Зачем трубить в ржавеющие трубы,
Зачем трудить надтреснувшие губы,
Зачем так примитивны мы и грубы
И на ночь совесть запираем на засов?

Оркестр играет свадебные марши,
День завтрашний вольется в день вчерашний,
И самый непреклонный, самый страшный
Звук незаметный — тиканье часов.

Мы мечемся, себя не понимаем,
Не тех, кого мы любим, обнимаем,
А тех, кого мы любим, отпускаем,
Не знаем мы, что с нами станет через год.

Гудят неумолкающие струи,
Звенят, звенят натянутые струны...
На нас, неблагодарных и безумных,
Вдруг благодатью мудрость снизойдет...

*июнь 1982
Москва*

ГАММА

Посвящается Риге, Юрмале, Сигулде

ДО

Я жить здесь хочу всегда —
В краю молчаливых сосен,
Где остановились года,
Где в листьях ржавеет осень,

Где моря язык стальной
Берег соленый лижет,
Каштаново-смоляной
Настойкою воздух выжат.

Я жить здесь хочу всегда —
В краю янтаря и тмина,
Где плачут навзрыд поезда
И ветер холодный в спину...

РЕ

Над лесом, над речкой
Вагончик летит.
Деревья — как свечки,
В них осень горит.

Трещит под ногами
Осенний костер.
Над речкою Гауей
Старый костел.

Вагончик буксует,
И видно в окне,

Как ветер танцует
В осеннем огне.

МИ

Стоит ресницы смежить —
Будури, Майори, Меллужи.
Закрит павильон «Все для пляжа»,
Осенняя жизнь налажена.

Плачет игрушка Юрмала,
Уткнувшись в подол тумана...
Я это все придумала?
Не пережить обмана.

ФА

По улочкам гулким
Шаг легкий и четкий,
Проулки, прогулки,
Бульжники — четки.

Глазами — запомнить!
Шагами — впечатать!
Душу — заполнить
Светлой печалью!

По улочкам гулким
Шаг легкий и четкий,
Проулки, прогулки,
Бульжники — четки.

Взлететь — и растаять,
Упасть — и разбиться...
В памяти стаями
Лица, как птицы.

По улочкам гулким
Шаг легкий и четкий,
Проулки, прогулки,
Булыжники — четки.

Обратно! — как молотом,
Поездом скорым.
А память приколота
Домским собором.

СОЛЬ

Слышу я перезвон: «дзынь-янтари».
Неужели снова я в Дзинтари?
Не мерещится, не снится, не кажется —
Узнаю я здесь сосну каждую.

Где дорожка вьется к морю ленточкой,
Там, где море изогнется дюнами,
Вижу девочку в рубашечке клетчатой —
Узнаю я здесь себя юною.

ЛЯ

Я любовь свою выкричу, выплачу,
Если надо — за все заплачу,
Но я душу свою — вылечу,
А иначе я — не хочу!

Я любовь свою вымолю, выпрошу,
Если надо — себя укрошу.
Из души я все лишнее выброшу
И по ветру пушу!

Я любовь свою сирую, босую
Сберегу, как родное дитя.

А с душою своей безголою
Я расстанусь — шутя...

СИ

Там, возле Кримулдского замка,
Сидит фотограф, как охотник,
Вокруг него собака ходит.
А поезд — завтра...

В лесах, где затаилась осень,
Где плачет ветер на закате,
Висит вагончик на канате.
А поезд — в восемь...

И плачет лес, прощаясь с летом.
В туман завернутые горы.
И листьев хрупкие скелеты.
А поезд — скорый...

* * *

Леса со вздохом облегченья
Освободились от одежд
А мы со вздохом сожаленья
Освободились от надежд

Нас щедро одарило лето
Для нас был праздник день любой
Где счастья верные приметы
Свобода, праздность и любовь

Но души словно сад прозрачны
В печальном многоточье дней
И на продрогшей старой даче
Яснее стали и видней
Дары удары неудачи
На фоне графики ветвей

* * *

Рисует Время мой портрет,
и детскую припухлость
переправляет в жесткость черт,
а стройность плеч — в сутулость.

Суров художник, ни на миг
не прекратит корпенья.
И переписывает лик,
не зная воскресенья.

«Готов портрет, остановись,
молю тебя, художник!»
Но нет, неумолима кисть,
движение непреложно.

Еще мазок, еще черта,
еще десятилетье...
И вот у сморщенного рта
плетут морщины сети.

Работа кончена. Творец
застынет в изумленье,
когда увидит наконец
ужасное творенье.

Он уничтожит черновик,
но в горе рук не сложит —
мазком округлый детский лик
на чистый холст положит...

* * *

Нам в дочки-матери играть уже не нравится,
Нам разонравились кастрюльки и посудка,
Мы наигрались в королевы и красавицы,
Мы заигрались в папы-мамы не на шутку.

И в магазины нам играть уже не хочется,
И в докторов нам разонравилось играть,
И называют нас по имени и отчеству,
Но мы еще не научились откликаться.

А превращались мы в принцесс из бедных золушек,
Но, видно, слишком на балу мы задержались —
Пробило полночь, кончен бал, кареты золото
Померкло, и карета в тыкву превращалась.

И мы теряли башмачки свои хрустальные,
Бежали в ночь, летели волосы по ветру...
И ждали принцев, но с годами ждать устали.
На все вопросы получили мы ответы.

И вот теперь мы копим деньги, а не фантики,
И мы заботами раздавлены, как прессом...
Но дочерям своим завязываем бантики,
Читаем сказки и готовим их в принцессы...

ДНИ СЕНТЯБРЯ

Зажегся день, теплом и светом полнится,
Мир, как младенец матерью, умыт.
И паутина — пряжа Богородицы —
Летит, летит и в воздухе парит.

Дни сентября так хрупки и не вечны —
Для любованья, а не для игры.
Дни сентября — то стеклодув беспечный
Сдувает вниз стеклянные шары.

Сентябрьский день — прозрачный и звенящий —
В хрустальной сфере голубых небес.
В ней отражен прощальный и летящий,
Весь золотой и невесомый лес.

Такие с неба льют потоки света,
Наполнен солнцем каждый уголок,
Как будто, уходя, все просит лето
В займы у осени еще денек.

Но вот уже деревьев гаснут свечи,
И меркнет свет, и тени вырастают.
Уходит день, переплавляясь в вечер,
Еще минута — и его не станет.

Зари вечерней свет багрово-медный,
Мгновенье — и все скроется во мгле.
Уходит день. Не первый, не последний,
Еще один день жизни на земле.

* * *

Что моя жизнь? Летящая звезда...
Как вспыхнувшая спичка в мирозданье.
Грохочут чьи-то жизни-поезда
К конечной станции без опоздания.

А за окном летящие леса,
В которых никогда не очутиться.
Ревущие гудки, как голоса
В ночи, что мечется в вагоне черной птицей.

Из поезда взгляни в окно, туда,
Где ни гудков, ни рельс, ни расписаний.
Там жизнь моя — летящая звезда,
Как вспыхнувшая спичка в мирозданье.

* * *

Будьте внимательны на переходах.
Их так легко обнаружить, поверьте.
Черные полосы — полосы смерти —
с белыми мудро тасует природа.

Смотришь направо — видишь неправду.
Смотришь налево — тоже нелепо.
Прямо смотреть нам никто не мешает,
но светофор за тебя все решает.

Будьте внимательны на переходах —
от обезьян все никак к человеку.
Кто бы мы ни были, мы пешеходы
на переходах ревущего века.

На переходах новых формаций
не потеряться бы, не растеряться.
На переходах от мирных открытий
до катастрофы нейтронных событий...

Будьте внимательны на переходе
(мы его жизнью еще называем).
С плача прихода до скорби ухода
лик наш становится неузнаваем.

Путь завершится, будь самый победный.
Вот переход наш подземный, последний.
Вся наша жизнь — переход от восхода
до угасанья полоски захода...

Будьте внимательны на переходах!

* * *

А.М.

Любимый, что нас развело с тобой?
Мы долгожданный обрели покой,
Наверно, слишком был высок костер,
Наверно, слишком нож любви остер.

У страсти голос слишком был высок,
Всегда от гибели на волосок,
Любовь с тобою нас свела сама,
Сама же нас с тобой свела с ума.

Любимый, что мы сделали с собой!
Не оживить нас и живой водой,
Лишь смерть должна была нас разлучить —
Любовь нам приказала долго жить.

А может, это только страшный сон?
Но что-то слишком долго снится он,
Проснусь, тебя рукою обхвачу
И больше никогда не отпущу.

Любимый, что мы сделали с собой!
Любимый, что мы сделали с собой!..

* * *

Не трепетать?   Не трепещу.
Не тосковать?   Я не тоскую.
Не ревновать?   Я не ревную.
Обидишь —   я тебя прощу.

Как у игрушки заводной
Уже растянута пружина.
Я стала гибкой и складной.
Складной, как ножик перочинный.

* * *

Да, и меня настигнет осень
Тягучим шелестом листвы
И как траву дождем подкосит
Загасит все мои костры

И будет жизнь воздушным шаром
На тонкой ниточке висеть
С моей гитарою на пару
Нам оторваться и лететь

В ушко судьбы мне не удастся
Втянуть любви золотую нить
И над огнем ее прекрасным
Мне только крылья опалить

Аккорд последней песни смолкнет
Но вы узнаете меня
По сумасшедшей рыжей челке
Опавших листьев и огня

НЕЛИРИЧЕСКИЙ МОНОЛОГ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ

Венок сонетов

Н. Я.

1

Мои печали не по силам
Тому, кто дремлет на ходу,
К тому ж, отмечу я курсивом,
В любовном пламенном бреду

И в упоительном экстазе
Молчанье — золото? Мура!
Цветы засохли в вашей вазе,
И их давно сменить пора.

Писать стихи — какая глупость!
Быть ангелом — какая чушь!
Любви мужской известна скупость,
Будь он любовник, будь он муж.

Но даже средненький сонет
Прекрасней всех иных побед.

2

Прекрасней всех иных побед —
Победа духа над кроватью,
Но, сколько ни даю обет,
Мужчин, как наших меньших братьев,

Люблю я как царей зверей,
А также женщин, потому как

Они детей рожают в муках —
Мне жалко их как матерей.

А также я люблю вино,
Наряды, деньги и машины,
И чтобы с Вами заодно
Меня любили все мужчины.

Ведь обладает адской силой
Все то, что сводит нас в могилу.

3

Все то, что сводит нас в могилу,
Все то, что гибелью грозит,
Для сердца нашего так мило,
А потому нас и манит.

Я не люблю диеты строгой,
А также горнолыжный спорт,
Бассейны, бани, хатха-йогу,
Я не люблю ходить на корт,

Где полубоги, полуснобы
Об стенку ударяют мяч,
Играют в лаун-теннис, чтобы
Хоть как-то мускулы напрячь.

А мне милей дым сигарет,
Любовь, печаль и прочий бред.

4

Любовь, печаль и прочий бред,
Прыжки, ужимки и кокетство
Уже преподносили с детства
Мне неприятности и вред.

Но все же Евы толстозадой
Милей мне стройная Лилит.
Мужчинам же другого надо —
Им пышность радости сулит.

Раз жировой прослойки нету,
То для соблазна нет причин.
И сколько ни ишу по свету,
Других не встретила мужчин.

Шипящих змей ношу корону
Я — с нежным личиком Горгоны.

5

Я — с нежным личиком Горгоны,
Сестра ехидны и химер,
Не признаю муштру, погоны,
Уз постоянства, крайних мер.

Мои желания и страсти
Шипят на умной голове.
Цепей, наручников запястья
Мои не ведали. Молве

Записывать меня в поэты
Угодно. Я пока молчу,
Но все ж скажу вам по секрету:
Я быть поэтом не хочу —

Как дура с писаной гитарой!
Я предпочла бы быть гетерой.

6

Я предпочла бы быть гетерой,
В обнимку с мраморной Венерой

Сидела б в Риме у фонтана
Полугола и полупьяна.

Меня б не мучили заботы:
Обувка, нижнее белье,
Ребенок, школа и работа,
Развод, обмен, раздел, жилье.

Я б пела песни и любила
Достойных римлян и рабов.
Там с этим делом проще было —
Моральных не было оков.

Гуманны были там законы
Во времена прекрасны оны.

7

Во времена прекрасны оны,
Когда попристальней взглянуть,
Гуманны не были законы —
Рабы, восстанья, просто жуть.

Да и мужчины были те же:
То эгоисты, то невежи,
И так же недостойны лести,
И так же сделаны из жести.

Из жести, стали, сплавов, меди,
А женщины, конечно, леди,
От этого всего устали
И жаждут, чтоб от них отстали.

А я средь женщин массы серой
Могла б соперничать с Венерой.

Могла б соперничать с Венерой
 И жить с богами наравне.
 А подойти с высокой мерой,
 Так сам Юпитер пара мне.

Несостоятельный любовник,
 Придирчивый не в меру муж.
 О боже, кто, скажи, виновник
 Моих невыразимых мук?!

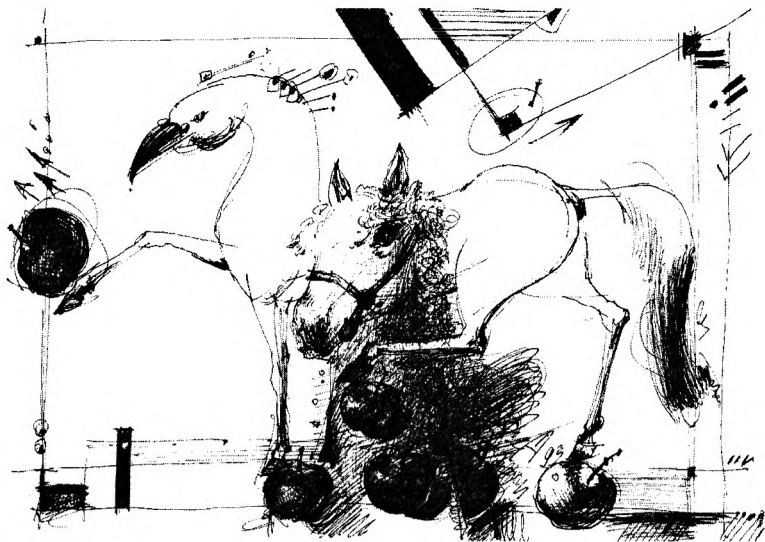
Со мной быть нужно осторожным
 И не валяться на боку.
 И что Юпитеру возможно,
 То не дозволено быку.

Но за Юпитера пока
 Держу я каждого быка.

Держу я каждого быка
 За все, и даже за рога.
 Но, да простят мне эту дерзость,
 За что они меня все держат?

Я прихотлива и вольна,
 Себе шныряю на просторе,
 Как пресловутая волна,
 Вся в пенно-кружевном уборе.

Я из капризов создана,
 Измен, коварства и повадок.
 Я чашу страсти пью до дна,
 И мне напиток этот сладок.

Хоть ноша жизни нелегка,
Держать не устают руки.

10

Держать не устают руки
Гитару, плетку, чашу, ношу.
Так буду мучиться, пока
С себя я все это не сброшу.

Я брошу все, настанет день:
Курить, ругаться матом, мужа,
Пить, Родину, хандру и лень,
Петь песни и готовить ужин.

Освобожденная душа
Взлетит к каким-то высям горним,

Окинет сверху не спеша
Все копошенье взглядом гордым.

Пора, наверно, понемногу
Мне подзаняться хатха-йогой...

11

Мне подзаняться хатха-йогой
Советуют специалисты.

И я начну, пожалуй, с богом,
Пить мяту и тысячелистник,

Начну проращивать пшеницу,
Жевать орехи и коренья
И жизни новую страницу
Начну без страха и сомненья.

Я возлюблю себя как бога,
А может быть, еще нежней.
От жизни нужно мне так много,
А может быть, всего нужней

Режим. Режим наладить строгий
Неплохо бы себе в подмогу.

12

Неплохо бы себе в подмогу
Ходить на корты каждый день
И выправляться понемногу —
Отступит, может быть, мигрень!

А может, только иностранец
Меня оценит и поймет,
Фирмач, к примеру, итальянец,
И он с собой меня возьмет

Туда, где секс, духи и вина,
Где солнце светит круглый год
И где у каждого машина,
А может, даже самолет.

Себя когда-нибудь продам
В конце концов, признаюсь вам.

13

В конце концов, признаюсь вам,
Не так уж дорого я стою.
Своим вниманием удостою
Любого, кто захочет сам.

Себя, как целую державу,
Корону, скипетр — к ногам!
Держи, носи, цари на славу!
Зажги — сгорю! Проси — отдам!

Но слишком велика держава,
Корона давит, трон высок,
На королеву нет управы,
Хоть дулу подставляй висок —

Тому, кому себя продам,
Я, как и всем, не по зубам.

14

Я, как и всем, не по зубам
Родной стране и городам,
Непритязательным и серым,
Их служащим и офицерам.

Но песня перехватит горло,
И я опять с душою голой

Стою, открыта всем ветрам,
Всем городам, стране и Вам,

Чей образ не дает покоя.
Увековечу Вас строкою,
Но при условии, что Вы
Меня оставите в живых.

Я о пощаде запросила —
Мои печали не по силам.

15

Мои печали не по силам.
Прекрасней всех иных побед
Все то, что сводит нас в могилу, —
Любовь, печаль и прочий бред.

И с нежным личиком Горгоны
Я предпочла бы быть гетерой,
Во времена прекрасны оны
Могла б соперничать с Венерой.

Держу я каждого быка,
Держать не устает рука,
Мне подзаяться хатха-йогой
Неплохо бы себе в подмогу.

В конце концов, признаюсь, — Вам
Я, как и всем, не по зубам!

* * *

Не упускай меня сквозь пальцы как песок.
Сам не заметишь, как окажется пуста
ладонь твоя. И в телефоне голосок
затихнет, от непонимания устав.

Не выпускай меня из виду. Не впускай
в себя сомненье. Я жива. Еще жива.
Пока мы живы, зазвучат слова пускай,
слова твои, слова любви, мои слова...

Не упускай меня сквозь пальцы как песок.
Что будет завтра, я не знаю, а пока,
пока ладонь твоя полна, и голосок
трепещет в трубке просто «здравствуйте, пока,

пока, целую, как дела? сегодня дождь...»
А завтра снег, а послезавтра листопад,
и телефонная необъяснима ложь,
но все ж она милей мне правды во сто крат.

Ты говоришь: «Сейчас не время, подожди».
Не усомнюсь сегодня в мудрости твоей.
Но завтра могут хлынуть новые дожди
из новых песен, новых лиц, иных людей...

Не упускай меня сквозь пальцы как песок.

ТОНЕНЬКИЕ ПАЛЬЧИКИ

СМ
спокойно,
дергой
звук
+ старья

* * *

Тоненькие пальчики пальчики
прямо в душу
Берегитесь мальчики мальчики
молодых старушек

С лицами прекрасными страстными
с гибким станом
И с глазами ясными ясными
без обмана

Ведь ночами теплыми темными
вас лишают силы
Вас Самсоны сильные сонные
юные Далилы

Ах зачем вы верите верите
их глазам манящим
Сами не заметите смерти вы
от руки изящной

Девы бескорыстные чистые
не брильянты в уши
Украдут а чувства и мысли
и души ваши души

Ах душевладелицы делятся
с вами телом
Провернут на мельнице девицы
вас со знанием дела

Тоненькие пальчики пальчики
равнодушно
Прямо в душу мальчики мальчики
берегите души

ПЕСНЯ ЦИРЦЕЙ

Ваши жены прекрасны,
Вам верны и рожают детей,
Но для них мы опасны,
Мы мужчин превращаем в свиней.

Мы царицы Цирцеи,
Мы в свиней превращаем мужчин
Со времен Одиссея,
Несмотря на их возраст и чин.

Мы бессмертны и вечны,
Нам чужая беда — не беда,
Ведь любовь быстротечна,
Только страсть в дефиците всегда.

Пусть печалятся жены
И рыдают под градом измен,
Мы свершаем законный
И естественный телообмен.

Мы прекрасные Кирки,
Наш удел — новизна и любовь,
Ваши радости — стирки,
Детский плач и натирка полов.

Мы — царицы Цирцеи!
Но от нас в темноту и в метель
Все ж бегут одиссеи
К своим женам в святую постель.

*октябрь 1982
Дранды*

КЕЧМА
(С)

ma Caberag

pa

* * *

Зачем мы, сестры, белокуры,
зачем блюдем фигуры,
зачем с мужьями хмуры,
все эти шуры-муры?
За чем, за чем, такие дуры,
мы ездим на Кавказ?
Но там усатые грузины
нас водят в магазины,
нас возят в лимузинах.
Зачем же нам тянуть резину?
Живем ведь только раз!
Нас тянет на Кавказ.

Нас на Кавказе ждет удача
и много литров чачи.
Мы здесь так много значим,
как отдохнуть иначе?
У нас здесь только две задачи —
любовь и шашлыки.
Наш пыл и море не остудит,
ведь бабы тоже люди,
за это нас и любят.
А те, кто нас за то осудит,
те просто пошляки —
пусты их кошельки!

Мы на курорте симпатичны
и очень энергичны,
к мужчинам не критичны

и выглядим отлично.
Когда на нас загар приличный,
то нам сам черт не брат.
И нам везде открыты двери,
рекою ркацители,
грузины ведь не звери.
Они, они весь год терпели,
созрел их виноград —
быть с нами каждый рад!

Мы солнцем Грузии согреты,
но вот проходит лето,
как ни печально это,
но песенка допета.
И роз роскошные букеты
везем к себе домой.
Мне долго еще будет сниться,
лишь я сомкну ресницы,
загар твой золотистый,
над кортом белоснежной птицей
взлетает мячик твой,
как будто бы живой...

Зачем мы, сестры, белокуры,
зачем блюдем фигуры,
зачем с мужьями хмуры,
все эти шуры-муры?
За чем, за чем, такие дуры,
мы ездим на Кавказ?

1982

* * *

Любимой подруге

Чашечки саксонского фарфора
Перед нами на столе стоят.
И не слышим мы за разговором,
Как в Москве бушует листопад.

Мы сидим в квартире коммунальной
С окнами на Ленинский проспект
И вопрос решаем — как сюда попали,
Прямо в нашу комнату и век,

Чашечки саксонского фарфора,
Что пред нами на столе стоят,
Золотым расписаны узором,
Может, двести лет тому назад.

В пальчиках прозрачных королевы,
Может быть, пришлось им побывать...
Мысль прервала соседка слева:
«Надо свет в прихожей выключать!»

Но нас нелегко сбить с толку, право,
Мыслей наших невесом полет.
Пусть сосед Володя, что за стенкой справа,
Что-то непристойное поет.

Мы сидим в квартире коммунальной,
Пыльные в разводах потолки,
Но от жизни нашей, серой и реальной,
Мы так бесконечно далеки...

Кофе пьем из чашечек саксонских,
Нам не запретишь красиво жить,

Можем на тарелочках японских
Прямо в небо звездное уплыть.

Чашечки саксонского фарфора
Пусть хоть в невесомости парят,
Не услышим мы за разговором,
Как во тьме бушует звездопад...

октябрь 1982

Москва

* * *

Зачем фарфор саксонский,
германский, кузнецовский,
когда на свете есть

граненые стаканы,
в них видно без обмана,
в них видно распрекрасно,
где белое, где красное,
и их не перечечь.

Пусть вид неблагородный,
их любят всенародно,
из них веками пьют.

Граненые стаканы
не жалко, если бьются,
и к ним не нужны блюдца,
и всюду продают.

Их бьют — они все живы,
не могут быть фальшивы —
не то что люстры-вазы-хрустали.

Когда-нибудь потомки
произведут раскопки,
отыщут не дома, не корабли,

а — граненые стаканы
расскажут без обмана
о жизни нашей странной,
о жителях Земли!

Удобные стаканы,
надежные стаканы
выходят на парад.

Да здравствуют стаканы!
Советские стаканы!
Отличные стаканы
шеренгами стоят
все в ряд!

ноябрь 1982

Лев ОШАНИН

(в сокращении)

Катя Яровая пришла ко мне на поэтический семинар Литературного института им. Горького 1 сентября 1983 года и на первом же обсуждении своих стихов неожиданно для сокурсников появилась с гитарой. Она скромно и твердо сразу же вступила в своеобразное братство бардов, людей с гитарой и поэтической метафорой.

Катя была с нами пять лет, являлась непременной участницей литинститутских отчетных вечеров и в 1988 году защитила дипломную работу на «отлично». Ее палитра оказалась многокрасочной — лирика и улыбка, ирония, переходящая в сарказм, а порой не по-юношески мудрые обобщения.

У Кати было драгоценное острое чувство современности. Молодая, красивая, обаятельная, с милым теплым голосом и верной гитарой, что бы ни пела Катя — ее всегда ждал успех. Из ее трехсот песен каждый, вероятно, может найти для себя дорогое и необходимое. Я видел людей в американском городе Бостоне, которые после встречи с Катей не устают собирать ее поэтические и музыкальные записи, обмениваясь ими друг с другом.

Катя Яровая много двигалась по земле. В последние годы у нее появилось много политических песен. Она писала об Афганистане, о Сумгаите, о своем поколении, которое считала потерянным. А рядом с ними и такое: «Не упускай меня сквозь пальцы как песок...»

16 декабря 1992-го, всего через четыре с половиной года после окончания института, мы ее хоронили. И у меня тогда же вырвалось маленькое сердитое стихотворение:

*Мы хороним Катю Яровую
(Господи, куда мы так спешим?) –
Легкую, певучую, живую –
Ей же было тридцать с небольшим.*

*Мы столпились здесь, на Востряковском,
Где-то рядом Сахаров Андрей,
Только этим вечером московским
Здесь немного собралось людей.*

*Словно, щедро душу раздавая
Всем, кто ждет ее летучих строк,
К нам явилась Катя Яровая
Между двух полетов на часок.*

*Ты писала, Катя: «Песня смолкнет,
Все равно узнаете меня
Вы по сумасшедшей рыжей челке
Цвета палых листьев и огня».*

*Катя, у тебя лишь первопуток,
Первые свидания с людьми...
Только двое нас из института –
Как же мы черствеем, черт возьми!*

* * *

Во двореке Литинститута,
где Герцена бронзовый корпус,
сжигают сентябрьским утром
стихи, не прошедшие конкурс.

В костре полыхают поэты!
Схватившись рукою за сердце,
печально взирает на это
обсиженный птицами Герцен.

Рассказы, поэмы, романы,
баллады, и басни, и пьесы...
Горите огнем, графоманы,
поэты и поэтессы!

Вы в Литинституте хотели
учиться, мечтали о нем —
коль строчкой сердца не согрели,
хоть руки погреть над огнем.

Огонь, пожирающий судьбы,
надежды, бессонные ночи
и чей-то старательный почерк...
Но вечен вопрос: «Кто же судьбы?..»

ЗООПАРК

В парижском зоопарке произошел необыкновенный случай – тигрица родила детеныша от льва. Ученые не знают, к какому виду животных отнести родившееся существо...

(Из газетной заметки)

У нас в зоопарке — такие дела! —
тигрица от льва тигрольва родила,
а тигр «рогатый» измены не снес —
по бабам пошел без разбору вразнос:

блондинку-медведицу тискал в кустах,
горилл и мартышек в различных местах,
к слонихе затем подобраться решил,
но слон его грубо и резко отшил.

Директриса, услышав про эти дела,
пришла к нему в клетку в чем мать родила.
Была она с ним и мила, и нежна...
Но так и не смог он — уж больно страшна.

Все звери как будто с цепи сорвались
и все без разбору друг с другом...
Медведь с крокодилицей, слон с кенгуру —
открыть зоопарк не смогли поутру.

Когда же к моржикам забрался питон,
зверинец закрыли — открыли притон,
повесив над входом, забыв про мораль,
Красную книгу, как красный фонарь!

ПЕСЕНКА ПРО РЕЖИССЕРА ТЮЗА

Наш режиссер сделал вводы актрис,
проверил сначала с десятков Алис,
но после Алис уже так изнемог —
с трудом натянул Пеппи Длинный Чулок.

Он долго с Русалочкой бился, и вот —
не без результата проделан был ввод.
И больше не в силах скрывать свой секрет,
Русалочка вскорости вышла в декрет.

И негодованья и злобы полна
рыдала Снегурочка, то есть жена.
Но у режиссера забот полон рот,
и вот Питер Пен сделал снова аборт.

Я много чего вам могу рассказать:
как к Карлсону начал Малыш ревновать...
А Павлик Морозов недолго молчал —
пошел он в партком и на всех настучал.

И долго потом худсовет обсуждал
вопросы морали и кто кому дал.
Тут выступил Карлсон и честно сказал,
что он не давал, а разок только взял.

Тут наш режиссер всем сумел объяснить,
что сор из избы ни к чему выносить,
что Павлик Морозов — стукач и свинья,
а наш коллектив есть большая семья.

ПРОЩАНИЕ С «ТАГАНКОЙ»

«Прощание славянки»...
Раздвинута стена.
Прощание с Таганкой...
Душа обнажена.

Нет, не раздвинуть стены,
не разомкнуть уста.
Актеры есть на сцене,
а сцена-то пуста.

Здесь лестницы и люстры,
роскошный туалет.
Есть все. Как в суперлюксе.
Таганки больше нет.

Кого-то на Ваганьково,
кого-то не спасли...
Театр есть и Таганка,
а душу унесли.

Все новые задания
даются палачам.
А старенькое здание
рыдает по ночам.

Работает Таганка —
незаменимых нет!
Но душу наизнанку —
Высоцкого портрет.

И режиссер спектакля
в программку не внесен.
Любимов ставил? Так ли?
А может, и не он?

Взаимная обида.
С богами не шути.
Ему, как из Аида,
обратно нет пути.

Мы знаем, что природа
не терпит пустоты.
Но продолженье рода
не терпит суеты.

Как ни колдует пресса
над выраженьем мин,
пустует свято место.
Аминь.

7 декабря 1985

* * *

Умирают стихи от насилья
Умирают слова от бессилья
Я в свободу и силу играю
И в любовь от любви умирая

Умирает любовь от сомненья
Умоляет меня о спасенье
Сомневаясь на каждом шагу
Я спасти ее не могу

17 августа 1983

Москва

* * *

Переходила вброд,
Резала ноги в кровь,
Но я все шла вперед —
Искала тебя, Любовь.

Не попадала в глаз,
А попадала в бровь,
Лезла в такую грязь —
Искала тебя, Любовь.

Я возносилась ввысь,
Снова срывалась вниз —
Не обожжет слеза
Каменные глаза.

Бег свой останови
И оглянись назад.
Окаменеет взгляд
Памятником Любви.

* * *

У нас на пятом этаже
Живут разбитые надежды.
Когда-то, но давно уже,
Здесь жили и Любовь, и Нежность.

У нас на пятом этаже —
Что за напасти? —
Под грохот вилок и ножей
Бушуют страсти.

К нам каждый день приходит гость —
Непрошенный, без приглашения:
То Недоверие, то Злость,
То Ненависть, то Раздраженье.

Уставши нас оберегать,
Сбежала Верность,
И с нами вместе на кровать
Ложится Ревность.

А из дверей других квартир
Несутся голоса и звуки.
Там, кажется, покой и мир,
И запах жареного лука.

И нам хотелось бы так, но
Мы входим в раж.
А может, надо нам давно
Сменить этаж?..

апрель 1983

* * *

Я в городе моем порядок наведу:
С домов смахну я пыль и листья подмету,
Я стены побелю и выветрю весь дым,
А потолок, а потолок оставлю голубым!

Я вымою стволы и тени простирну,
Я причешу траву и лужи подотру,
Подвешу облака, чтоб с них стекла вода,
А птицы, как прищепки, сидят на проводах.

Порядок навела я в городе своем,
Жилплощадь площадей промыла я дождем.
Все думают, что я субботник провела,
А это просто, просто в гости я тебя ждала!

* * *

А все принцессы любят только свинопасов.
А свинопасы их не балуют любовью.
Любить принцесс всегда накладно и опасно,
Гораздо проще быть с пастушкой любовью.

Принцессы злятся и капризничают вечно,
Своей изящной ножкой топают принцессы,
Они ведут себя совсем бесчеловечно,
И непонятны их душевные процессы.

Да свинопасы их совсем не понимают.
И свинопасы не обучены манерам.
Они каких-то там пастушек обнимают —
И у принцесс всегда расшатанные нервы.

Но если принцев полюбили бы принцессы
Без всяких удивительных прелюдий —
Тогда бы не было духовного прогресса!
Тогда о чем бы сочиняли сказки люди?

1986

* * *

Я — московская жена,
Есть еще жена в Париже.
Здесь и там жена нужна,
А нужнее та, что ближе.

Там покой и здесь любовь,
Здесь уют и там достаток.
Позавидует любой —
Там кредит и здесь остаток.

Ждать так долго предстоит
От подарка до подарка.
Ночь у бойлерной стоит
Золотая иномарка.

Привезешь ты мне, любя,
Лак, духи, колготки, краски.
И смотрю я на тебя
С поклоненьем папуаски.

Что же ты нашел во мне?
Ты б «шерше ля фам» в Париже!
Жены русские в цене,
Потому что цены ниже.

Но горжусь своей судьбой,
Тем приятнейшим моментом,
Что тебя делю не с кем-то,
А с французскою женой!

декабрь 1989

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Мы все, конечно, интер-националисты
И любим все народы, как свою семью.
Уже полвека строят социалисты
Башню Вавилонскую.

Но туго со строительством у нас в отчизне —
У нас стройматериалов дефицит,
Но башню мы построим для лучшей жизни,
А там пускай хоть геноцид.

Грузины нам достанут все нужные запчасти,
Евреи нам помогут все обмозговать,
А русские обмоют, и вздохнут с участием,
И скажут: «В бога душу мать!»

Какая к черту разница — Будда или Шива,
Аллах иль Магомет, или Христос —
Ведь все они агенты Тель-Авива,
У всех у них горбатый нос.

У нас в семье советской не без уroda:
К Европе жмутся задом Литва и латыши,
Но мы их всех — в объятия дружбы народов,
Обнимем так, что не дыши!

У нас все будет четко, не так, как в Вавилоне, —
Все будут говорить на языке родных осин —
И друг степей калмык у нас не пофилонит,
И ныне дикий осетин.

Такой здоровой башни никто не видел сроду.
Напоминает вышки тридцать седьмых годов.
Мы наверху получим ордена «Дружбы народов»
И сверху сбросим всех жидов.

Мы все, конечно, интер-националисты
И любим все народы, как свою семью.
Уже полвека строят социалисты
Башню Вавилонскую.

1986

ИСХОД

Еще не поздно повернуть назад,
Где теплый кров, привычное жилище,
К земле, в которой сотни лет подряд
За рабский труд они имели пищу.

Но вел Господь евреев по пустыне...
И был давно Египет позади...
Они брели с котомками пустыми
И прижимали первенцев к груди.

Они роптали и просили есть,
И угрожали вожаку расправой.
Они не верили, что где-то есть
Обетованная земля, где ждет их слава.

Но вел Господь евреев по пустыне...
И был давно Египет позади...
Они брели с котомками пустыми
И прижимали первенцев к груди.

Они пекли по праздникам мацу,
Небесной манной сорок лет питались.
Но наконец их путь пришел к концу —
Они не зря в пустыне столько лет скитались.

В большом, как жизнь, мучительном исходе
Похоронили первенцы отцов.
Окрепших в историческом походе
Привел Господь к земле обещанной бойцов.

Привел Господь другое поколение:
Не жили в рабстве, вскормлены в пути,
Другим богам не знали поклоненья.
...И прижимали первенцев к груди...

АФГАНИСТАН

Пока мы тут пасемся мирными стадами
И не мигая смотрим в голубой экран,
Уходят на войну колоннами, рядами,
Уходят наши мальчики в Афганистан.

В медалях, звездах, знаках, орденах
Идут обратно в цинковых гробах.
«Спросите вы у матерей
и у берез и тополей...»

Красивые слова — ну просто курам на смех,
Мы показали всем позорнейший пример.
Идет война, идет не на живот, а на смерть,
За мягкое подбрюшие СССР.

В медалях, звездах, знаках, орденах
Идут герои в цинковых гробах.
«Хотят ли русские войны,
поймет народ любой страны...»

Вернулся кто-то цел, но все ли уцелело?
Не зная, в чьей крови он руки замарал,
Идет по жизни тот, кто сделал свое дело,
С обугленным лицом двадцатилетний генерал.

В медалях, звездах, знаках, орденах,
Кто не в гробах, так тот на костылях.
«Да, мы умеем воевать,
но не хотим, чтобы опять...»

Бросают их в десант, как пушечное мясо.
Кто выживет — тому награды и почет.

Пока мы тут сидим, пьем чай и точим ляды,
Сороковая армия идет вперед!

Идет обратно в цинковых гробах,
В медалях, звездах, знаках, орденах.
«Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины...»

1989

* * *

*Посвящается нетленной памяти
великого русского поэта Некрасова.*

Блажен незлобивый поэт!
Ему везде открыты двери.
Все знают, это не секрет,
Что злость препятствует карьере.

Но воспевать я не возьмусь
Достоинств Родины прекрасных.
Блаженный воспевает пусть
Союз негласных и согласных.

Нам доброта идет не впрок,
Когда елейна и безлика.
Я злости преподам урок
Парнасским девственницам в пику.

Язык эзопов, словно бес
Попутал нас, вот наказание!
Я правду-матку режу без
Наркоза — без иносказанья.

Мне тоже хочется порой
Писать про сад в цвету жасминном,
Где ждет лирический герой
Лирическую героиню.

Но если честно, то меня
Воротит от подобной сдобы.
И я пишу на злобу дня,
Пока хватает этой злобы.

И попадет не в бровь, а в глаз
Вопрос: «Скажите-ка, откуда,
Откуда столько злости в Вас?»
И я отвечу вам — «Оттуда!»

И объясняю вновь и вновь
Своим памфлетам в оправданье —
Я проповедую любовь
Враждебным словом отрицанья!

* * *

Послесловие к кинофильму «Покаяние»

Бредем вслепую, в темноте, теряя ориентиры,
Уже не ведая куда — вперед или назад.
Давно погасли факела, развенчаны кумиры,
Кто уцелел — бредет, ползет на ощупь, наугад.

Глаза привыкли к темноте — к ней быстро привыкают,
Ни шагу вбок, поможет Бог, закончится тоннель.
А те, кто сзади — впереди идущих понукают
И твердо знают: средства все оправдывают цель.

Где чья рука, где чье плечо, а глаз уже не видно.
Нам нет конца, нам нет числа, ни рода, ни лица.
Кто что-то помнил — промолчит и не покажет вида,
Те, кто не помнит ничего — осадят наглеца.

А кто надежды подавал — тот просит подаянья.
А тот, кто в первых был рядах, — устал или отстал.
Толпою к Ироду ведут младенцев на закланье.
А тот, кто молотом не смог — тот наковальней стал.

Кто был никем, тот стал ничем, ничьим и миллионным.
На черном фоне в темноте все серое видней.
Идут, ползут, бредут, бегут толпою эмбрионы,
Кому родиться не дано среди крошечных дней.

А в темноте мы все равны и все равно какие,
А стать белей и чище стать и смысла вроде нет...
Но не покинет вера нас, надежда не покинет —
Ведь впереди там должен быть в конце тоннеля свет!

апрель 1987

* * *

Наш сад уже облюбовала осень,
И дом, застыв в *предверии* дождей,
Собрал у печки всех своих людей
И чтоб его не покидали просит.

А тем, кто все ж покинул этот дом,
Сюда вернуться, видно, не удастся,
Но этот дом Эдемом, может стать,
В их памяти окажется потом.

Всем нам приют давая и ночлег,
Собрал сюда по паре каждой твари,
И не сказать теперь смогу едва ли,
Что дом для нас как Ноев был ковчег.

Он нас спасал, быть может, от потопа
Текущей жизни, примиряя с ней,
Удерживал среди потока дней
И замедлял течение потока.

На лицах отблеск огненного света,
В кастрюльке закипает молоко,
И нам еще до смерти далеко,
Как, впрочем, и до будущего лета.

1988

КОЛЫБЕЛЬНАЯ НИКИТЕ

Н. Я.

Прекрасная игра —
Любовь и полутени,
Играет осень с ветром
За шторой в темноте.
Прекрасная пора —
Игры локтей, коленей
От полночи к рассвету,
От песен к немоте.

Уже твои глаза
Смежает сон чудесный.
Нам до утра разлука
Почти невмоготу.
Волшебный как Сезам,
Как отдых в день Воскресный,
Твой взгляд — мне боль и мука —
Уходит в темноту.

Спи, мальчик, спи, мой бог,
Игрой воображенья
Из ветра создан ты,
Из воздуха и снов.
Твой каждый взгляд и вздох —
Как легкое скольжение
В пространстве из мечты,
Из музыки и слов.

19 сентября 1988

* * *

Н. Я.

Что нам разлука в три недели?
Лишь репетиция, когда
Нам предстоит на самом деле
С тобой расстаться на года.

Она покажется моментом,
А грусть — улыбкой на губах,
Когда к другому континенту
Перенесет тебя судьба.

Но и ее измерю мерой —
Жизнь, как мгновенье, коротка —
Она прогон перед премьерой
Разлуки нашей на века.

20 августа 1988

* * *

Н. Я.

Судьбы своей не превозмочь —
Я ветром лист гонимый.
Губам произнести невмочь
«Прощай, любимый».

Понять, за что и чья вина, —
Бессмысленно усердие.
Пускай разлука будет нам
Сестрою милосердия.

В священнодействии любви
Огонь невыносимый.
Меня не помни, не зови.
Прощай, любимый.

Помедли, Господи, продли,
Как раны с солью.
А ты боли во мне, боли
Фантомной болью.

Твоей души слепящий свет,
Твой след неизгладимый,
Мне шрам на сердце этот след.
Прощай, любимый.

Что это значит — «навсегда» —
В дней круговерти?
Как страшно слово «никогда».
Страшнее смерти.

1988

* * *

Я снова вхожу в эту реку
Со старым названьем «Любовь».
Зачем это все человеку?
Зачем кипятить свою кровь?

Но в этой реке искупаться,
Как будто грехи искупить —
Лишь только теченью отдаться,
Отдаться теченью и плыть.

Зачем так страшна и прекрасна
Заветная песня души?
В ней нотой сфальшивить опасно,
Ее заглушать — труд напрасный,
Как пламя рукой затушить.

Я снова вхожу в это море
Со старым названием «Жизнь»,
Где волнами счастье и горе
Так хлещут, что только держись.

Я бьющую руку целую
И к ней припадаю щекой,
От боли пою аллилуйю,
Мне в буре есть высший покой.

Пред этой жестокой стихией
С немим восхищеньем стою.
И я посвящаю стихи ей,
Все жертвы иные плохи ей,
И песни восторга пою.

Я снова вхожу в это небо
Со старым названием «Душа».
С вином и горбушкой хлеба
Туда я войду не спеша.

И это святое причастье
Дает ощущение мне
Причастности к жизни, и счастья,
И света в промытом окне.

И море, и небо, и реки,
И Жизнь, и Душа, и Любовь
Завязаны в узел навеки,
Не в силах его человеки
Распутать — он свяжется вновь.

Я снова вхожу в эту реку,
Река эта в море вольется,
А море сливается с небом...

лето 1989

* * *

Вот опять заморочит метелью,
Новогодней пустой игрой,
Золотой своей канителью
И стеклянной своей мишурой.

И томится душа в предвестье,
Будто кто нашептал и напел,
И колышется занавеска...
Может, ангел в окно влетел?

Вот апрель задурит и поманит,
И качнет от небес до небес,
И опять ожиданьем обманет
Необещанных, впрочем, чудес.

И томится душа в предвестье,
Будто кто нашептал и напел,
И колышется занавеска...
Может, ангел в окно влетел?

Остуди мою душу, Боже,
И, как грех, отпусти печаль.
Мы с печалью моей похожи,
Отпусти меня тоже вдаль.

...И проступит, как лик на фреске,
Голос тот, что шептал и пел,
И колышется занавеска —
Это ангел в окно улетел...

декабрь 1989

* * *

Как боятся стихий — урагана и смерча,
Глубины, высоты, наводнения или огня —
Так боятся любви, что сильнее и жизни, и смерти.
Ты меня узнаешь? Я стихия твоя!

Заплывать глубоко, под собою не чуя опоры,
И не знать, где же берег, где небо, где дно,
И карабкаться вверх, в небеса, где кончаются горы,
Я могла бы одна, но мне страшно одной.

Но вдоль берега плыть и сидеть у подножья —
Неужели всю жизнь провести у заветной черты?
Мы прижмемся друг к другу каждой клеточкой кожи,
Мы сплетем пальцы рук — не узнаем, где я, а где ты.

А когда на подъеме перехватит дыханием горло
От такой высоты, вот тогда ты меня позови.
Я — стихия твоя, твое небо и горы.
Где закончится страх, там начнется свобода любви.

* * *

Любить тебя, как будто в прорубь
Нырнуть — и весело, и страшно.
Любить тебя — не больше проку,
Чем день сегодня ждать вчерашний.
Любить тебя, как ветер в поле
Ловить — вот так же бесполезно.
Любить тебя — железной воле
Себя вручить, скале отвесной.

Тебя любить — других забыть.
Что в жизни лучше этой доли?!
И от тебя тайком от боли,
От вечной боли волком выть.
Тебя любить — в пустыне воду
Глотать, не утоляя жажды,
И прихоти твоей в угоду
Отброшенную стать однажды.

Тебя любить — как в море плыть,
Где хлещет волнами наотмашь.
Воистину, тебя любить —
Непозволительная роскошь.
Тебя любить — так путь опасен,
Как по горам ползти, скользя.
Но, Боже мой, ты так прекрасен,
Что не любить тебя нельзя.

1990

* * *

То живу я в доме этом,
То живу я в доме том.
Очень трудно жить поэту,
Не имеющему дом.

Засыпаю и не знаю,
Где очухаюсь с утра,
Просыпаясь, вспоминаю,
Где заснула я вчера.

По чужим домам кочую
Не один десяток лет.
Где ночую, не плачу
За отопление и свет.

За собой посуду мою,
Даже вынесу ведро.
Я с гитарой и сумою
В самолетах и в метро.

То живу на свете этом,
То живу на свете том.
На вопрос ответа нету —
Где же все-таки мой дом?

Вижу ангела в халате —
Я у Бога на весах —
То ли я еще в палате,
То ль уже на небесах.

Я ношу себя по свету
И не знаю я при том,

Что, живя на свете этом,
Я сама себе свой дом.

А во мне душа бездомно
Погостит — и сгинет след.
По счетам плачу огромным
За ее тепло и свет...

18 мая 1990

Амхерст

Элейн УЛЬМАН

(из выступления в университете Брандайс 17 марта 2002)

Я познакомилась с Катей весной 1990 года в доме моей подруги Джейн Таубман, профессора кафедры русского языка в Амхерст колледже. Мы подружились. Катя проходила курс лучевой терапии, и когда мы переехали на дачу, она поселилась в нашем доме, который находился недалеко от больницы. После обеда она загорала в саду, принимала навещавших ее друзей, переписала себе всю нашу коллекцию классической музыки и непрерывно читала. Когда я заезжала, она развлекала меня смешными историями. Все врачи и персонал больницы были совершенно сражены этой красивой, умной, дерзкой и экзотичной женщиной.

Окрепнув, она начала выступать с концертами перед группами эмигрантов в Бостоне и Нью-Йорке. Джейн устроила ее выступление в Амхерст колледже, я организовала концерт в Йельском университете. Зная, что даже хорошо освоившие русский язык студенты не смогут уловить нюансов в ее песнях, мы решили перевести около двадцати из них на английский, чтобы студенты могли пользоваться переводами во время концертов. Катины стихи и песни — это ее подарок людям. Жизнь была жестокой и безжалостной, как ее родина, как рабство или рак. Но она раскрывала ей свои объятия, каждый раз поднималась и пела — страстно, непреклонно. Она смеялась над жизнью, оплакивала и праздновала ее.

В песне «Я снова вхожу в эту реку», моей любимой, она поет, что входит в реку любви, затем в море жизни, где волны счастья и горя едва не сбивают ее с ног. Но ее дух непоколебим. Перед лицом потерь и болезни она мужественно идет навстречу волнам, продолжая петь — аллилуйя.

Бостон, Массачусетс, США

ОСЕННИЙ РОМАНС

Мы живые пока. Мы глядим друг на друга,
Взглядом, будто лучом, освещая любимые лица.
Снова осень, и мы не выходим из этого круга,
Мы втянулись в него и теперь мы хотим повториться.
Снова осень, и нам не постичь ее знаков и формул,
А военные просто переходят на зимнюю форму.

Переходим и мы, разлетаясь комочками света,
Но совсем не исчезнем, ведь солнечный свет матерьялен,
Так нам кажется, но ничего мы не знаем про это.
Снова осень, и мир за окном безнадежно реален.
Связи тонкая нить не видна. За нее и держись.
Ведь любовь не кончается, просто кончается жизнь.

Мы как дети сиротски в пустые глядим небеса,
Меж землею и небом беспомощно жизнь выбирая,
Снова осень горит, и уже холодеют леса,
Нам тревожно, как будто нас снова прогнали из рая.
Будем верить и жить и надеяться будем, пока
Кто-то вертит наш шарик земной, будто глобус в руках.

* * *

Моя минорная тональность,
Возможно, вам не по нутру,
И трехаккордную банальность
Как грех я на душу беру.

Простой и безнадежно старый
Мой перебор — из прошлых лет.
И шестиструнная гитара —
Несовременный инструмент.

Грохочет «рок», «металл» скрежещет,
Орет малиновка в саду,
А голос мой тихонько плещет
Все на лирическом ладу.

Сверкают звезды на эстраде,
Их, как на небе, миллион.
Ревет стотысячное стадо,
И рукоплещет стадион.

И то рыдая, то ликуя,
Как клип, мелькая без конца,
Одна звезда сменить другую
Спешит — не разглядеть лица.

Я не звезда, я не из гордых,
Пою, дыханье затая.
И уместилась в трех аккордах
Душа бессмертная моя.

*12 июля 1990
Амхерст*

* * *

Джейн

Мой круг друзей, спасательный мой круг,
Не то что слов — и жизни всей не хватит,
Чтоб высказать любовь. Не хватит рук,
Чтоб заключить мне вас в свои объятия.

И пусть, я знаю, мой недолог век,
Но я друзьями счастлива моими.
Комочком в горле — нежное, как снег —
Мне имя Джейн, волшебной феи имя.

Мои кочевья по миру с сумой,
Минуты счастья и года скитаний
Понятны и испытаны самой
Единственной моей, чье имя Таня.

Своим дыханьем и своим теплом
Меня спасает от любого вида боли
На мир ни разу не взглянувшая со злом
Моя родная, та, чье имя Оля.

И жизни ткань пускай трещит по швам,
И каждый год прожитый — как заплата,
Свой каждый день я посвящаю вам —
Пусть жизнь моя достойной станет платой.

* * *

Чужие голоса, чужая речь,
И стены холодны чужого крова,
И воздух, как чужая группа крови,
В моих сосудах не умеет течь.

Забиться в угол — только нет угла,
Вокруг меня холодное пространство,
И лишь тоски вселенской постоянство,
Для коей и вселенная мала.

И, видно, недостаточна была
Мне та земля для тяжелых испытаний,
Чтоб чашу до конца испить смогла
Бездомности, сиротства и скитаний.

И выбор — самый тяжкий в мире груз —
Не облегчен гоненьем и изгнанием.
«Чужбина» — слово пробую на вкус —
Разлуки горечь в нем и соль познания.

И даже небо кажется другим,
И даже звезды по-другому светят.
Лишь до костей пронизывает ветер,
И только он мне кажется родным.

На перекрестке дел моих и дней
Меня продуло так, что ломит душу.
Но ветру странствий буду я послушна,
Куда нести меня, ему видней.

март 1991
Калифорния

НА СМЕРТЬ РОССИИ

В каких мирах пристанище отыщет
И обретет неведомый от века
Покой, как сирота или калека,
Влачившая судьбу, как Божий нищий,
Грехами, как поклажею, навьючена,
Пройдя свой путь от святых дней до лагерей,
Издранная проволокой колючей,
Душа России, бедной Родины моей?

Покрытая и страхом, и проклятьем,
И славою минувшей, и позором,
В кокошнике, расписанном узором,
Грозила всему миру рваным лаптем.

Мы в душу ей плевали, как умели,
Пытались, как могли, ее спасти.
И то, что мы простить ей не посмели,
Всевышний ей, наверное, простит.

Растерзанная, захлебнувшись кровью,
Когда испустит дух моя Россия,
Уж не спасешь ни посланным мессией,
Ни Красотой, ни Верой, ни Любовью.

Поднимется на небо черным облаком,
Проклявших и отрекшихся детей простит,
Шестую часть земли накроет пологом
И на прощанье мир перекрестит...

январь 1990

* * *

В разных была и обличьях, и обликах.
Сняв оболочку, я стану как облако.
Выдох и вдох, только выдох и вдох.
Что же ты медлишь? Возьми меня на руки,
Видишь, я стала чуть легче, чем облако,
Где же ты, где же ты, добрый мой Бог?

Где же вы, солнцем залитые пристани,
Где вы, аллеи с осенними листьями,
Звезды, моря, поезда, города...
Что же ты плачешь? Ведь я ещё видима —
Можно дотронуться легким касанием,
Прежде чем я растворюсь навсегда.

Промысел Божий не зная, не ведая,
Я, за судьбою безжалостной следуя,
Просьбой о помощи не согрешу.
Я еще слышу листвы шелестение,
Я еще вижу полоску закатную
И я дышу, Боже мой, я дышу...

август 1992
Колумбус

* * *

Посвящается всем бродячим поэтам

Не музыкант и не певец —
Поэт бродячий —
Властитель дум и душ ловец
Поет и плачет.

И оценить нельзя его
Души весомость,
Когда не весят ничего
Ум, честь и совесть.

Законы времени строги
К единству места,
К единству сердца и строки,
Поступка, жеста.

А он идет из дома в дом,
Поет на кухне,
Пока с последнею звездой
Сам не потухнет.

Устанут гости за столом —
Им не под силу,
А он идет из дома в дом
За «спасибо».

А он идет из века в век,
Поэт бродячий,
Идет, не опуская век,
Гомер незрячий.

И сколько правды ни ищи,
Но будут правы

Все те же белые плащи —
Подбой кровавый...

Он на пиру незваный гость,
Где званых — орды.
Бельмо в глазу и в горле кость
Его аккорды.

А соль земли им ни к чему —
Полно селедки.
Он вам споеет еще — ему
Налейте водки!
Он вам споеет еще, споеет
Поэт бродячий.
И он поет, и водку пьет,
И плачет...

3 августа 1988
Кратово

**СТИХИ И ПЕСНИ
РАЗНЫХ ЛЕТ**

* * *

Из Екатеринбурга родом,
Екатериною наречена,
Я под апрельским небосводом,
Я ранним утром рождена.

Не знаю, что меня забросило сюда —
То Божья прихоть или чья-то похоть...
Был первым плач — последним будет хохот.
Я здесь пролетом — там я навсегда.

Но в судный день, когда предстанут Божьи очи,
Мне от ответа не уйти.
Мне Бог простит мои хмельные ночи.
Он, может быть, немного побормочет,
Но все простит. Если захочет.

Из Екатеринбурга родом,
Екатериною наречена,
Я под апрельским небосводом,
Я ранним утром рождена!

1978

Москва

* * *

Я играю вничью. Я — ничья.
Я не пешка, не ферзь. Я — ладья.
Рокировкой-сноровкой к королю,
Попадешься в ловушку — загублю.

Я по белым по клеточкам
Проплыву не спеша,
А по черным по клеточкам...
Замирает душа.

Черно-белое поле
Да яркие сны,
Белогривые кони,
Голубые слоны.

Я черна, как Лилит,
Как невеста, бела,
Аж душа заболит,
Как невинна была.

Я по минному полю
Пробегаю, зажмурив глаза.
Поскорее бы, что ли,
Эта белая полоса.

Я совсем заблудилась,
Вы меня не ищите,
Крест на мне поскорее поставьте,
Я его понесу, как распятье,

А по городу всем объявите:
Потерялся ребенок по имени Катя.

июль 1978

Москва

* * *

Машины, машины, машины,
Слепящие фары и шины,
Шипящие шины шершавы,
Шоферы откинувшись властодержавны.

Раздавят, расплющат, расплавят,
Живьем не оставят,
Преследуют, гонятся, давят
И самоубийцей ославят.

Им нету до грешницы дела,
Несутся вперед оголтело,
Затылком в асфальт порыжелый
Распластано тело.

1978

Москва

* * *

Я пролетом в твоих городах...
Я — прологом...
Но в своем прозябанье убогом
Я, как прежде, не проклята Богом,
Хоть давно потонула в грехах.

Может, мне искупиться, умыться,
Отрешиться, остепениться?
Может, это последний мой крах?
Но пронзителен вздох на губах...
В небесах и журавль, и синица.

Я пролетом в земных городах
И любви мимолетных капканах,
Оставляющих рваные раны.
А в моих сокровенных садах
Мало избранных — много званых.

Сентябри вы мои, сентябри,
Убаюкивающе-крахмальны,
Паутиной меня оплели
Погребальной.

Никакой мне не надо отсрочки,
Родилась и умру не в сорочке.
Просто как-то прохладной порой,
Не оставив ни сына, ни дочки,
Не поставив последнюю точку,
Я легко вознесусь над землей...

июль 1978
Москва

* * *

А. Оболеу

О чем кричит ночная птица?
Мне это снится иль не спится?
Нам суждено с тобой проститься —
Оставь же мне печаль свою.

По гулким улочкам поспешно,
Скрываясь в темноте кромешной,
Я у иконы потемневшей
Ночь на коленях простою.

По-лебединому кричала
И зверем загнанным молчала,
А может, все начнем сначала —
Ведь нам лететь в одном строю.

Моих счастливых дней посредник,
Мой молчаливый собеседник,
Ночной певец, я твой наследник,
Лети, я песню допою.

июль 1979

Москва

ФИЕСТА

Все кончается на свете,
вслед за летом — дождь и ветер,
как всегда.

Вот и кончилась фиеста,
оглянись — на прежнем месте
ни следа.

Вот и листья облетают,
и в осенней дымке тают
города.

И как призрак исчезают,
и конечно, не вернуться
никогда.

Лишь мелькнет бесплотной тенью
на какое-то мгновенье
образ твой.

После вспышки ослепленья
легкий выдох сожаленья:
«Боже мой...»

Вот и кончилась фиеста,
оглянись — на прежнем месте
ни следа.

Все кончается на свете,
вслед за летом — дождь и ветер,
как всегда.

Поезд мчит — ни оглянуться,
ни очнуться, ни проснуться,
ни свернуть.

От себя не убежать,

чтоб не кричать — ладонью рот зажать,
и в путь.

Канут в Лету это лето
и мои молодые лета —
не вернуть.

А забрезжит луч рассвета —
мне б допеть конец куплета
как-нибудь.

Лишь мелькнет бесплотной тенью
на какое-то мгновенье
образ твой.

После вспышки ослепленья
легкий выдох сожаленья:

«Боже мой...»

Вот и кончилась фиеста,
оглянись — на прежнем месте
ни следа.

Все кончается на свете,
вслед за летом — дождь и ветер,
как всегда.

июль 1979

Москва

* * *

Когда мне кажется, что всеми позабыта
И что живу среди хапуг и паразитов,
Что моя жизнь никчемная разбита
И помощи мне неоткуда ждать,
Я вдруг пойму, что двери в доме не забыты
И далеко мне до разбитого корыта,
Я вдруг пойму, собака в чем зарыта —
Мне двадцать пять, мне только двадцать пять!

И будет жизнь: и взлеты, и паденья,
Лишь дай, Господь, мне чуточку терпенья,
И будут мне даны восторг и вдохновенье,
Фортуна улыбнется мне опять.
И верю, явится мне чудное мгновенье,
И моя жизнь исполнится значенья,
И встречу песней не одной зари рождение,
Мне двадцать пять, мне только двадцать пять!

Все впереди: и сказочные страны,
Где птицы райские и пенные фонтаны,
Все впереди, и унывать мне рано —
Свершившегося не переиграть.
Я залижу воспоминаний раны
И наплюю на все обиды и обманы,
Да будет так! Иначе было б странно,
Ведь двадцать пять, мне только двадцать пять!

июль 1979, 1982
Москва

* * *

Уходит молодость, а с нею и любовь.
Уходят вместе, молча за руки держась.
Гляжу им вслед — покой и воля, стынет кровь, —
Осуществят свою губительную власть.

Как устоять, как пережить сей скорбный день,
Измерить чем такой потери глубину?
Уже их нет, от них осталась только тень,
Каким созвучьем мне измерить тишину?

Их задержать сам Бог не в силах мне помочь,
Раз не смогла их удержать в своей горсти.
Тебя я, молодость, гнала скорее прочь,
Тебя, любовь, не узнавала я, прости.

Когда и тень от них исчезнет в облаках,
Мне на прощанье даже не взмахнув рукой,
Тогда помогут удержаться на ногах
Взамен оставшиеся воля и покой.

* * *

Кто ты, Артист?
Жизнь твоя просто пропала
В тот же момент, как попала
В черные дыры кулис.

Кто ты, Артист?
Время давно миновало
Не бенефисов — провалов,
Тех, когда топот и свист.

Где ты, Артист
Каждую клеточкой кожи,
Чтобы кидали из ложи
Розы и возгласы «бис!»?

Кто ты, Артист?
Глупый паяц или дьявол?
Рвущий рубаху по пьяни
Плачущий мазохист?

Ты за гроши,
Ты за смешную зарплату
Делаешь за день стократно
Перелицовку души.

И за пятак
Вечно доказывать должен,
Что невозможное можешь,
Жалкий великий чудак!

* * *

В. Рыбакову

Закружит ветром лист осенний,
И нет от осени спасенья,
По-сумасшедшему завертит
Моих земных дорог веретено.
А лето было так давно,
Что трудно этому поверить,
Каким аршином жизнь измерить?
Как трудно не свершить того, что суждено.

Закружим, полетим с тобой однажды утром сонным,
Как страшно, как прекрасно быть бездомным
И ничего у Бога не просить.
Как сладко увидеть под собою город спящий,
Лишь ветер, ветер, ветер уносящий
Рвет памяти невидимую нить.

Закружит, унесет от дома
К каким-то далям незнакомым,
На паутине невесомой
Вершит Земля свой плавный оборот.
И вот уже не лист парящий,
А белый снег, глаза слепящий,
Куда-то в небо уходящий,
И снова вниз, и все наоборот.

Закружим, полетим с тобой однажды утром сонным,
Как страшно, как прекрасно быть бездомным
И ничего у Бога не просить.
Как сладко увидеть под собою город спящий,

Лишь ветер, ветер, ветер уносящий
Рвет памяти невидимую нить...

сентябрь 1981

Хабаровск

ОДИН

По воде, яко посуху,
или по воздуху
шел и летел Он — один.
Был Он наг.
Каждый шаг
измерялся столетьем,
и руки, как плети,
лишь вздох из груди:
ОДИН...
Брел по камешкам звезд,
обжигая ступни, не считая верст.
Без надежды глядел на сверхновые звезды
и взрывы галактик.
Он искал...
Он искал ту планету людей,
где когда-то его называли Богом.
Но пока Он другие миры открывал,
изменилось так много!
Где тот шар
голубой и мерцающий,
дышащий, теплый,
как сердце Вселенной?..
Лишь пожар...
Кровоточит Земля,
словно рек перерезаны вены.
Эти люди
считали его всемогущим,
всесильным, всезнающим,
видно, напрасно.

Он не знал.

Не умел и не мог
начинать все сначала.

Ведь только одно
бывает Начало.

По воде, яко посуху или по воздуху
шел и летел Он один. Был Он наг. Каждый шаг
измерялся столетьем, и руки, как плети,
лишь вздох из груди: ОДИН... ОДИН...

* * *

Мир так жесток,
Лишь ступи за порог —
Полон крови, страданий, насилья.
В мире горя и слез
Всемогущий Христос
Оказался и слаб, и бессилён.

И никто не видал,
Как он ел или спал,
Его голос был тих или звонок.
Что за детский наив —
К благородству призыв?
Видно, Богом был просто ребенок.

Всех веков лейтмотив
Этот детский наив —
От Христа вплоть до нашего века.
Не на вечных китах,
А на детских мечтах
Еще теплится жизнь человека.

* * *

Катится колясочка
Сквозь дожди, снега и вьюги,
Сказочка за сказочкой,
Что-то будет, что-то будет?

Сквозь года и города,
Через тыщи километров,
Прибавляя без труда
Сантиметр за сантиметром.

Балаганчик на колесах —
Там игрушки оживают,
Там и радости, и слезы
Проживают, проживают.

Нет, никто не отгадает —
Повезет — не повезет...
Лишь колясочка все знает —
Куда надо, привезет!

Катится колясочка
Сквозь дожди, снега и вьюги,
Сказочка за сказочкой...
Что-то будет, что-то будет!

ноябрь 1981
Хабаровск

* * *

Ужели костер догорает, едва разгоревшись,
И, следуя долгу иль глупости, пламя потушим?
И долгие годы поститься, едва разговевшись,
О, Боже, спаси наши души, спаси наши души!

Не нами под деревом райским запрет был нарушен.
За что ж нас караешь не нашей, чужою виною?
О, Боже, спаси наши души, спаси наши души,
А мы уж грехи и свои, и чужие отмоем.

Не сами придумали это, придумали это...
Какие там к черту зароки, обеты, запреты?
Не разум, а душу свою ты послушай, послушай,
И Боже спасет наши души, спасет наши души.

Ужели костер догорает, едва разгоревшись,
И, следуя долгу иль глупости, пламя потушим?
И долгие годы поститься, едва разговевшись,
И Бог никогда не спасет наши мелкие души.

декабрь 1981
Хабаровск

* * *

А праздник только начался
Под звуки флейты.
Я к вам зашел на полчаса,
Вина налейте.

И с апельсинов кожуру
Срывают пальцы.
И, видно, только поутру
Затихнут танцы.

И смех, и дым от сигарет,
Балкон распахнут.
На рюмках от помады след,
И ночью пахнет.

Я к вам зашел на полчаса,
Уйти нет силы.
Вино, и ночь, и голоса,
И апельсины.

Но ночь минула, и пора
Нам всем проститься.
Как апельсинов кожура,
Помяты лица.

Ведь нас покинула давно
Веселья муза.
До капли выпито вино
Ночных иллюзий.

*январь 1982
Свердловск*

ПО ДОРОГЕ ИЗ «ДОМОДЕДОВО»

Стелется дым по промерзшей земле...
Был ты со мной или не был?
Ты улетел, и тоска по тебе
Точкой серебряной в небе...

Время течет бесконечной рекой,
Мы же секунды считаем.
Я на стекло натыкаюсь рукой —
Миг — и ты недосягаем.

Как без тебя опустела Москва.
Тихо в пустой электричке.
Сквозь дремоту долетает едва
Дальних гудков переключка...

Ослабевает прошедшего власть,
Тает оно, как в тумане.
Вот потихоньку и боль улеглась,
Словно чайники в стакане.

апрель 1982
Москва

* * *

Душа устала от порывов.
Устала и жива едва.
От неродившихся мотивов
Отяжелела голова.

Где ты, любовь, что вне сезона,
Что вне обид, что вне измен?
И совершать нам нет резона
Претензий мелочных обмен.

Любовь исторгнет звук печальный
И завершит прощальный круг.
И будем за сервизом чайным
Семейный проводить досуг.

На долгое существованье
Моя любовь обречена,
И в цепи разочарований
Она навек заточена.

И, пожонглировав словами,
Загоним мы себя в тупик...
Но, словно белый флаг, над нами
Взойдет округлый детский лик.

апрель 1982
Москва

* * *

Любовь не пернатым ангелом
пришла, не игривым скерцо.
Схватила, как жрица агнца,
железной рукою за сердце.

Не милостями одаривает,
а, выстрелом оглушив,
На адском огне поджаривает
лучший кусок души.

Губы не медом обласканы,
а перцем обожжены.
Любовь не песней, не сказкою —
ухмылкой сатаны.

Оборотень! Ты серной
прикидывалась, губя?
Маску сдирай, стерва!
Любовь, я узнала тебя.

* * *

Над Москвою, над Москвою
Ветер носит облака.
Крылья за моей спиною
Не расправились пока.

Это крылья или память
Как во сне прошедших лет?
Птица в небе, змей на камне
Свой не оставляют след...

Моих чувств сложна соната —
Не получится на «бис».
По канату, по канату,
Что над пропастью повис.

Если мы прохладным утром
Вместе полетим с тобой,
Будущее — парашютом
Распахнется за спиной.

И походочкой легчайшей
Я по жизни пробегу,
Переполненную чашу
Не пролью, уберегу.

А пока что над Москвою
Ветер носит облака...
Крылья за моей спиною
Не расправились пока.

июль 1982
Агудзеры

* * *

Доколь играть чужую роль?
Любовь моя — одна утрата.
Какая грусть, какая боль,
Что мы не встретились когда-то.

Когда была я молода,
Душа моя была тогда,
Как родниковая вода,
Когда еще был непочат
Незнанья клад, сомненья яд,
Душа была цветущий сад.

Нестроен был страстей оркестр,
В нем флейта громче всех звучала,
В жизнь, как в залитый солнцем лес,
Я так стремительно вбежала.

Ты пишешь мне, что я нежна,
Добра, умна, чиста, красива,
А я боюсь, что я грешна,
Глупа, груба, властолюбива.

Когда была я молода,
Душа моя была тогда,
Как родниковая вода,
Когда еще был непочат
Незнанья клад, сомненья яд,
Душа была цветущий сад.

Не знаю я, как дальше жить.
Ну где мне взять большие крылья,

Каких богов еще молить,
Чтобы нам встречу подарили?

Меня далеко не ищи.
Лишь завершу я путь свой млечный,
В субтропиках твоей души
Поверь мне, приземлюсь навечно.

Доколь играть чужую роль?
Любовь моя — одна утрата.
И все ж какая это боль,
Что мы не встретились когда-то.

июль 1982
Новороссийск

* * *

В. Рыбакову

Ах, мы с тобой друзья по переписке,
Как это ни печально, ни смешно,
И так ты далеко, что даже близко...
Сажу я, как в глухом кино.

Ах, милый друг, к чему нам эти строчки?
Ты приезжай, живьем поговорим.
О том, о сем, о милой нашей дочке,
Я жду тебя! Но ты не уловим.

Легендами покрыт, овеян славой,
Когда б ты ни приехал — будешь мил,
Афиш, рецензий бесконечной лавой
Свой путь тернистый лишь бы устелил.

Я тоже тут зря время не теряю:
Дитя на лето к морю вывожу,
Пишу стихи и песни сочиняю,
Но замужем ли — не соображу.

Ты пишешь, мол, скучаю, приближаюсь,
Из пункта А в пункт Б так сложен путь,
А я все удаляюсь, удаляюсь...
Ты как зовут меня не позабуди.

Так будем мы с тобой по белу свету
Искать друг друга, чувствуя без слов,
Надежда есть! Ведь круглая планета!
Что ж, встретимся с тобой в конце концов!

июль 1982

Новороссийск

* * *

Когда зимы проходят сны
Мы с нетерпением ждем весны
Как путник ночью заблудившись ждет рассвета

И только лето
Мы с сожаленьем провожаем
И это так переживаем
Как завершение любви
Уходим в осень
Печальны наши настроенья
И лета лучшие мгновенья
В душе незыблемо храним

Когда весна закончит путь
Мы не печалимся ничуть
Мы солнца ждем и ждет земля тепла и света

И только лето
Мы с сожаленьем провожаем
И это так переживаем
Как завершение любви
Уходим в осень
Печальны наши настроенья
И лета лучшие мгновенья
В душе незыблемо храним

Когда же нет конца дождям
И нет конца осенним дням
Мы ждем зимы как в Новый год подарка дети

И только лето
Мы с сожаленьем провожаем
И это так переживаем
Как завершение любви
Уходим в осень
Печальны наши настроенья
И лета лучшие мгновенья
В душе незыблемо храним

июль 1982

Новороссийск

* * *

Мой маленький самолетик
Летит, летит, летит, летит, летит, и облака
Щекочут его животик,
Ласкают его бока.
Хоть маленький, но отважный,
Он смело летит вперед,
Веселый и бесшабашный,
И песенку он поет.

По морю плывет кораблик,
Плывет, плывет, плывет, плывет, плывет он по волнам,
Он тоже лихой и храбрый
Назло всем своим врагам,
И парус его трепещет
Под музыку всех ветров,
Поет он, и волны плещут
В такт песни его без слов.

Кораблик и самолетик
Хотят поговорить, потолковать о том, о сем,
Но вечно один в полете,
Другой из них, хоть плачь, всегда идет морским путем.
Им было бы вместе славно,
Дуэтом могли бы спеть,
Но один не умеет плавать,
Не может другой лететь.

И стоят друг друга оба —
Красивы, и умелы, и отважны, и сильны,
Но мчатся своей дорогой

И разные видят сны.
Один видит свой фарватер,
Другой видит облака,
Быть может, они когда-то
И встретятся, а пока...

Мой маленький самолетик
Летит, летит, летит, летит, летит сквозь облака,
По морю плывет кораблик,
Плывет, плывет, плывет, плывет, плывет он по волнам.

август 1982

Новороссийск

* * *

В. Рыбакову

Снова ты улетаешь,
В воздухе таешь,
Словно мираж.
Снова промчалась фиеста,
Встреч наших presto
Немыслим пассаж.

В море печаль свою сбросим,
Сколько море приносит
Встреч и разлук.
Но с кем бы ни был ты вместе,
Вспоминай мои песни
И тепло моих рук.

Где ты, мой солнечный город,
Где море и горы,
И ласковый бриз?
Город, где жарки свиданья,
Исполнимы желанья
И каждый каприз.

В море печаль свою сбросим,
Сколько море приносит
Встреч и разлук.
Но с кем бы ни был ты вместе,
Вспоминай мои песни
И тепло моих рук.

Спелы виноградные гроздья,
Как крупные звезды
В южную ночь,

Стали прохладны рассветы,
Уходящему лету
Невозможно помочь.

В море печаль свою сбросим,
Сколько море приносит
Встреч и разлук.
Но с кем бы ни был ты вместе,
Вспоминай мои песни
И тепло моих рук.

август 1982
Новороссийск

* * *

Удар, удар, еще удар,
Удар судьбы, как вечность, стар.
Глаза зажмурить и терпеть,
Терпеть, стирать, варить и петь.

Настанет ночь, ворвется ветер,
Завоют псы, заплачут дети,
И бьются все на белом свете
В одни натянутые туго сети.

Удар, удар, еще удар,
В глазах темно, в груди пожар.
Уже сгорела жизни треть,
Восстать из пепла, снова петь.

Горите, судьбы и державы,
В одном огне любви и славы,
Кто виноват и те, кто правы,
Все оставляют за собою след кровавый.

Удар, удар, еще удар,
Принять его как Божий дар,
Благословенна эта плеть!
Не падать. Встать. И снова петь.

Я побреду своей дорогой,
Полна печали и тревоги,
Вот только жаль — не верю в Бога,
В минуту трудную — надежда и подмога.

Удар, удар, еще удар...

август 1982
Новороссийск

ПЛАГИАТ

Ну что о любви еще можно сказать?!
Так много о ней уже сказано кем-то, когда-то.
Но в мае сирень расцветает опять,
Как сто лет назад, не боясь совершить плагиата.

И солнечный диск, как и в прошлом году,
Сияет на небе брильянтом в сто тысяч каратов.
По сто раз заходит и всходит у всех на виду,
Ничуть не стыдясь своего плагиата.

И из века в век наливаются солнцем плоды.
Деревья, что их отдают, не боятся утраты.
Ведь ранней весной принимаются вновь за труды
И вновь за свершение священного столь плагиата!

Так что о любви мне сказать не дает
Светло и открыто, легко и невитиевато?!
Ведь если она словно солнце иль дерева плод,
Тогда мне не страшно, пусть будет она плагиатом!

август 1982

Новороссийск

* * *

Мы пришли сюда из дальних мест,
тех, где Орион и Южный Крест,
тех, где темнота и Млечный Путь...
Нас уже обратно не вернуть.

Мы пришли сюда издалека.
Вспять течет забвения река.
Нет, мы не хозяева Земли —
в гости навсегда сюда пришли.

Нам так непонятен океан,
как и гор тоскующих орган.
У природы музыка своя,
на которой держится Земля.

Кто он, гениальный дирижер
ветра, облаков, дождя и гор?
Кто расставил в ветреной ночи
тополей скрипичные ключи?

Шар во влажной сфере голубой,
мчимся, неразрывные с тобой,
сквозь радиоактивные дожди
и лучей космических ножи.

Жизни одинокий эмбрион
кружится, и мрак со всех сторон,
и упасть мы все обречены
в вечные ладони тишины.

Но сквозь темноту и звездопад,
сквозь планет торжественный парад,

вижу сквозь метеоритный град
темных глаз твоих любимый взгляд...

август 1982

Новороссийск

* * *

Смысл жизни доселе неведом.
Кто сумеет его разгадать?
Перфокарту звездного неба
Кто сумеет расшифровать?

Очертаний горы и верблюда
Синусоиду кто поймет?
Дождь на Землю — кто и откуда,
Словно азбуку Морзе, нам шлет?

Что нам пишет полет птицы белой —
На чернеющем небе мелок?
Кто ведет крупным почерком беглым
Этот жизненно важный урок?

Видим птиц и зверей мы стандартно
В очертаниях облаков.
Может, это живая карта
Нам неведомых материков?

Мы не знаем, кто мы и откуда,
Но легко это сможем узнать, —
Надо только горы и верблюда
Синусоиду прочитать.

Нам подвластны анализы спектров,
Телеграфные провода,
Но как слабы на фоне ветра
Наши лица и города.

Что творим мы — не ведаем сами,
Представляя живой интерес

Для того, кто нас видит в экране
Голубых и прозрачных небес.

август 1982

Новороссийск

* * *

Я служанка твоих глаз,
И от них мне нету спаса.
Улетит от нас Пегас,
И до утреннего часа

Ты вассал моих волос,
И уткнешься ночью темной
В шелк моих заблудших кос,
Разметавшихся нескромно.

Аполлон моей души,
Я твоя ночная жрица.
Засыпать ты не спеши —
Все равно я буду сниться.

Я принцесса твоих снов,
Я раба твоих желаний,
И вкусим с тобою вновь
Радость телосочетаний.

Я подружка твоих плеч,
Рук моих тепло им нужно.
Затоплю пожарче печь
И на стол накрою ужин.

Будем славно пировать.
Независимо от ранга,
Лягут на одну кровать
И принцесса, и служанка,

Повелитель и вассал,
Королева и подружка...

Ужин нам не будет мал,
Будет не тесна подушка!

лето 1982

* * *

Штормит и волнуется море,
Как будто бы с берегом в ссоре,
Но как ни шуми и ни бейся,
Куда же от берега деться.

И дождь барабанит по коже
Земли. Будто в ссоре с ней тоже,
Но как ни шуми и ни лейся,
Куда от земли ему деться.

И вьется и кружится ветер,
Деревья терзает и треплет,
Но как ни шуми и ни вейся,
Куда друг от друга им деться.

А если ты волен, как ветер,
Ищи свое счастье по свету,
От ссоры не лучшее средство
Сознание, что некуда деться.

Но ты остаешься со мною,
Как берег с прозрачной волною,
Как дождь, что на землю прольется,
И жизнью земля отзовется.

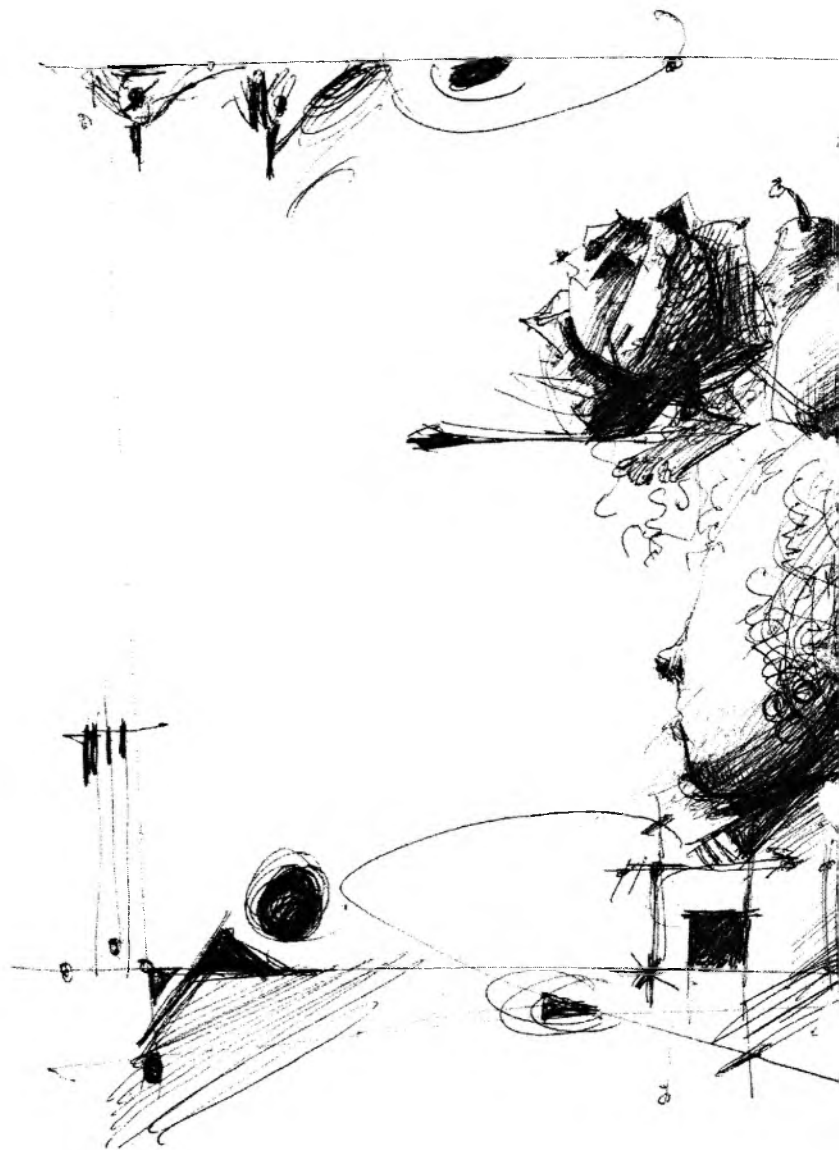
сентябрь 1982
Анаклия

* * *

Среди Кавказских гор,
покрытых козым мехом,
где Цхнетики сады
разлиты, как вино,
где Бахуса плоды,
ореховое эхо, —
там с Бахом разговор
вел баянист Ваню.

Он разрывал баян!
Бесстыдно обнажалось
гранатовое чрево
баяновых мехов.
Играл Ваню-Иван,
и музыка рождалась
и опадала с древа
до первых петухов.

И рассыпалась фуга,
как зернышки граната,
гудела Сакартвело
органом древних гор,
и, словно с лучшим другом
или как с кровным братом,
Ваню легко и смело
вел с Бахом разговор!

* * *

Прощай, мой домик на горе,
меня края другие манят,
тебя покину на заре
в прохладном утреннем тумане.
Тоска не раздирает грудь,
я с легким сердцем уезжаю.
Впервые в жизни в дальний путь
меня никто не провожает.

Прощай, мой южный городок!
Еще одно промчалось лето.
И я пойму, настанет срок —
душа тобой была согрета.
Особой не блистал красой
твой берег моря каменистый,
но он принес душе покой
и пониманье многих истин.

Никто на утренней заре
рукой не машет на причале.
Тебя, мой домик на горе,
я покидаю без печали.
Как много нераскрытых тем,
немало городов чудесных.
Но дорог ты хотя бы тем,
что о тебе пою я песню.

сентябрь 1982
Ингири

НАДЕЖДА

Является к нам в белопенных прозрачных одеждах,
Приходит под утро, еще до рассвета, Надежда.
Ведь утро всегда по сравнению с вечером мудро.
Приходит, как выход единственный из тупика,
Надежда раскинет свои золотистые кудри —
И сразу покажется жизнь и проста, и легка.

Приходит она медсестрой в белоснежном халате,
Витает она у постелей в больничной палате,
И нету надежней и нету целебней лекарства,
Чем пристальный взгляд ее темно-фиалковых глаз.
Тот, кто побывал в ее светлом предутреннем царстве,
В бреду и в паденье к ней руки протянет не раз.

Одна за другую потери идут чередою,
Успеть бы закрыть ворота перед новой бедою,
Но я ничего не боюсь, отправляясь в дорогу,
Любые удары судьбы я готова принять,
Любые потери могу пережить я, ей-богу,
Любые, вот только Надежду боюсь потерять.

сентябрь 1982

Анаклия

* * *

Измена лик имеет скорбный
И исторгает звук утробный,
Ее удар громоподобный
И неминуемый, как смерть.
Измена вкус имеет терпкий,
С ног валит, как напиток крепкий,
И глаз имеет злой и меткий,
И налетает, словно смерч.

Она сначала так невинно
Среди паров витает винных,
В свою затягивает тину
И отравляет, словно яд,
И смыть ее не так-то просто,
Ее не остановишь роста,
И нарастает, как короста,
Души разменивая клад.

Коварна, словно дама-пика,
Она стара и многолика,
Но всякий раз нова и дика
И рвет судьбы тугую нить.
Живет веками неведима,
Никто пройти не может мимо,
Ее удар непобедимый
Лишь верность может победить.

сентябрь 1982
Анаклия

* * *

Свет потухшей звезды,
Что сияла когда-то Копернику,
Долетает до нас
Через тысячи лет световых.
Ультразвук той беды,
Что в ушах Хиросимы и Герники,
До сих пор не угас
Он для тех, кто остался в живых.

Жизни нашей полет
Ограничен в пространстве и времени.
После нас хоть потоп,
После нас хоть трава не расти.
Но трава прорастет
Сквозь асфальт с бесконечным терпением.
Жизни вечный поток
Будет течь, нас о том не спросив.

И с зажатой гортанью
Мчимся мы без руля и без тормоза,
Что ни век, то война...
Ненасытные, все смотрим в лес.
Сквернословьем и бранью
Нарушаем гармонию космоса,
Даже мыслей волна
Изменяет структуру небес.

Наших милых проказ,
Наших взлетов и наших падений
Время смывает следы,
И никто с нас не спросит ответ.

Но не скрыться от глаз
Всех последующих поколений —
След звезды, звук беды
Долежат через тысячу лет.

октябрь 1982

Москва

* * *

Русалка с личиком и детским, и спокойным,
А омут глаз потусторонней глубины.
Пойдешь за ней — и ты утопленник, покойник,
И станут все богатства мира не нужны.

И долг сон ее русалочьего плена.
Ты доживешь свой бесконечный век
Под песни сладкозвучные сирены —
Еще не рыба, но уже не человек.

И что за колдовская это сила,
Что манит так и за собой влечет?
Что будет, то, что есть, и то, что было,
Единым кругом, как вода, течет.

На круге этом мы всего лишь точка,
И нет у времени начала и конца,
Оно нас смоеет, как водой проточной,
Очистив полотно для мудрого творца.

Русалка с детским личиком спокойным,
По пояс — рыба, выше — человек,
По пояс в прошлом, в водах мезозоя,
Жизнь из воды свой начинает бег.

Мы все русалки, мы по пояс в прошлом,
Мы полурыбы-полулюди — где наш дом?
Искать, где лучше или глубже, — это ложно,
Себе пристанища нигде мы не найдем.

октябрь 1982
Москва

* * *

Я снова в Москве неприветливо-серой.
Но с нею в родстве я давно состою.
И необъективной, пристрастной мерой
я меряю всех — всех, кого я люблю.

За принципиальность и непримиримость
я первая руку готова поднять,
но нам помогает лишь необъективность
ошибки друзей и любимых понять.

Судить мы умеем и строго, и честно.
И принципов наших закон нерушим.
Но камень кидать может тот, как известно,
кто в жизни своей чист и непогрешим.

Быть может, призыв мой немного наивен,
но если нам врозь все равно быть нельзя,
давайте же будем мы необъективны
к России, к любимым, к родным и друзьям!

октябрь 1982
Москва

* * *

Чем убережь себя от стрессов,
Как не писанием стихов?
Смешное имя «поэтесса»
Сродни свистящей стюардессе,
Летающей среди облаков.

И рифма эта не случайна,
Когда в небесной синеве
Легко, открыто и отчаянно,
И высоты не замечая,
Приходится летать и мне.

А может, мне назваться бардом?
Известность... Мисс Магнитофон...
И выползать из мрака баров
В обнимку со своей гитарой,
Дышать интимно в микрофон?

Но голос мой меня покинул,
Он, неокрепшее дитя,
Еще не зрелый, неповинный,
Магнитной ленты пуповину
Перегрызает не шутя.

А может, женщина мне имя?
Дитя, работа, муж, семья,
И жить заботами простыми,
Бояться, чтобы не простыли,
И знать наверное — есмь Я!

Но вот за стиркой, как ни странно,
Или за мойкою полов

Из тонкой слабенькой гортани
Я слышу, чую нарастанье
Моих стихов!

И их мучительные роды
Я принимаю всякий раз.
Я повитуха, кто угодно,
Я мать-преступница — уродов
Выбрасываю в унитаз.

Кем мне назвать себя? Поэтом?
Не замедляя жизни ход,
Пока я думала об этом,
Вокруг оси своей планета
Свершила! Полный!оборот!

* * *

Снег какой угодно, только не белый...

Б. Пастернак

Я вижу белый снег
И небо голубое,
Зеленую листву
И серые дома,
И лампы желтый свет,
И желтые обои —
Живу я наяву,
Все прочее — обман.

Я, видно, не поэт,
А просто переводчик,
И знает лишь Аллах,
С какого языка.
Не сходится ответ
Начальной, первой строчки
Родильного стола
И черного венка.

А наверху — покой.
Созвездий многоточье.
Такая глубина —
Дух не перевести!
Весь мир передо мной,
Как черновой подстрочник,
Который я должна,
Должна перевести!

РОДОСЛОВНАЯ

Я не стояла у станка,
Я родилась после войны,
И на висках моих пока
Нет и намека седины,

И мой отец не сеял хлеб,
И не доила мать коров,
Не знаю я, чем пахнет хлев,
Мне гул неведом тракторов.

Я этим не горжусь ничуть,
Напротив, с грустью сознаю —
Природы истинную суть
Лишь по картинкам познаю.

Еще мне грустно от того,
Я в этом честно признаюсь,
Что путь мой вследствие сего
Длинен в писателей Союз.

Вот если б я пришла с полей,
Смахнув устало пот с лица,
Тогда узнал бы мой хорей
Престиж газетного столбца.

А если б в пестреньком платке
Передовицей у станка!
Тогда б свободно, налегке
Плыла в журнал моя строка.

Но мне неведом шум полей
И лязг железа незнаком.

Больным хорьком лежит хорей
В столе, как в клетке, под замком,

Не плачьте, бедные стихи!
Я с вас сниму сиротства гнет!
А если будете плохи,
Пойду работать на завод!

Татьяна ЯНКОВСКАЯ

При подготовке этого сборника среди друзей Кати Яровой возникли разногласия — включать или не включать ее политические песни? Ведь эти, по ее выражению, «песни протеста» были откликом на конкретные события, и некоторые из них утратили свою злободневность, как считала Катя в последние годы жизни.

Но время показало, что многие из них по-прежнему актуальны в сегодняшней России, а также универсально приложимы к событиям и ситуациям в разных точках земного шара. Поэтому невозможно себе представить первый сборник Кати Яровой без её политических песен. При жизни она не раз отклоняла возможность публикаций или выпуска пластинки, если эти песни не хотели включать, желая ограничиться только лирикой. Сам факт их создания знаменателен: в то время как большинство тех, кто был гораздо лучше, чем она, защищен известностью и положением, предпочитали молчать, ее голос был камертоном, по которому можно было проверять правильность своей политической позиции.

*Только в голос мы верим, как в чудо,
Отделяющий зерна от плевел.*

Слова, сказанные когда-то о Марине Цветаевой — свет, правдивость, бесстрашие, — могут быть отнесены и к Кате Яровой, и в первую очередь к её политическим песням.

Мелодически они, как правило, уступают её лирическим песням, но мелодия в них — лишь несущая волна, облегчающая контакт автора с аудиторией. А свежесть взгляда, острота мысли, новаторское исполь-

зование привычных лексических форм, отличающие её творчество, присутствуют и в ее политических песнях, как и пророческий характер — черта всякой истинной поэзии. Эти песни останутся жить как страница русской летописи 80-х годов XX века и как свидетельство того, что всегда, при любых обстоятельствах, человек способен оставаться Человеком. Когда рушились устои, рвались привычные связи, «всё рвалось, только струны держались и, как водка, слова дорожали»...

Слову, вовремя сказанному, нет цены. И из песни слова не выкинешь. Поэтому мы считаем необходимым включить политические песни Кати Яровой в этот сборник.

Нью-Йорк, США

* * *

Гниет в амбарах тоннами пшеница,
Гниет морковь и поддыхает скот,
Но все ж упорно к изобилию стремится
Оптимистически настроенный народ.

Все против нас — и климат, и природа,
Бессилен тут всесильный КГБ,
С тех пор, когда испортила погоду
ВКП и маленькая «б».

Мы верим в мощь Советского Союза,
Энтузиазма и энергии полны!
А в крайности, засеем кукурузу,
Ведь главное — чтоб не было войны!

Идем мы, дружно лозунгами машем,
В коммунистический бесплатный рай...
А дураков не сеем и не пашем,
Но как богат их щедрый урожай!

1982

* * *

Прогрызаю я плаценту,
Рву зубами пуповину,
Жить хочу на сто процентов,
Не хочу наполовину!

Но не пью ни спирт, ни водку,
Не имею громкой глотки,
Стих мой женственен и мягок,
Еле слышен голос мой.

Надоело петь мне песни
С видом кротким и печальным,
Меланхольным и прощальным —
Лучше быть глухонемой.

И не горек, и не сладок
Голос мой, а просто так...
Ну а кто на бардов падох,
Тот, как правило, дурак.

Прогрызаю я плаценту!
Рву зубами пуповину!
Мне хотя б наполовину —
Уж какие сто процентов!

Все пропето гениально
И про «Баню», и про «Кони»,
А таких, как я, банальных
Миллионы, миллионы...

Все же я грызу плаценту,
Пуповину рву зубами,

Я хочу идти по центру,
Хоть по лезвию — но центру,
Хоть порежусь — но по центру,
Каждый рвется ближе к центру,
Кто последний? Я за вами!

ноябрь 1982

Москва

* * *

В. С. Высоцкому

Из окон распахнутых раненым зверем ревет
Не знающий брода, не знающий племени-рода.
Ему подвывает подвыпивший в праздник народ,
Не знающий выхода, также не знающий входа.

Живем мы без Бога в душе, без царя в голове.
Подайте нам водку, и зрелищ, и хлеба, и сала.
Но нам объясняют — не хлебом живет человек
В особой стране оптимистов-профессионалов.

Покорно сдаем в агитпункты свои голоса
И в черную щелочку урны их молча кидаем,
А для безголосых в буфете лежит колбаса,
А с ней и без голоса жизнь покажется раем.

1982 или 1984

* * *

Среди всеобщего упадка и разрухи
Вдруг всколыхнется жизнь, как пир среди чумы.
Благодаря подхалимажу, показухе
Еще на свете существуем мы.

И если вдруг отремонтируют дорогу
Или фасадов улучшают внешний вид,
То, значит, скоро здесь слуга народа
На быстрокрылой «Чайке» пролетит.

И если в ГУМе выбросили джинсы,
Не удивляйся, смело рвись вперед —
Решил по ГУМу прогуляться Ричард Никсон,
Сюда теперь не скоро он зайдет.

Спасибо и тебе, Олимпиада.
Хоть лица черные мелькали там и тут,
В Москве в то лето жизнь была — что надо!
Узнали мы, как люди белые живут!

Пускай мы словно бы в чужом пиру похмелье,
Мы ни при чем, когда партийный съезд идет,
Но среди общего подъема и веселья
Вдруг ради праздничка и нам перепадет.

Ждем с нетерпением всех гостей и президентов,
Как мяса ждем давно забытый вкус!
На этих исторических моментах
Держалась и держаться будет Русь!

МЫ — КУЗНЕЦЫ

Для нас всегда была святая правда,
Как кот в мешке, как кот в мешке.
Кто с молотком, а кто с железною кувалдой,
Кто по стене, кто по башке.

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастья ключи.
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи, стучи, стучи...

Стучи, стучи и сможешь многого добиться
В стране железных молотков.
Мы — шестеренки, в колеснице спицы,
И рухнет мир без дураков.

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастья ключи.
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи, стучи, стучи...

Стучи, стучи, стучи, как только не стучали
По барабанам наших душ!
Но наши души сделаны из стали,
Что ни играй — выходит туш.

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастья ключи.
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи, стучи, стучи...

* * *

Нас пугают грядущей войною
и нейтронною бомбой грозят.
За кремлевской зубастой стеною
днем и ночью о ней говорят.

Не пугайте нас милитаризмом,
знает даже любой эскимос —
мы марксизмом тире ленинизмом
победим человеческий мозг.

Ну а внутренних всех супостатов,
что мешают в нелегкой борьбе,
мы по-русски пошлем их, ребята,
на три буквы пошлем — в КеГеБе.

Мы крепиться должны неустанно
и должны неустанно крепить,
чтобы нас агрессивные страны
никогда не смогли победить.

Будем есть колбасу из бумаги
и последние снимем штаны,
лишь бы нам укрепить для отваги
обороноспособность страны.

Не успеют враждебные силы
справить свой вурдалаковский пир —
всю планету загоним в могилу
и погибнем, сражаясь за мир.

* * *

*Жизнь есть форма
существования белковых тел.
Энгельс*

А если окна занавесить
И телевизор не включать,
И не выписывать «Известий»,
И «Правду» тоже не читать,
И не смотреть программу «Время»
Про знамя-племя-вымя-семя,
И двери наглухо закрыть —
То ведь, ей-богу, можно жить!

И не ходить бы на работу,
И не иметь календаря,
Чтобы не знать, когда субботник,
Когда седьмое ноября,
И на партийные собрания,
И на народные гулянья,
И в магазины не ходить —
То ведь, ей-богу, можно жить!

И больше трех не собираться,
И по возможности молчать,
И на лужайках не играть,
А ночью спать и выключать.
Но ни законам, ни реформам
Не подчиняется пока
Жизнь человечества как форма
Существования белка...

НА СМЕРТЬ ВОЖДЕЙ

I. НА СМЕРТЬ Л. И. БРЕЖНЕВА

Цари меняются — Россия остается
Какой была — безропотной и нищей.
Нигде другой такой страны не сыщешь,
Что над собою громче всех смеется.

Привяжет к флагам траурные ленты,
Оркестр праздничный заменит похоронным,
А послезавтра — вновь аплодисменты
За обещанья в новой речи тронной.

Бог в помощь вам, наш новый повелитель!
Метла-то новая, да только мусор старый,
Все те же хищники, лишь голоднее стали,
Бог в помощь вам, наш новый укротитель!

Какими будут ваши увлечения?
Людей ли вешать иль на грудь медали?
Или же новые найдете развлечения?
Россия выдержит. В России все видали.

1982

II. НА СМЕРТЬ Ю. В. АНДРОПОВА

Нам нипочем потери и утраты
В стране парадов и пышных похорон.
Висят на всех подъездах депутаты,
И не пустует наш российский трон.

А мы живем и в ус себе не дуем.
Четыре семьдесят нам красная цена.

Мы за кого не знаем сами голосуем,
Скорбим, когда потребует страна.

Вы зря не верите в победу коммунизма,
Он не для всех — для избранных пока.
Есть сепаратный коммунизм для коммунистов
Там, где стена кремлевская крепка.

Там все бесплатно: транспорт и питание,
И медицина там достигла высоты.
Вот только жаль, что там при всем желанье
Не сможем оказаться я и ты.

Но и в раю живут они под Богом.
Для тех, кто умирает на посту,
Венки бесплатные и кладбище под боком,
Где не кресты, а елочки растут.

А мы не коммунисты, но готовы
Вождей хоть каждый месяц хоронить...
Ведь это нам дает прекрасный повод,
Чтоб крепко выпить и немножко закусить!

1983

III. НА СМЕРТЬ К. У. ЧЕРНЕНКО

Нам так привычно стало чувство скорби,
Хоть оптимизма нам не занимать.
А так как перемрут вожди не скоро,
То траур можно вовсе не снимать.

А может, просто, чтоб пресечь процесс старенья,
Забальзамировать нам всех своих вождей
И лет на двести положить на сохраненье,
Зато потом отгрохать пышный юбилей.

Вот Штаты даром время не теряют,
Они вооружились до зубов.
А наши только площадь ковыряют,
Уж не хватает места для гробов.

Но если Красной площади не хватит,
У нас не будет повода грустить —
Мы территорию ближайшую захватим,
Вожей мы будем в ГУМе хоронить!

Нам так привычно стало чувство скорби,
Хоть оптимизма нам не занимать.
А так как перемрут вожди не скоро,
То траур можно вовсе не снимать.

1984

BERIOZKA

Пейзаж унылый и неброский
Россией выношен до дыр.
Шумят валютные «Березки» —
Сертификатный сувенир.

И вводят русские матрешки
Вокруг «Березок» хоровод.
За европейские одежды
Борьба не на смерть — на живот.

И не на сером рыщут волке
Иван-царевичей сынки.
Царевнам новенькие «Волги»
Дороже матушки-реки.

Прощай, фольклорная Россия!
Из царских не видать палат,
Как продала, не износила
Ты древний свой узорный плат.

Пейзаж унылый и неброский
Россией выношен до дыр.
Шумят валютные «Березки» —
Сертификатный сувенир.

* * *

Темнеет за оградой сад.
Там монастырь. Гарем для Бога.
И настоятельницы строго,
Как будто евнухи, глядят.

Бог всемогущий и всеильный
Дождем прикинется, быком,
То лебедем, цветком жасмина
Или любим другим цветком.

Он их листвою тревожит нежной,
И льнет дождем, и ветром рвет
Одежды. Каждая с надеждой
На свой все принимает счет.

И каждой в келье одинокой
Мерещится в тиши ночной,
Что именно она для Бога
Была любимой женой.

И каждая в молитве страстной
Ему все уши прожужжит,
Как он любим, как он прекрасен.
А он, усталый, старый жид

Глядит на них, лицо в морщинах.
Старик. Но где уж выбирать им!
Плывут по вечности, как льдины,
Их монастырские кровати.

...Случилось это с ней в субботу.
После обильного дождя

Четыре месяца спустя
Под сердцем шевельнулось Что-то...

апрель 1983

Хабаровск - Генуя

* * *

Что, я тебе нравлюсь?
Что, ты меня хочешь?
Я скоро поправлюсь,
Стану прочнее прочих.

Я скоро поправлюсь
От чувств своих колючих,
Что, я тебе нравлюсь?
Или серьёзный случай?

Я скоро поправлюсь
Ото всего на свете,
Я скоро отправлюсь
В дальнюю даль на рассвете,

Я скоро оправлюсь,
Правильных стану рьянее...
Такая тебе понравлюсь,
Ни от чего не пьяная?

3 сентября 1983
Москва

* * *

Я мыслями — с одним,
Душой — с другим,
А телом — с третьим.

Один — гоним,
Другой — раним,
А третий — ветрен.

Кому же я голос пролью
В ночи, что покажется белой?
И мысли соединю
С душою своей и телом?

3 сентября 1983
Москва

* * *

Плоти плотная плотина...
(поиграем словом?)
Я сама себе противна
Со своим уловом.

Позавидует любая
Моему успеху —
Всем и каждому любая я,
Каждому утеха.

Всем и каждому награда
(губы стоном сводит) —
Очи цвета винограда
В искушенья вводят.

Предо мной пройдут парадом
Все, кто сердце студит.
Кто же будет МНЕ наградой?
МНЕ утехой будет?

3 сентября 1983
Москва

* * *

Себе

Ах, девочка-хищница,
душеспасительница,
В серебряном платье
шпагоглотательница.
Черною птицею
в шали с кисточками,
Душеглотательница
неистовая.
Иллюзионистка
с гитарой лаковой.
Звезды монистами
в руках позвякивали.
В губах сигаретка...
Судеб повелительница —
Сивилла? Субретка?
Мифотворительница.

*4 сентября 1983
Москва*

* * *

Сестре Елене

Золотом — по золоту,
Осенью — по Суздаю,
В кемпинге — под куполом.
Господу Создателю
Слава!

Золотое яблоко,
Голубое облако —
Пресвятая троица!

Троя долго строится,
Мигом разрушается,
Если женщин встретится
Трое!

Я Елена стройная,
Поиграю яблоком,
И цари повергнутся
С трона!

Окольцую золотом,
Заколдую до смерти,
Зацелую досыта —
Славно!

Солнце, словно яблоко,
Золотое, спелое,
Словно купол храма
Всего света белого!
Слава!

4 сентября 1983
Москва

* * *

Передо мной разорванная фотография,
Лицо разорвано и платье — как эпитафия,
Рука с букетом совсем отдельно экс-Катя.
На месте губ лежит кусок с ногою от тела.
Как бусы, шею унизав, нагою.
На фотографии мы были вместе, глядят отдельные глаза.
Теперь ты с нежностью смотришь но я себя оторвала.
А я распалась на отдельные кусочки. куда-то в пространство,
Передо мной разорванная фотография, как эпитафия...

*8 сентября 1983
Домодедово*

* * *

В. Рыбакову

Мой милый Муж,
Мной избранный, мне равный,
Доколь разлукою меня томить намерен?
До зимних стуж?
И мне, как лету травы,
Как ночи месяц, будешь ли ты верен?

Как ночь одну,
Как будто день единый,
Мы проживем с тобой щека к щеке.
Плечом к плечу, рука к руке, любимый,
Висок к виску,
Строка к строке.

Мой милый Муж
(не бракосочетаньем,
а душесочетаньем-сочлененьем),
День без тебя,
Как будто день без строчки,
Как будто день без ночи,
Как будто день без дочки,
Как дерево без почки... (многоточье)
День без тебя...

17 сентября 1983

* * *

Ленивые пальцы
Подвижные танцы
Проблемы прописки
Уценка на вещи
Резонные взгляды
Коктейли
    Наряды
Зарплаты
    И низкие
Цены на женщин
Уценка любви
Стрептококки в крови
Дистрофия мечты
Девальвация тайны
Газетные утки
Фарца
    Проститутки
Полевые цветы
Дорогие путаны
Путевки в соцстраны
Кафе
    Рестораны
Карате
    НЛО
        Сыроеды
            Аскеты
Валютные бары
Случайные пары

Космонавты

Циклоны

Брейк-дансы и скейты

Закрытые сауны

Чахлая фауна

Массивные серьги

Диатезные дети

А Солнце пылает

Лучи посылает

Качает энергию

Нашей планете!

* * *

Рассыпались снежные ноты
мажорной сонаты полета
на белом концертном рояле
зимы.

До Нового года неделя.
Креплендо декабрьской метели.
Стаккато из снега, из ветра,
из тьмы.

Созвездья вот-вот повернутся,
и год улетит налегке.
И нам не успеть оглянуться,
как льдинка растает в руке.

Давайте на время забудем,
что все мы солидные люди,
забудем заботы, обиды
простим,

забудем про грим и осанку,
давайте кататься на санках,
и с горки, зажмурив глаза,
полетим!

Созвездья вот-вот повернутся,
и год улетит налегке.
И нам не успеть оглянуться,
как льдинка растает в руке.

Нам нужно теплее одеться
и, вспомнив румяное детство, —

на шею коньки — и махнуть

на каток.

Про гриппы, простуды забудем
и сделаем полною грудью
морозного воздуха жгучий

глоток.

Созвездья вот-вот повернутся,
и жизнь улетит налегке.

И нам не успеть оглянуться,
как льдинка растает в руке...

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ОТКРЫТКА

Первый снег, последний снег
и кружится, и летит.
Это кто рукою с неба
сыплет снега конфетти?

Восхитительная небыль
замороженных картин.
Это кто кидает с неба
легкой вьюги серпантин?

Это кто же, кто же, дети,
кто добрее всех на свете?
Кто на облачке сидит,
на детей своих глядит?..

Кто же вырезал картинку,
и луну, и звезды сам,
из бумажки-золотинки
и приклеил к небесам?

Кто все видит? Кто всех слышит
и в обиду не дает?
Это кто так жарко дышит
в запотевший небосвод?

Это кто же, кто же, дети,
кто добрее всех на свете?
Кто на облачке сидит,
на детей своих глядит?..

* * *

Мы поедем вскоре
С мамою на море.
Мы возьмем с собою
Платье голубое,
Куколку Красотку,
Надувную лодку,
Из соломки шляпу
И, конечно, папу.

Он меня научит
И нырять, и плавать,
С ним не будет скучно,
С папой будет славно.
Мама мне расскажет,
Как живут дельфины.
Ляжем мы на пляже,
Я — посередине.

Мы на самолете
Прилетели в Потти.
Взяли мы с собою
Платье голубое,
Куколку Красотку,
Надувную лодку,
Из соломки шляпу...
Но не взяли папу.

Вот какое горе —
Мама с папой в ссоре.

ПЕСНЯ

Сегодня море нам с тобой дает прощальный бал.
Прощальный взгляд, прощальный всплеск, последний миг —
и на вокзал...

Прощайте, горы, лето, море, Ялта, Симеиз
И ленкоранская акация, глициния и кипарис!

В последний раз я окунусь и побегу, волос не осушив.
Закончен час воскресный мой, каникулы души.
И в море морду окунув, все так же будет плыть Медведь-
гора.

И чайки с морем не расстанутся, а нам — пора...

Забудут солнца поцелуи, ласки волн тела.
Прощайте, гроты, крабы, мидии, медузы, нас зовут дела.
Приедем, смоем с тела соль, запречемся в дома.
Прощай, безделье и тепло! Нас ждет зима, зима...

УХОДЯЩЕМУ

Я превращу тебя в стихи
Как будто в памятник печали
А между нашими плечами
Рифмую я полет стихий

Я побегу и ты беги
Любыми дальними кругами
А между нашими руками
Есть рифма вольтовой дуги

Лица не видно лишь спина
Я превращу тебя в ошибку
А вслед рифмуется улыбка
Хотя при чем же здесь она

Я превращу тебя в пустяк
И на судьбе поставлю точку
И так банально с точкой дочку
Я зарифмую просто так

Я превращу тебя в стихи

1986

ПЕСЕНКА ПРО РАЗВОД

Посмотри, как уходят другие мужчины —
Оставляют квартиры жене и машины,
Ну а ты утащил наше кресло-качалку,
И подушку с матрацем, и даже мочалку.

Вот какой все же мелочный ты оказался!
Даже вот от мочалки ты не отказался.
Был бы в доме котенок — забрал бы котенка.
Все ты взял, а оставил мне только ребенка.

Я тебя одарила московской пропиской,
Ну а ты не оставил мне даже записки...
Мне не жалко мочалку — ну черт с ней, с мочалкой!
Мне души твоей мелочной, вот чего жалко!

* * *

Я лежала с тонкими телами...
(Не с физическими, Боже сохрани.)
Занималась тонкими делами,
Но об этом никому ни-ни.

С телом эфирным и телом астральным,
С телом тоническим, телом ментальным
Пили мы прану, дышали эфиром
И заедали зефиром с кефиром!

Мы летали в небо голубое,
Биополем шли душа к душе.
Были очень хороши собою —
Без одежды были, в неглиже.

С телом эфирным и телом астральным,
С телом тоническим, телом ментальным
Аурой мы накрывались тончайшей,
Наипрозрачайшей, наилегчайшей...

Заходила к нам вампир-соседка,
Чтоб у нас энергию сосать.
Но мы скрыли, где у нас розетка,
Чтоб ей было некуда втыкать.

С телом эфирным и телом астральным,
С телом тоническим, телом ментальным
Мантры пропели, и чакры промыли,
И голубую спираль раскрутили.

Мы обмен энергий совершали.
Очищались, грубо говоря.

И себя в нирвану погружали,
Над страстями низкими паря.

С телом эфирным и телом астральным,
С телом тоническим, телом ментальным
Мы подымали наверх кундалини,
Кайф мы небесный при этом ловили.

Больше не буду жить жизнью греховной,
А только продвинутой, только духовной.
Тонким телам буду я доверяться,
А с толстыми вовсе не буду встречаться!

* * *

*«На территории Тульского
завода крепленых вин забил
минеральный источник...»
(из газеты «Известия»)*

Указом антиалкогольным крепко вмазал,
Как посохом, наш Миша-Моисей.
Господь не допустил, чтоб как шлимазл
Он осрамился на глазах России всей.

Бог показал могущество пророка —
И вот у винного завода во дворе,
Хоть государству от него немного прока,
Забил источник минеральный на заре.

Пришел директор — очень удивился.
И помолившись, глядя на указ,
Пошел в свой кабинет и так напился,
Как будто пил последний в жизни раз.

И вот теперь вино идет в нагрузку —
Народ его не хочет больше пить.
Глядят на небо, ждут теперь закуску —
Хотят небесной манной закусить.

К 70-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Давно на пенсию пора Советской власти,
тогда, быть может, в мире поутихнут страсти.
А мертвецами немудрёно править:
Горбатову могилы не исправить.

За семь десятков лет не сдвинулись на йоту —
то катафалки, то крутые повороты.
Про коммунизм давно покрылись сказки пылью,
мы рождены, чтоб сказку сделать черной былью.

Смердит империя в чаду полураспада,
и даже мирный йод распался, вот засада!
Такого не было в Гоморре и Содоме,
чтоб мирный атом поселился в каждом доме.

Толкуют нам про коренные измененья,
и все высказывают искренние мненья.
Бутылки спрятали и лезут к нам брататься,
а без пол-литры тут никак не разобраться.

От свежих веяний нам стало неуютно.
С враньем яснее было, с правдой как-то мутно.
Нам непривычны эти новые порядки,
ведь, говорят, теперь за правду режут матки.

У нас в стране то лысый правит, то кудрявый.
Один красиво говорит, другой — коряво.
С утра до ночи говорят об урожае,
да плохо сеют, хорошо сажают.

Давно на пенсию пора Советской власти,
тогда, быть может, в мире поутихнут страсти.

А мертвецами немудрено править:
Горбатуму могилы не исправить.

1987

АМЕРОС

*Посвящается Феликсу Медведеву, который
предложил объединить Америку и Россию в
одно общее государство и назвать его АМЕРОС*

Нам все трудней скрывать свое бессилье.
Умыть бы руки, да вот нечем руки мыть.
Объединить бы нам Америку с Россией,
И все вопросы этим враз решить.

Представьте только — будут чай и мыло,
Трусы и сахар, воздух и вода!
Чего не будет — я сказать забыла —
Руководящей роли партии тогда.

Представьте только — снова станут «наши»
Все те, кто ноги вовремя унес.
Сограждане! Не лепо ли нам бяше?
И с эмиграцией уляжется вопрос.

Мы наконец обнимемся, как братья,
Ученые и братья по перу!
Я представляю жаркие объятия,
К примеру, КГБ и ЦРУ.

И мы АМЕРОС будем называться,
Мы лично с этого сорвем немалый куш.
Ну, а с политикою будет разбираться
Генпрезидент по имени Горбуш.

Да вот боюсь, что их к сожителству не склонишь.
На черта им весь этот наш бедлам!
И нам тогда останется одно лишь —
Пускай все фирмы в гости будут к нам!

Ну вот Тайвань, к примеру, процветает,
Не то что мы — сплошная голь и рвань.
А ведь рабсилы и у нас еще хватает,
Пусть нас возьмут, и станем мы Тань-Вань.

Нас власть Советская, конечно, подкосила
И населению крепко врезала поддых,
Но показала — все же есть еще рабсила —
Нам перепись оставшихся в живых.

1989?

* * *

Дождь, дождь, дождь...
Дождь плясал под фонарями,
Радужными пузырями
Вырвавшись из темноты.
Дождь, дождь, дождь...
Он нахлынул так внезапно,
Кто боялся быть запятнан,
Вмиг раскинули зонты.

Лишь плясали под дождем
Черноморы и русалки,
Те, кто был покрыт плащом;
Вид имели просто жалкий.
Был безумен карнавал,
Были плечи обнаженны,
Был смешон тот, кто бежал,
Ливнем словно обожженный.

Дождь, дождь, дождь...
Подозрительные люди
Долго дома еще будут
Ливень этот проклинать.
Дождь, дождь, дождь...
Люди, знающие меру,
Закрывая плотно двери,
Будут дождь пережидать.

Но плясали под дождем
Черноморы и русалки,
Те, кто был покрыт плащом,

Вид имели просто жалкий.
Был безумен карнавал,
Были плечи обнаженны,
Был смешон тот, кто бежал,
Ливнем словно обожженный.

Дождь, дождь, дождь...
Чудотворная возможность
Смыть с себя чужую кожу
И отмыться добела.
Дождь, дождь, дождь...
Подставляйте руки, плечи,
Чтобы сердцу стало легче,
Чтоб душа чиста была.

И плясали под дождем
Черноморы и русалки,
Те, кто был покрыт плащом,
Вид имели просто жалкий.
Был безумен карнавал.
Были плечи обнаженны,
Был смешон тот, кто бежал,
Ливнем словно обожженный.

Дождь, дождь, дождь...

Я ВИЖУ НОЧНОЕ НЕБО

Черная дверь — небо,
Замочная скважина — месяц.
За дверью никто не был,
Ступенями звездных лестниц
Не поднимался никто...

* * *

Чья-то ладонь накроет
Куполом спящий город,
Через отверстия-звезды
Просвечивает новый день.

* * *

Черная птица ночи
Застыла в недвижимом полете,
Над миром раскинула крылья
И не мигая смотрит
Всевидящим желтым глазом.

* * *

Шелк ночи вышит золотом созвездий.
Луна серебряною пряжкой подхватит
Накидку черную, с рассветом обнажая
Жемчужно-розовое тело утра.

* * *

Я музыку ночи читаю с листа
По звездному небу — по нотному стану.
Я музыку эту читать не устану —
Как жизнь, бесконечна, как счастье, проста.

I

Эдик Дробицкий —
он многого может добиться,
его колесница легка.
Но он — одинокая птица,
ничуть не боится разбиться,
хоть цель его высока.

Эдик Дробицкий —
все то, что другому не снится,
ему словно выдох и вдох.
Не хочет он быть осторожным,
блат выше иметь невозможно —
его протезирует Бог.

Эдик Дробицкий —
зачем ему в руки синица,
когда все его журавли?
Чердак твой — этаж не последний,
потом начинается небо,
а там — и Шагал, и Дали,
и Эдик Дробицкий...

II

Уставший от роли Бога,
Дробицкий, снимите тогу!
Голый, худой и длинный
на перекрестье линий.

Распахнута бездна неба,
разверзнута пропасть ада.

И привкус вина, запах хлеба —
единственная награда.

Хоть дьявольская затея,
хоть божеская услуга —
из крана льются идеи,
казалось бы — что еще надо?

По гулким своим коридорам
Вы бродите, одинокий,
карающим тореадором
и Аргусом тысячеоком.

Вам тяжести сила известна:
злодейство и гений — совместны.
В мозгу воспаленном и Верди,
и Макбет — кровавая леди.

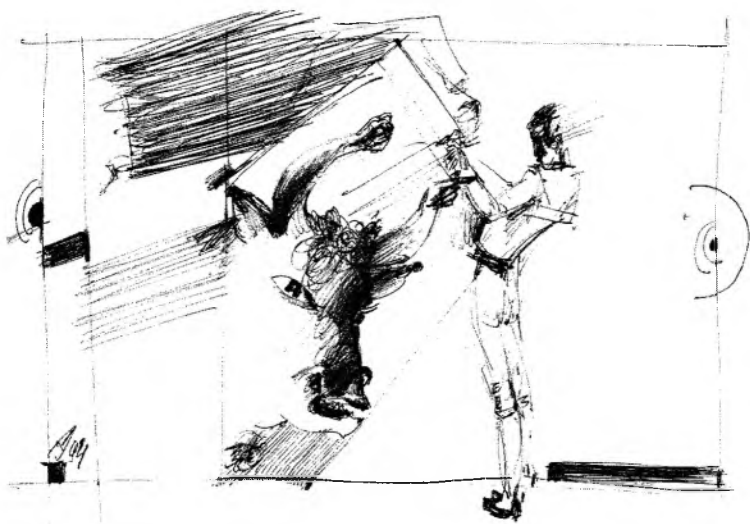
Но бездна души — беспредельна,
в нее так легко провалиться.
Носите же крест нательный,
гарцуйте у края, Дробицкий!

III

На границе меж тьмою и светом,
раздирающей душу границе,
где вопросы и нету ответов,
нет ответов — есть Эдик Дробицкий.

Есть глаза сквозь очки исподлобья,
есть и перстень на длинном мизинце,
есть художник и нету подобья,
нет сомнений — есть Эдик Дробицкий.

С двухметрового роста взирая,
он улыбку вонзает, как спицу.

Галкин и Кимов
СОК

1994

На границе меж адом и раем
балансирует Эдик Дробницкий.

И сжимается сердце до боли,
и дрожат от волнения коленки —
нет сильнее магнитного поля,
чем безумный чердак на Смоленке!

IV

Ты прыгнул выше крыши,
Ты был высок, стал выше,
Ну где предел, ну где тебе предел?
И смотрят прямо в души
Твои иконы-груши,
И рад Господь, он так тебе велел.

В одну и ту же реку
Два раза человеку
Нельзя войти, но ты не человек —
Вернулся ты к истоку
И стал подобен Богу,
Тебе молюсь я в наш безбожный век.

Нет выше назначения,
Чем рук твоих свеченье.
Кто горлом, кто струной, а кто пером —
Ты прорубил начало —
Ни много и ни мало —
Своим великолепным топором.

Летит, летит над миром
Не ангел и не лира —
Под крыльями загадочная фига.
Хоть это невозможно,

Но жизнь вложил, как в ножны,
Ты снова в Достоевского и Грига.

Ничем не укротишь его.
Перехитрил Всевышнего,
Когда создал ты, покорив Европу,
Скорбящую, кормящую,
Всегда впередсмотрящую,
Манящую светящуюся жопу.

V

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, НА КОТОРЫЙ МЕНЯ НЕ ПРИГЛАСИЛИ

Меня на день рожденья не позвали.
Не знала, видно, я своих границ —
Меня, конечно, держат и держали
Не в первом круге приближенных лиц.

Вы будете пить водку с сервелатом,
Потом уложите кого-нибудь в постель,
Но голос мой все время будет рядом,
Поскольку я — придворный менестрель.

Вы мне дубленок не кидали в ножки
И в ушки мне не вешали камней.
Любовь моя пластмассовой сережкой
Затеряна средь Ваших простыней.

Вы в Дом кино меня не приглашали —
На чердаке гитарой крыла мат,
Туда Вы ходите с холеной Галей,
Чей муж не менее холеный дипломат.

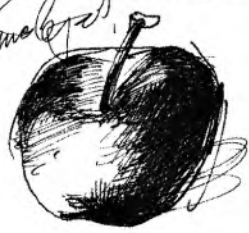
Вы до такси меня не провожали,
А в подворотне не видать ни зги...

1.1.1
Звезда
скульп.

1930

Can Rembrandt

794

Зато меня Вы очень уважали
За мой талант и светлые мозги.

И я Вас тоже очень уважаю.
Да разве можно Вас не уважать?!
Ну не дарили, ну не провожали —
Детей мне с Вами не крестить и не рожать.

На день рождения меня не пригласили
И не дарили шубы и духи,
И я за это Вам скажу спасибо,
За этот повод написать стихи.

Я Вам желаю избежать напастей,
Я Вам желаю всяческих побед!
Я б подарила что-нибудь на счастье,
Да денег нету даже на обед.

Я буду петь Вам, раздирая горло,
Его не взять ни у кого взаймы.
А мужиков — их надо ставить в стойло.
Спасибо за науку, черт возьми!

* * *

А. М.

Когда-то это был мой дом,
Был мой Эдем, был мой Содом.
Меня здесь не было сто лет,
Здесь чья-то шпилька на столе...

А где мы — те, что были прежде?
Навстречу призрачной надежде
Мы полетели вдаль, туда,
Где оголились провода

С высоковольтным напряженьем,
Но нет побед и поражений.
Мы — лишь движение вперед,
И запрещен обратный ход.

Каким законом запрещен?
Закон любви кем упрощен?
Я снова в этот дом пришла,
Но я себя здесь не нашла.

Меня здесь не было сто лет,
Но все еще дымится след,
Мой непростывший тлеет след...

1987?

* * *

В. Высоцкому

По артериям Таганки
кровь течет людским потоком.
Был при жизни ятаганом —
после смерти станешь богом.

Жилы струн твоих бессильны,
дека — рана ножевая,
и вдова твоя — Россия —
замерла как неживая.

На руках тебя носила,
а теперь согнула плечи.
Сирота твоя — Россия —
сиротою будет вечно.

Солнце — медная полушка
над бесплодным нашим веком,
вся Россия, как Хлопуша,
хочет видеть человека.

Память не навяжешь силой,
но, узнав тебя, мессия,
словно памятник, Россия
встанет над твоей могилой.

ПОСВЯЩЕНИЕ В. С. ВЫСОЦКОМУ

*Но душам их дано бродить в цветах...
На узких перекрестках мирозданья.*

*Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед ним.*

Из песен В. С. Высоцкого

Если песня от губ отлетает,
Как душа отлетает от тела,
Песня тает, но не исчезает,
Даже если душа отлетела.

Когда пальцы на струнах дрожали,
Все рвалось, только струны держались.
И, как водка, слова дорожали...
Пальцев нет, только шрамы остались.

Материален наш мир идеальный —
Он богемой богат, не богами.
Идеален наш мир материальный? —
Где ж теперь ты, поющий наш Гамлет?..

Не поймешь — где Христос, где Иуда.
Не поймешь — кто тут правый, кто левый.
Только в голос мы верим, как в чудо,
Отделяющий зерна от плевел.

В нашем тесном углу мирозданья
Лучше в небо глядеть, не под ноги,
Чтоб не определялось сознание
Бытием нашим слишком убогим.

Не в цветах, а в терновниках души
Тех, кто песни поет пред Всевышним.

Не услышит имеющий уши,
А имеющий душу услышит!

25 января 1987 года

СУМГАИТ

Армян невинных полит кровью,
Как рана в сердце, Сумгаит.
Страшнее войн средневековья
Наш современный геноцид.

А боль со временем не меньше.
Убитых не забудешь ты —
Младенцев, стариков и женщин,
Их вспоротые животы.

По ком же колокол звонит?
Скажите, что у вас болит?
А у меня в груди горит
С у м г а и т!

И вечный враг твой — это варвар.
И я хочу тебя спросить —
Так неужели вечно траур
Тебе, Армения, носить?!

Острее самых острых лезвий
Теперь, как притча на губах,
Звучит набатом Марсельезы,
Звенит Нагорный Карабах.

По ком же колокол звонит?
Скажите, что у вас болит?
А у меня в груди горит
С у м г а и т!

Как яд змеиного укуса
Или как нож из-за спины!
Своих предателей и трусов
Мы поименно знать должны.

А лозунги социализма
Тебя не спрячут, человек,
От варварства и вандализма
В цивилизованный наш век.

По ком же колокол звонит?
Скажите, что у вас болит?
А у меня в груди горит
С у м г а и т!

За что, Армения святая,
Тебе изничтоженья ад?!
И даже камни зарыдают,
И стон исторгнет Арарат.

А дикарей нельзя любовью
Ни укротить и ни унять.
Армения полита кровью,
Ей больше нечего терять.

Страдала ты из века в век,
Но рано подводить итог.
Армения, с тобою Бог
И каждый честный человек.

Армяне, стойте до конца.
Когда на зверя нет ловца,
Пусть мир услышит, как болит,
Пусть мир узнает, как болит
С у м г а и т!

АБХАЗИЯ

Открой мне, Абхазия, душу свою,
Откройся, скажи, не молчи,
Как многострадальную душу твою
Топтали и жгли палачи.

Абхазия, какие видишь сны?
Абхазия, Апсны.
Абхазия, глаза от слез красны.
Абхазия, Апсны.

Ты всем расскажи, как народ умирал,
Как землю окутывал мрак,
Как с корнем тебя из земли выдирали
С улыбкою «дружеской» враг.

Абхазия, глаза твои страшны
От горестей, Апсны.
Изражена душа твоей страны,
Абхазия, Апсны.

Абхазия, помнишь, как «мирный» десант
Губительным смерчем возник?
Где школа — тюрьма, ученик — арестант,
Там твой вырывали язык.

И были дни не сочтены
Всех мук твоих, Апсны.
Не искупить своей вины
Перед тобой, Апсны.

Лишь ведает Бог, как осталась жива
И как ты смогла уберечь

Застрявшие комом в гортани слова,
Как песня, небесную речь.

Абхазия, все видишь с вышины.
Абхазия, Апсны.
И горы, как ладони тишины,
Тебя хранят, Апсны.

Как пленница, плачет и бьется душа,
Немеет под чуждой пятой.
И с камнем на шее живешь не дыша,
Прижата могильной плитой.

Абхазия, твоей в том нет вины.
Абхазия, Апсны.
Но Богу все страдания видны.
Абхазия, Апсны.

Невинным не может вторжение быть,
Хоть как ты его назови.
Истории рвется суровая нить
Терпенья, надежд и любви.

Абхазия, ни мира, ни войны.
Тебя спасти должны, Апсны.
Не в рабстве, но и не вольны
Твои сыны, Апсны.

Но все же горы не закроешь платком,
Не спрячешь под лозунгом ложь.
Не вечно же совесть держать под замком,
Ты полною грудью вздохнешь.

Страна души, тебя не задушить,
Очаг отчаянья не затушить.
Абхазия, тебе тиски тесны,
Ты ждешь своей весны, Апсны.

* * *

Меняются законы,
Муңдиры и погоны,
И правила приличия,
Манеры и еда,
Меняются правители,
Хвалители, хулители,
И мода, и погода,
Природа, города.

Все изменяет время,
Любую смоег грязь,
Но только лишь к евреям
Неизменна неприязнь.

Бывали власти разные —
И белые, и красные,
А нам какая разница?
Нам все равно погром.
А нам хоть демократия,
Хоть монархизм, хоть партия,
Нас даже дети малые
Не любят всем нутром.

К единству призывают
Весь пролетарский класс,
Но их объединяет
Лишь к евреям неприязнь.

Ну чем мы так запятнаны,
За что веками платим мы,
Неужто за распятого,

Но своего Христа?!
И дикая и грязная,
Тупая, безнаказная
Клянет нас Русь проказная,
И нет на ней креста.

Ведь кто-то перед временем
В ответе должен быть.
Кого как не евреев
Во всем тогда винить?..

ОТВЕТ А.РОЗЕНБАУМУ ОТ ИМЕНИ ВИЛЛИ ТОКАРЕВА

на песню «У вас на Брайтоне хорошая погода»

У нас на Брайтоне хорошая погода,
У вас на Лиговке, как водится, дожди.
Как вам живется, дети бедного народа,
За никому ненужные рубли?

Ты пожелал нам искренне удачи,
И я скажу, поверь, не по злобе,
Что ни один — ты понял, Саня? — не заплачет,
Когда свалить придется, может быть, тебе.

Еще не поздно, еще не поздно —
Опомнись, Саня, скажи серьезно,
Зачем ты крутишь и воду мутишь
И перед кем ты так усердно шестеришь?

Ты нас в корысти, видно, Саня, обвиняешь,
Сам от долларов не откажешься, поди.
Себя, наверное, поэтом ты считаешь,
Да вот с рублями не рифмуются дожди.

Ты мне советуешь, что, мол, «не бойся, Виля!» —
Не понял я твой дружеский совет.
Потом добавил, что, мол, все вы «тоже в мыле»,
А мне наврали, что у вас и мыла нет.

Ты хочешь шило, Саня, поменять на мыло —
За шмотки мысли хочешь нам отдать.
Когда б у вас так много мыслей было,
То б не пришлось на шмотки их менять.

Ты хочешь к нам приехать со Жванецким,
Чтоб нас «убрать немножечко», любя.
Мы будем рады, скажем прямо, по-простецки,
Михал Михалычу и даже без тебя.

Теперь уж поздно ругаться с нами,
Ведь нынче дружим мы домами.
Ты просто малость отстал мозгами —
СССР и США теперь «вась-вась».

И небоскребами никто вас не пугает,
Наоборот, я сам пугаюсь их.
Да у вас об этом все таксисты знают!
Ты помнишь, я писал про это стих:
*«Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой,
То мне страшно, то мне грустно, то теряю свой покой».*

Я не поверю, что у вас без блата,
К тому ж, «бесплатно обращение к врачу».
Ты, может, к ним и обращаешься бесплатно,
Я лично к ним и обращаться не хочу.

Ты не волнуйся, Сань, за ваших граждан,
Мы и не думали их чем-нибудь «пугать».
Живете вы «в своих домах пятиэтажных»?
Нашел гордиться чем, едрена мать!

около 1988-89

* * *

*Обручальное кольцо –
Не простое украшение,
Двух сердец одно решение –
Обручальное кольцо.
Из популярной песни*

По стране бродит призраком смута,
Но нам прошлого больше не жаль.
Это сладкое слово — «валюта» —
Позвало в неоглядную даль.

Как же нам рубль наш деревянный,
Спорят лучшие мира умы,
Сделать, чтоб этот рубль окаянный
Стал бы вдруг конвертируемый?

Конвертируемый рубль —
Не простое украшение.
Всех проблем одно решение —
Конвертируемый рубль.

Это наш секретарь Генеральный
Новым мышленьем всех заразил,
И весь мир этим он моментально
Удивил, поразил и сразил.

В почете он теперь и в моде,
И изумленный мир следит,
Как он направо песнь заводит,
Налево сказки говорит.

Генеральный секретарь —
Не простое украшение:

Принимает он решения,
Генеральный секретарь.

Сутьпоносные эти решения
Ни обуть на себя, ни надеть.
Где простое найти украшенье,
Чтобы сердце любимой согреть?

Очень трудно найти мне удачный
Этой песни достойный конец,
В магазинах же для новобрачных
Не найти обручальных колец.

Обручальное кольцо —
Не простое украшенье,
Двух сердец одно решение —
Обручальное кольцо.

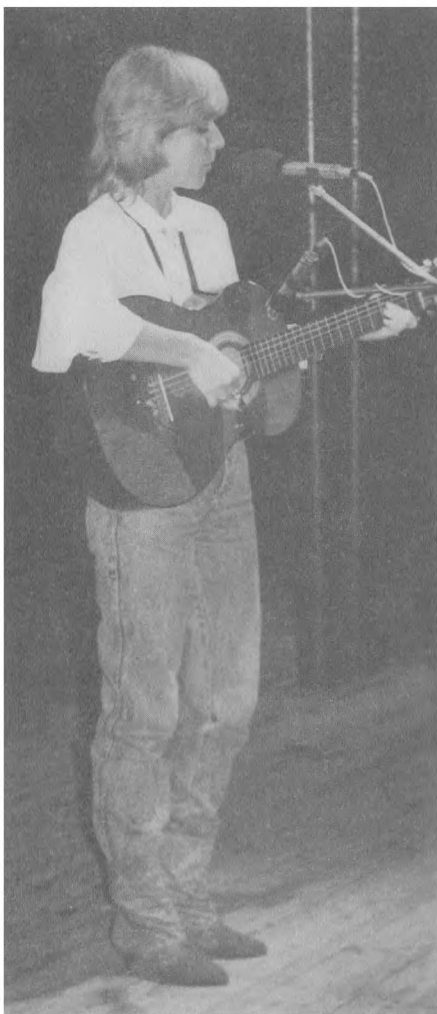
Обручальное кольцо...
Раз в стране опустошенье,
Значит, не до украшения —
Не женись, в конце концов!

1990

* * *

Мне ветер мартовский покоя не дает
Меня несет безумная столица
Передо мной мелькают дни и лица
Сгорает август и сентябрь грядет
Но ветер мартовский покоя не дает

На перекрестке дел моих и дней
Меня продуло так что ломит душу
Но ветру мартовскому буду я послушна
Куда нести меня ему видней

Катя Яровая во время концерта. 1988-89 г.

Болят горло. Кате 5 лет. Верхняя Пышма, Свердловская обл.

Катя с бабушкой Б.Г. Квасман. Свердловск, 1961-62 г.

Кате 16 лет. Москва

Москва, около 1973 г.

Катя Яровая с первым мужем Владимиром Бордуковым в день свадьбы 10 апреля 1976 г. Справа мать Кати, Э.В. Яровая.

Катя Яровая. Москва, середина 1970-х годов

Катя (слева) с сестрой Еленой Яровой. Москва, 1982 г.

**С мужем Валерием Рыбаковым. Хабаровск, 1981 г.
Фото Г. Лободы**

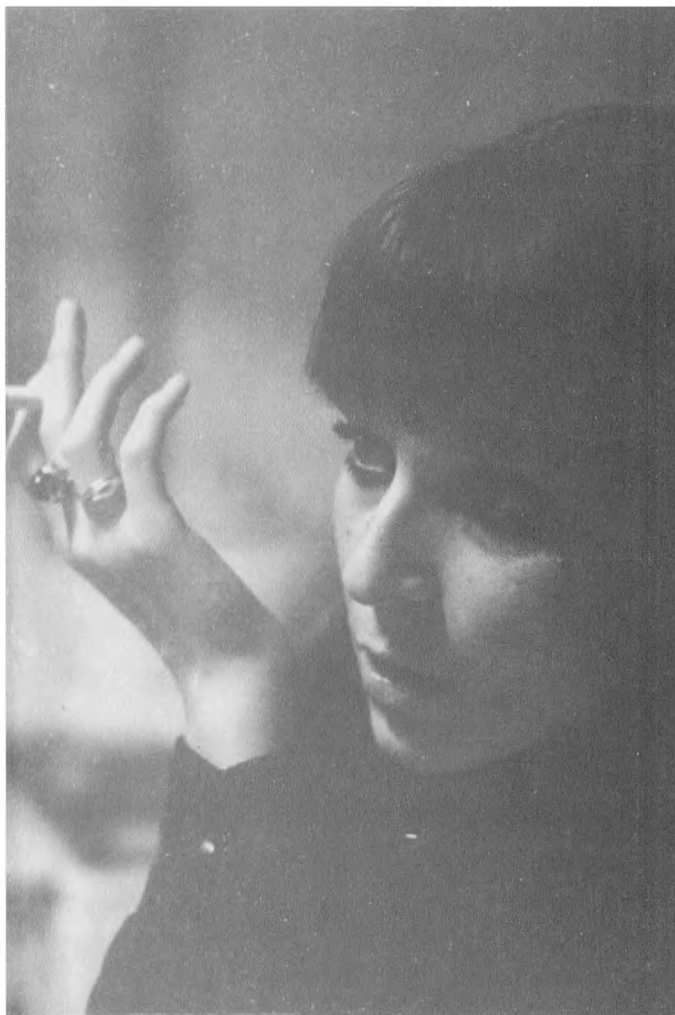
С дочерью Катей. Хабаровск, 1981 г.

**С мужем Валерием Рыбаковым и дочерью Катей.
Хабаровск, 1982 г.**

Слева направо: Катя Яровая, ее дочь Катя, сестра Елена (стоит), отец В.С. Цукерман, брат Гриша, племянник Миша. Москва, 1983 г.

Катя Яровая. Начало 1980-х годов

Катя у Литературного института. Москва, 1983 г.

«С моей гитарой на пару». Москва, 1983 г.

Катя Яровая. Москва, середина 1980-х годов

ОДЕССКИЙ
РУССКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ
ТЕАТР
ИМ. Л. КОВТОРА

Александр ШЕЯНОВ

ЧЕРТАНОВСКАЯ ЧЕРТОВЩИНА

1990 г.

Александр ШЕЯНОВ

ЧЕРТАНОВСКАЯ ЧЕРТОВЩИНА

Алкогольная мистерия в 2-х действиях с митшгами и преследованиями, танцами, музыкой «БИТЛЗ» и «ПИНК ФЛОИД», песнями В. Высоцкого, К. Яровой, выстрелами, брызгами шампанского и трезвым эпилогом.

Постановка С. Арцыбашева (г. Москва)

Режиссер-постановщик — Ю. Морозов (г. Москва)

Художники-постановщики — Ю. Алексеев, Л. Алексеева
(г. Москва)

Балетмейстер — С. Андрухович (г. Одесса)

**Программа спектакля «Чертановская чертовщина»
Одесского русского драматического театра, в котором
исполнялись песни Кати Яровой.**

Москва, 1988-89 годы

Выступление в ВТО. Декабрь 1989 г.

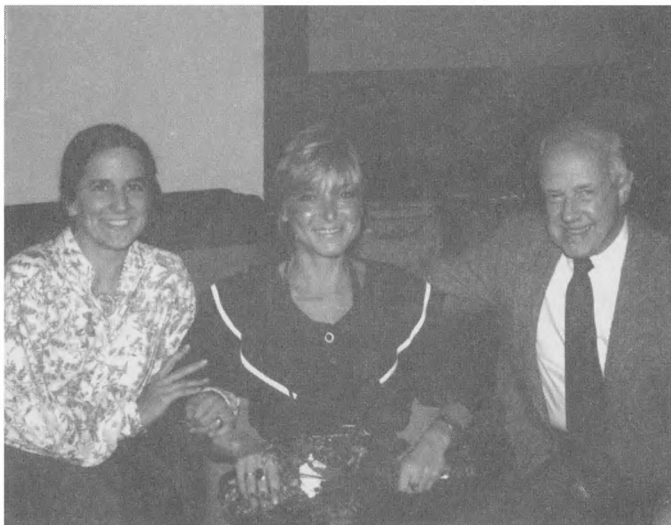
Москва, 27 февраля 1987 г.

**Катя Яровая с Владимиром Вишневым за кулисами Дома
Политпросвета на вечере издательства «Московский
рабочий». Май 1989 г.**

Катя (справа) с профессором Джейн Таубман. Амхерст, штат Массачусетс, США, 1990 г.

Катя Яровая (в центре) с онкологом Деборой Смит и хирургом Ричардом Хинкли. Амхерст, штат Массачусетс, США, 1990 г.

THE MODERN LANGUAGE DEPARTMENT PRESENTS

КАТЯ ЯРОВАЯ

Thursday 29 November

College Center Rm. 302
7:30 p.m.

*An Evening of Russian folk music
and entertainment*

Refreshments served

The Modern Languages Department, in
conjunction with the Russian Club, will
sponsor a concert by

Katya Yarovaya,

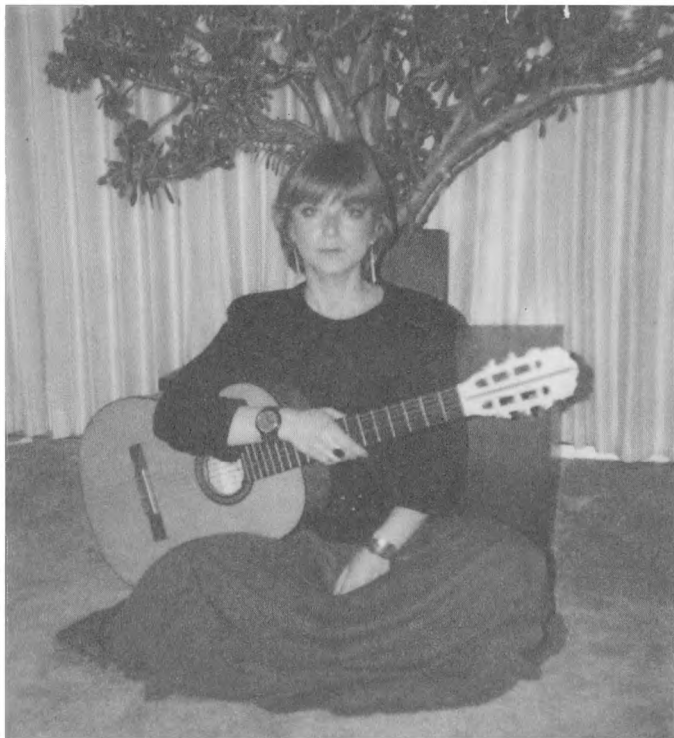
a prominent Russian folksinger from Moscow.

At 33, Katya Yarovaya is the author of about 300 songs in which she sing about perestroika and glasnost, the tragic fate of her native Russia, romantic love, impressions of childhood and peculiarities of Soviet lifestyle. Some of her songs are considered "too open" in the Soviet Union even now, in the age of the officially proclaimed "openness."

Katya has performed in New England and California. She was invited by several colleges and universities, including Yale, Amherst and Williams. She sings in Russian, but for American audiences, a written translation of her songs is available at the concert.

The concert will take place on Thursday, November 29, 1990 at 7:30 p.m. in CC 406.

Объявления о концерте в Юнион колледже. Скенектэди,
штат Нью-Йорк, США, 29 ноября 1990 г.

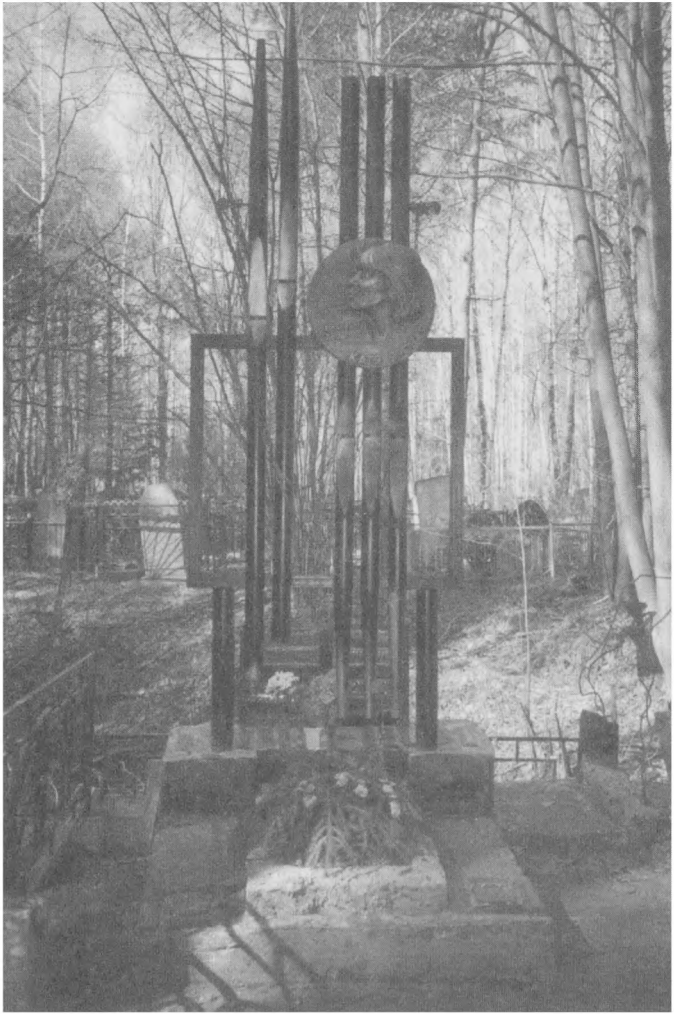
Катя Яровая. США, 1991 г.

**Возле дома Бориса и Ирмы Баришпольских. Вест Хартфорд,
штат Коннектикут, США, 9 мая 1992 г.
Фото Б. Баришпольского**

**Катя Яровая (в центре) со зрителями после концерта в доме
Баришпольских. Слева дочь Катя Рыбакова. Вест Хартфорд,
штат Коннектикут, США, 9 мая 1992 г.
Фото Б. Баришпольского**

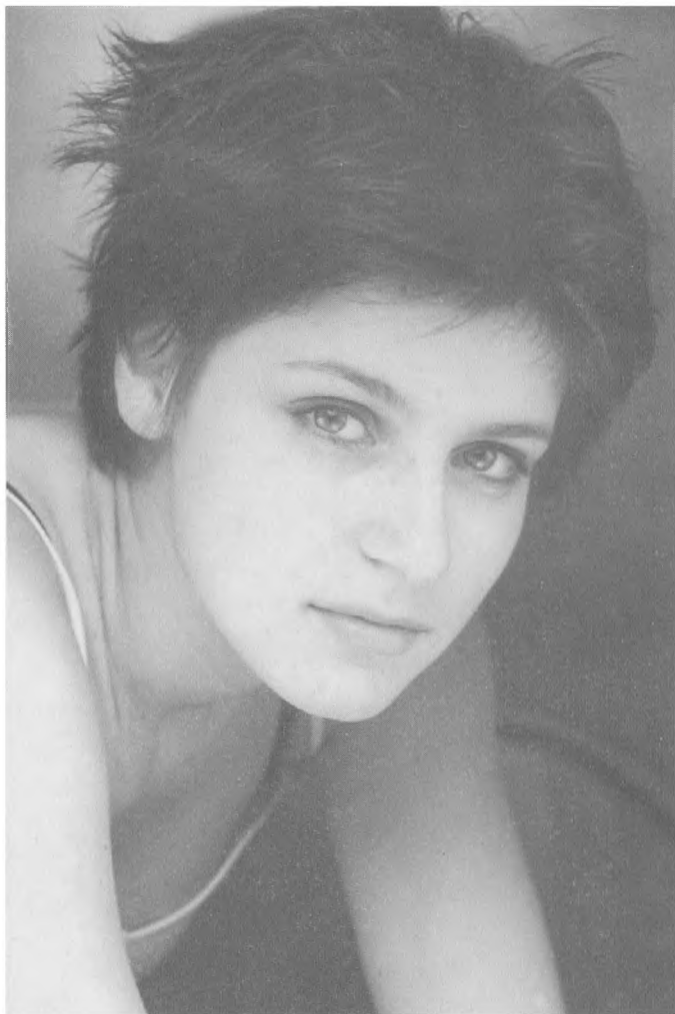
**Памятник на могиле Кати Яровой работы Э. Дробицкого на
Востряковском кладбище в Москве. 1999 г.
Фото Э. Горловой**

Фрагмент памятника.

Катя Рыбакова, дочь поэта. Москва, 1998 г.

Катя Рыбакова, 19 лет.

Если долго долго долго —
любовского тройничкой
калсильмовской дорожкой
пробужаюсь в лес шестой
То наверно верно верно
То возможно можно можно
при хероней при амелее
Мрачно в партию посылает (вздох)
А-А в партию посылает ^{вот так}
А-А ^{мужик} в партию ^{давай} давай ^{тоги} тоги
А-А ^{вот} ^{такой} ^{ширишь} ^{ширишь}
А-А ^{красоту} ^{красоту} ^{красоту} ^{красоту}
А-А ^{обезьяны} ^{каша} ^{каша} ^{каша}
А-А ^и ^{генеральной} ^{секретарь} секретарь.

Все повернется иди по тенькам
Человек ^{своей} ^{жизни} жизни.

Глаза мои запомнит ^{твои} ^{лицо} ^{лицо}
Лицо мое запомнит ^{твои} ^{лицо} ^{лицо}
Щеки мои запомнит ^{твои} ^{лицо} ^{лицо}
Душе мое (твои) запомнит
Руки запомнит ^{твои} ^{лицо} ^{лицо}
Следа твоих крестов
Твои запах
запечатлеть ←
Следа ^{просто} ^{но} ^{просто} ^{будет} ^{такой}
А встрече ^{наше} ^{фильм} ^{фильм} ^{фильм}
Гармонь ^{наше} ^{будет} ^{всего} ^{лицо} ^{лицо}
И ^{встрече} ^{наше} ^{фильм} ^{фильм} ^{фильм}

ИЗ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ

* * *

Ну что, Душа, поговорим?
Бывало, раньше мы с тобою
хотим — летим,
хотим — парим.
Куда? Куда Душе было угодно.
Ну, а сейчас ты спишь? Молчишь?
Или от тела моего так несвободна?
Давай, Душа, поговорим.
Ведь нам с тобой недолго вместе.
Проснись, Душа, очнись, взлети!
Так тяжело мне одной ползти,
Идти или стоять на месте!
Что хочется тебе, Душа?
Еды поменьше, любви побольше?
Не полной грудью, а едва дыша,
Быть может, мне дышать как можно дольше?
Я так прошу тебя, Душа моя,
Давай мы снова станем молодыми!
И нам вдали засветится маяк
В рассветной дымке...
Наверно, ты покинула меня,
Наверно, я зову тебя напрасно,
Теперь, смеясь, сверкая и маня,
Живешь в какой-то девочке прекрасной.

* * *

Я буду говорить открытым текстом,
Покуда не закроются глаза.
Не прибегу к «художественным средствам»
И не спущу себя на тормозах.

Мой черный стих, поскольку он не белый,
Еще не стих и голос не умолк.
Я не из тех, кто на судьбу несмело
Поскуливает, как голодный волк.

Я не грешу изысканным верлибром,
Мне дела нет до распускающихся роз.
Всю жизнь мы выбираем либо – либо.
Кто виноват? Что делать? Вот вопрос.

Я не отдам свой голос в агитпункте,
Не буду говорить о колбасе,
Покуда бить того, кто с пятым пунктом,
Энтузиастов целое шоссе.

< ... >

Здравствуйте! Вы были моим первым
мужчиной.
Не напрягайте память. От этого бывают
морщины.
Мне было пятнадцать, а Вам —
тридцать два.
Вспоминаете? Едва...
Это мне помнить, не Вам —
Ваше кресло-кровать-диван.
На стуле — белый передник,
чтоб не измять.
А в портфеле в передней —
Роман Горького «Мать».
Вы меня совсем не любили.
Ни капли.
Вы меня и не помнили, а потому не забыли.
Не так ли?
Не обещали на мне жениться. Даже
не обещали.
Вы меня не обманывали.
Даже не обольщали.
Вы мне цветы не дарили и пятак на метро
не давали.
Я их сэкономила из школьных завтраков...

< ... >

У педикюрши Ниночки
Австрийские ботиночки,
Английский шарф,
Система «Sharp»
И прочие дела.
Она скоблит мне пяточку,
Я кину ей десяточку,
И за массажем
Мне расскажет,
Как она жила.

«Мол, у меня две дочки и любовник,
Мол, у меня любовник-подполковник,
У подполковника жена и дочки,
У подполковника больные почки...
Такая жизнь. Такие заморочки».

У педикюрши Ниночки
Глаза как будто льдиночки.
«Живу одна
И все сама —
Какая ж это жизнь?
Был первый муж —
Объелся груш,
Второй за гуж —
И тот не дюж,
А третий спал,
И пил, и жрал,
Ну я ему: «Катись!»

Был у меня любовник слесарь Коля,
Он приходил ко мне срезать мозоли.
Такой мужик, балдеж, ваще, экстаз —
Мне подарил в цветочек унитаза.
Но водку жрал, скотина, как из бочки...
Такая жизнь, такие заморочки».

У педикюрши Ниночки,
Хорошенькой блондиночки,
Шмотье и вкус,
И пышный бюст,
И легкий перманент.
И все ей улыбаются,
Понравиться стараются,
Уже давно
Зовет в кино
Ее знакомый мент.

А у меня ни денег нет, ни перманента,
И я все жду удобного момента,
Когда не выжать из себя ни строчки,
Когда совсем дойду уже до точки,
И если жизнь покажется мне скушной —
Я брошу все, подамся в педикюрши.

* * *

Раз любила, два любила, три любила.
Как плутала, как устала, как постыло...

Раз терялась, два терялась, три терялась.
А потом все это снова повторялось.

Раз уверилась, другой, потом и третий,
Только вырвалась, попалась в те же сети.

Раз вернулась, два вернулась, три вернулась.
А потом бежала и не обернулась.

* * *

В одиночестве ночей,
В дней бегущих многоточье,
В днях, что без единой строчки,
Если ты не мой, то чей?

Ты мне дай хотя бы знак,
Что еще имею силу.
Как узнать, что я красива,
Если ты немой, то как?

Из соломинки-души
Я тяну тоску тугую.
Не ищи себе другую,
Я еще твоя, спеши.

* * *

Покинута и нелюбима.
Покой одиноких ночей.
Мой сад, где от инея дымно,
ничей...

Так просто, так просто, так просто
Затоplen наш маленький остров,
Наш остров любви в океане
обмана...

Ты тонешь, ты тонешь, ты тонешь.
Ночами ты стонешь, ты стонешь —
Тебя омывает волнами
память...

Качает, качает, качает,
Не знаем, куда нас причалит.
Нас водоворотом вращает,
прощайте...

ИРОНИЧЕСКАЯ ЭЛЕГИЯ

О Рима золотые дни!
Элады сладостное время!
И наши скудные огни,
И жизни мелочное бремя...

О века прошлого бонтон!
Эфесы, светские манеры,
Колоколов церковных звон!
И наш — с гудками и без веры...

Грех с завистью смотреть подчас
В века, что золотыми были.
Есть преимущество у нас —
Мы живы, а они уж сгнили.

< ... >

Расслабиться, не думать об осанке,
Смыть грим с лица, снять кольца и браслеты,
Ребенка взять и посадить на санки,
Пока не стаял снег, не наступило лето.

А завтра снова в бой, одерживать победы,
Быть сильной и живой...

Прийти домой, расслабиться и лечь,
Смыть грим с лица, снять кольца и браслеты,
Закрывать глаза, и мысли будут течь
С часами попеременно до рассвета...

* * *

Школа на Таганке, там, в районе детства,
Одноклассники мои, где же вы теперь?
Двоечники-троечники, вы по министерствам,
К вам так просто не войти — кованая дверь.

С кем из вас сидела на последней парте,
У кого вы списывать будете теперь?
Путь ваш нелегко теперь проследить по карте,
Дипломаты и послы — кожаный портфель.

Кто четверки получал — ходят в инженерах
И свои сто двадцать честно в дом несут.
Только нам, отличникам, не видать карьеры.
Ах, не дай нам бог попасть под ваш мидасов суд.

Знаем мы, что двойки ничего не значат,
Ведь демократизма нам не занимать.
Мы страна такая, что любая прачка
Может государством нашим управлять.

Потом —

В полкомнаты рояль, покрытый пылью,

И голос мамы:

«В Антарктиде льдины землю скрыли...»

Потом — зима, похожая на вату,

И длинный путь по припорошенному льду.

Я на руках, меня несут куда-то,

И я покачиваюсь на ходу.

Потом:

Иду сама от шкафа до кровати,

И все следят, дыханье затая.

Дошла, в кровать вцепилась. «Ай да Катя!»

И вдруг прозренье: Катя — это я.

Иду под стол — и удивительная встреча,

О ней еще не ведала вчера —

Передо мной кудрявый человечек,

А оказалось — это старшая сестра.

Знакомство, игры, слезы и секреты,

Совместное сиденье на горшках.

Все пополам — болезни и конфеты,

Микстуры и лекарства в порошках.

«Два щенка щека к щеке

Грызли щетку в уголке»...

< ... >

Я родилась и жила на Урале,
Город такой есть на карте — Пышма.
Климат там резко континентальный —
Летом там лето, зимою зима.
Помню морозы, сугробы по уши,
Помню я полные снега пимы,
Помню уральцев суровые души,
Полные снегом уральской зимы.
На разговоры там люди не падки.
Видно, уж так повелось в старину:
На все вопросы ответ будет краткий —
Неторопливо-протяжное «ну».

РОДНИК

Живем, как будто хлеб жуем,
А наша жизнь уходит.
И суетимся, и спуем,
И существуем вроде.

Но родниковая вода
На самом дне колодца
Не замутнеет никогда,
И жаждущий напьется.

Так что же это за удел —
Прожить — и кануть в Лету?
Из суеты ничтожных дел
Нам не прорваться к свету.

К просторам рвущуюся мысль
Одергиваем робко,
И жизни самый главный смысл
Мы заключаем в скобки.

Об участи своей скорбя,
Закрыв глаза от страха,
Уйдем, не опознав себя,
Вернемся в прах из праха.

Источник жизни бьется в нас,
Играя, будто в прятки, —
То вспыхнет вдруг сияньем глаз,
А то уходит в пятки.

Каким потоком смыть покой
Своей душевной лени,
Чтоб силы тяжести земной
Начать преодоление!

* * *

Идет весна хозяйкой хлопотливой,
И мир становится нарядней с каждым днем,
Мы воздух пьем весеннего разлива,
Бесплатно и без очереди пьем.

Орут коты и одурели птицы,
Весна — то лучшее, что создано Творцом.
Смотрите, как сияют наши лица,
И всюду пахнет свежим огурцом.

Всяк рад весне — и кочегар, и плотник,
Министр, и даже Генеральный секретарь.
Коль наступает ленинский субботник,
Весна пришла — не нужен календарь.

Энтузиазм и инициатива
Идут весною об руку вдвоем,
И расцветают кооперативы,
Безумству храбрых песню мы поем.

Эх, наша Русь, эх, тройка-птицетройка,
Куда летишь, то спотыкаясь, то паря?
Весна красна, но нам краснее перестройка —
Ей вопреки живем и ей благодаря.

* * *

Если ты кавалер орденов или знаков почета,
Или в тридцать седьмом ты в ряды коммунистов вступил,
Или если ты просто детей нарожаешь без счета,
То считай, что на гречку-ядрицу ты право купил.

Если ты инвалид, ветеран или просто участник,
Если станешь Героем Союза иль просто труда,
То навек заработаешь право на личное счастье —
Это значит, песку килограммчик ты купишь тогда.

Если ты Халхин-Гол поливал своей кровью, товарищ,
На Хасане сражаясь, геройства являл эталон,
То тогда ты железно без очереди отоваришь
Свой на масло животное маленький серый талон.

Ну, а ежели ты не успел еще стать инвалидом
Или с воспроизводством детей у тебя нелады,
Не грусти, не печалуйся, гречке чужой не завидуй —
Ты свободен и весел, здоров и вообще хоть куды.

Если ты кавалер орденов или знаков почета,
Если ты инвалид, ветеран или просто участник,
Если ты Халхин-Гол поливал своей кровью, товарищ,
То тебе уваженье с почетом и сыр с ветчиной.

* * *

Вступать в Союз писателей позорно,
Союз давно дискредитировал себя.
Там чудища стозевны и озорны
Ликуют, в трубы ржавые трубя.

Тьма — десять тысяч — как татарским игом,
Они литературу взяли в плен:
Раз ты не член, то не издастся книга,
А не издашь, то как ты станешь член?

Конечно, быть в Союзе так удобно —
И поликлиника тебе, и ЦДЛ,
По смерти памятник отгрохают надгробный:
У них там похоронный есть отдел.

В Союз войдет покорный, безответный,
Недавно азбуку усвоивший тунгус,
Но всей страной любимого поэта
Высоцкого не приняли в Союз.

Союз писателей подобен моргу.
На поводу у трусости идя,
Забыв про совесть, принимал с восторгом
В свои ряды бездарного вождя.

Им власть дана кого угодно высечь.
Там все зятя друг другу и сватья.
А Пастернак, кого не стоят десять тысяч,
Был пользован как мальчик для битья.

В стране, уставшей от репрессий и оваций,
Идет разоблачительный процесс
Всех опозоривших себя организаций —
СП иль, например, КПСС.

< ... >

Когда в груди зажжется хоть искра вдохновенья,
Из этой искры пламя я тотчас разожгу —
И сразу запоется. Хоть чуждо мне терпенье,
Я голыми руками огонь держать могу.

Когда в душе зажжется любви золотая искра,
Душа, как рыбка, плещет, сверкая и маня.
И пламенем займется, а звезды, как мониста,
Звенят, горят и блещут в ладонях у меня.

Но если искры высечь однажды не удастся,
Мое закроет небо свинцовая броня,
Душа прорвется к выси и будет к солнцу мчаться,
На колеснице Феба, вся в пламени горя.

* * *

Эта жизнь, как колючею проволокой,
Окружила меня и опутала.
Этот город меня, будто войлоком,
Сонной одурью серой окутывал.
Одного мне теперь только хочется:
Кто бы спас от тоски одиночества,
От никчемности и от ненужности
При вполне симпатичной наружности.

Я ходила и в драму, и в оперу,
Но и там скукота беспроглядная.
И с прическами делала опыты,
Сшила кофту и платье нарядное.
Покупала я книги по спискам
И бюстгальтер достала бельгийский...
Я из города этого выросла,
Мне бы вырваться, вырваться, вырваться!

Я не вижу ни входа, ни выхода.
Жизнь увидеть, хотя б через щелочку!
Но ни охнуть, ни сдохнуть, ни выдохнуть,
А года, как на счетчике, шелкают.
А зарплата — сто пять плюс квартальные,
И для женщины вроде нормальная.
И мне мать говорит: «Чё те рыпаться?!»
А я — вырваться, вырваться, вырваться!

Не горбатая я, не уродина,
Долго принца ждала терпеливо я.
Если где хорошо, там и родина,
Как назвать это место тоскливое?

Можно сгинуть с тоски в этом городе!
Сгнить совсем с этой девичьей гордостью!
Пусть другие живут как-то, мирятся...
Разорваться, прорваться, но вырваться!

< ... >

Меня мать недосмотрела —
Я упрямая была,
Я из дома улетела
И летела как могла.

Я любила, я любила,
Ведь любить — не воровать,
Мягко мне любовь стелила,
Только жестко было спать.

Я гуляла, я гуляла,
Я гуляла по Земле,
Столько песен нагуляла —
Принесла их в подоле.

* * *

Я плыву, как кораблик бумажный
По весенним холодным ручьям.
И звучит так прекрасно и страшно:
Я — свободна, а значит, ничья.

Мне любовь расставляет ловушки,
Зазывая, сверкая, маня,
Вместо званого пира — пирушки,
И опять западня, западня.

< ... >

Как за время перестройки
Испекли мы каравай.
Каравай, каравай,
Кого хочешь выбирай.
Я люблю, конечно, всех,
А вот Мишу больше всех.

Демократию расширяем —
Вот такой ширины.
А вот гласность углубляем —
Вот такой глубины.
Каравай-то каравай,
Да сильно рот не разевай.

* * *

Когда мы будем умирать,
Что будут нам огонь, вода
И трубы медные тогда,
Когда мы будем умирать.

Когда мы будем умирать,
Захочет каждый в рай попасть —
Что будут слава или власть
Или богатство нам тогда,
Когда мы будем умирать.

Когда мы будем умирать,
Придется долго нам лететь,
И будут звезды вслед глядеть,
Когда мы будем умирать.

Когда мы будем умирать,
Не будет времени понять,
Что жили, в общем, в темноте,
Что души в вечной мерзлоте,
Что были радости не те,
Не будет времени понять.

Мы долго жили на земле,
А может, мало — как узнать?
Нас будет вечность ждать во мгле,
Когда мы будем умирать.

Когда мы будем умирать,
Страшнее страшного суда

Суд нашей совести тогда,
Когда мы будем умирать.

* * *

Женщинам конца XX века

Как наши замыслы убоги,
Как наши помыслы грешны
И как оценки наши строги,
Как сами мы себе смешны.

Как наши истины ничтожны
И как потребности низки,
Как мы в порывах осторожны
И как к предательству близки.

Как наши узы все не святы,
Как наши связи непрочны,
Как жалки мы все вместе взяты,
Как в выраженьях неточны.

Как приблизительны все чувства,
Незрелы мысли и слова,
В душе запутано. И пусто
Там, где должна быть голова.

Мы бескорыстно-прагматичны —
Не разбери нас, не пойми...
Но как, однако, симпатичны
И всем желанны, черт возьми!

9/11/11. VA

* * *

Снова сердце скрепив,
Снова зубы сцепив,
Я встречаю знакомую гостью Разлуку.
И знакомая боль —
Как на сердце мозоль.
Расставания я изучила науку
Лучше прочих наук.

Ни жива ни мертва,
Я забыла слова,
Те, которые надо сказать на прощанье:
«Я тебя буду ждать».
Буду ждать и опять
Одиночество мне назначает свиданье —
Мой единственный друг.

Мне судьба провожать,
На прощанье обнять,
И опять в пустоту натыкаются руки.
Жду, ждала, буду ждать...
Я сумела понять,
Что любовь — есть прелюдия к новой разлуке.
Встречи не обещай.

Мое сердце — гранит,
А глаза — малахит,
И сама, как звезда, холодна и бесстрашна.
Мне теперь все равно,
Я забыла давно,

Произносится как слово странное «здравствуй».
Помню только «прощай».

Снова сердце скрепив,
Снова зубы сцепив,
Я встречаю знакомую гостью Разлуку.
И знакомая боль —
Как на сердце мозоль.
Расставания я изучила науку
Лучше прочих наук.
Мой единственный друг,
Встречи не обещай,
Помню только «прощай»...

10 декабря 1989

* * *

Да, любовь, как время — деньги, стоит шесть рублей
минута,

Чтобы голос твой услышать мне в критический момент.

Что рубли — одна бумага, у тебя идет валюта:

Голос мой ценою выше, наш дороже континент.

Я минуты не считаю. Я считаю дни недели.

Кто там сверху? Побыстрее крутите шарик, мочи нет!

Чтобы дни быстрее летели, чтобы кончились метели —

До апреля в самом деле каждый день за десять лет.

Ждать так долго невозможно. Мне теперь понять

несложно —

Голос мой идет в валюте — не бедро и не нога.

Да и ты теперь, о Боже, с каждым днем мне все дороже —

Лишь теперь понять мы можем, как любовь нам дорога.

Что нам доллары и центы! Знаю я на сто процентов,

Что любовь в долгу не будет, все расставит по местам.

Мне же море по колено, и любви я знаю цену,

А придут счета, ну что же, расплачусь по всем счетам.

декабрь 1989

* * *

Я первой была любовью,
Последней была любовью
И просто была любовью люблюю.
Я раной была и солью,
Я счастьем была и болью,
Случайностью я была и — судьбою.

Я звуком была и эхом,
Провалом была и успехом,
Заботой была и просто утехой.
Я плачем была и смехом,
И эпизодом, и вехой,
Помощницей я была и помехой.

Поэтом была и музой,
И легкой игрой и грузом,
Свободою я была и обузой.
Затвором была и шлюзом,
И джазом была, и блюзом,
И — одиночеством, и — союзом.

Я первой была любовью,
Последней была любовью
И просто была любовью люблюю.
Я раной была и солью,
Я счастьем была и болью.
Я лишь не была самою собою...

Но не разминуться с судьбою.
Справлялась я с ролью люблюю,
А значит, была самою собою.

22-24 января 1990

* * *

Мой ангел! В этом мире
Имен, фамилий,
Простейших и рептилий
Нам по пути ли?
Где одиночество — убежище. И крышка.
Любовь и озарение — как вспышка
Поломанного фотоаппарата,
Исправно действующего когда-то,
Но негатив, возможность упустив,
Уже не переходит в позитив.

Учтем, что времяисчисление неточно
И что любовь не изучить заочно,
А разница в годах, как ни рули,
Умножится, как доллар на рубли.

А впрочем, мне страдание к лицу,
Как выправка солдату на плацу.

Любимый! В вашем мире
Не место лирике и лире
(Но лишь в той мере,
В которой это не способствует карьере),
Где отчуждение — замена братству,
Освобождение — замена рабству.
Нет уз святей товарищества там,
Где хлеб и мыло делят пополам.

А этот благодатный, дивный край,
Как тренировка прохожденья в рай.

Там, наверху, в небесном КПП
Учтут гражданство, паспорт и т.п.

Кредит, иншуренс, билл, о'кей — слова,
Которыми забита голова.

Но не постичь бухгалтерские сметы,
Ведь путь поэта — это путь кометы.

А вот тебе страданье не к лицу,
Ведь все к лицу лишь только подлецу.

май 1990

Амхерст

* * *

Когда придет пора с тобой проститься
И в небе облаком прозрачным раствориться,
И в те края, откуда мне не возвратиться,
Отправляюсь я с больничным узелком,
Пусть грусть твоей души не потревожит,
Твоей тоски нисколько не умножит,
В тот день, когда мне ветер крылья сложит,
Пускай к твоей гортани не подступит ком.

Когда твоей руки листва коснется,
Моей улыбкой кто-то улыбнется,
Когда к тебе мой голос донесется
И взглядом глаз моих зазеленеет даль,
Ты вдруг поймешь, что я с тобою рядом,
Что на тебя гляжу небесным взглядом,
Что просто стала я травой, садом...
И не коснется пусть тебя печаль.

Моей душе, где сирость и бездомность,
Любви и благодарности огромность,
И где надежд и жизни неумность,
Твоя любовь как праздник ей была дана.
Пусть жизнь моя была, как ветер, зыбкой,
Она мне не покажется ошибкой,
Когда твоей божественной улыбкой
Была на целый миг озарена.

18 июня 1990
Амхерст

< ... >

Мне царского имени
Знакомы и бремя, и гордость.
Ты только люби меня —
И сдвинутся время и горы.

Виктория ШВЕЙЦЕР

Катя Яровая... Что вспоминается при этом имени? Вероятно, каждому что-то свое: одному — ее песни, другому — ее устные рассказы, необычайно живые и яркие, по большей части из ее собственной, совсем не легкой жизни, третьему — ее улыбка или ее фигура, прекрасная в любом наряде. Мне же при имени Кати Яровой вспоминается ее удивительное, редкостное жизнелюбие и мужество, может быть, потому, что я знала Катю только в последние ее годы.

Как могла она улыбаться, болтать обо всем на свете, думать о пустяках — преодолевая боль и столь естественный, казалось бы, страх? Что давало ей силы шутить над своей болезнью, своей менявшейся внешностью, своими все более безнадежными перспективами? Она вела себя так, как будто не было ни боли, ни страха. Как будто все горести и даже болезнь преходящи и впереди новая жизнь и надо искать и завоевывать свое место в ней. Жизнелюбие — вот главное человеческое качество Кати. Из него черпала она свою неувядаемую молодость — и свою мудрость, свой интерес к людям, свои «байки», свой юмор, свой смех, свою человеческую широту. Все это делало Катю яркой, своеобразной, запоминающейся. Она нравилась людям, но даже и те, кому не очень нравилась, не могли не подпасть под ее обаяние. Ее всеобъемлющая любовь, я бы сказала, страсть к жизни заставляла верить, что Катя выкарабкается, победит даже эту страшную болезнь, она не может умереть. Ее смерть, для нее явившаяся, вероятно, освобождением, для меня оказалась полной неожиданностью. И сейчас, в воспоминаниях, Катя Яровая вызывает у меня ассоциации с самой жизнью.

Амхерст, Массачусетс, США

* * *

Генуг, товарищи, генуг —
Пора кончать базар.
Два пятака найдется, друг,
Чтоб мне закрыть глаза?

Два пятака — печальный звон,
Чего пятак жалеть!
Не конвертируемый он —
Не золото, а медь.

Да что я все о пятаках?!
Не в деньгах счастье, друг.
Я думала, что жизнь в руках,
Ан выпала из рук.

Что ж, попросаемся, рука
И заодно нога.
Рука, писала ты стихи,
И ноги были неплохи,
И были стройными бока
Благодаря богам.

Душа нездешней красоты,
На кой те смерть, на кой?
Зачем, предательница, ты
Стремишься на покой?

Друг с дружкой жили мы любя
И веселясь вдвоем,
Прикармливала тут тебя
Гитарой и пеньём.

Я не готова в лучший мир,
Я б в худшем пожила,
Я не изношена до дыр,
Не очень пожила.

Неужто я рубила сук,
Сидя на нем — «вжить-вжить» —
Зачем понадобилось вдруг
Меня со свету сжить?

Не причиняла ближним зла
И постигала суть.
Курила, правда, и пила,
Но разве что чуть-чуть.

Но после драки кулаком
Мне нечего махать:
Сработал, значит, закон
Меня с земли убрать.

Но не хочу, о други, умирать,
Едрена мать!

18 июня 1990
Амхерст

< ... >

Купим лампу настольную,
Купим доску стиральную,
Купим вазу напольную
И машину вязальную.

Купим коврик резиновый
И паяльный прибор,
Купим клей казеиновый
И столовый набор.

Купим люстру хрустальную,
Купим столик журнальный,
Купим койку двуспальную
И диван односпальный...

* * *

Я хочу превратиться в камень,
Чтоб не знать ни любви, ни боли,
Но меня поджигает пламень —
Мое сердце всегда в неволе.

Ждать, как выстрела, слова злого,
Как меча, равнодушного взгляда...
Я к удару всегда готова.
Мне не надо любви, не надо.

Я хочу быть такой равнодушной,
Как звезда или как природа.
Я хочу быть совсем бездушной,
На свободу хочу, на свободу.

Я к тебе обращаюсь, Боже,
Отними лучше вовсе душу,
Отпусти меня, ты ведь можешь,
Но не слушай меня, не слушай!

* * *

Зима мне не зима, весна мне не весна,
На дно ушла душа, опухшая от сна.
Мне горе не беда, померкла на года
Далекая моя звезда.

Притуплены мозги и не видать ни зги,
Темно среди огней, одна среди людей.
Сама себе я снюсь и скоро ли проснусь —
И тени собственной боюсь.

Душа лежит на дне, душа храпит во сне,
Как в коконе она — ни двери, ни окна.
В пыли, как в войлоке, ее я волоком
Тащу, как вол, скулю волком.

Стал призрачным мой мир, прозрачным, как эфир.
Я сделалась немой, сама себе чужой,
И хлеб чужой — и свет, сиявший столько лет,
В моей душе сошел на нет.

Как видно, мне самой с собой не по пути.
Ах, Господи, прости, куда же мне идти?
Ту искру, что зажег, во мне не задувай,
Не дай уснуть, не дай остыть, не дай пропасть, не дай!

И будет мне зима, и будет мне весна,
Умоется душа, опухшая от сна,
Проснется — и тогда взойдет, как никогда,
Далекая моя звезда.

* * *

Когда б с тебя писала я картину,
То в ней соединила б воедино
С мужскими полудетские черты:
Сережку в ухе, на щеках щетину
И волосы, ласкающие спину,
Улыбку несказанной красоты.

Твой гений неопознанным объектом
Является для слабых интеллектом,
Для тех, кто дальше носа не глядит.
Но сбыться суждено твоим прожектам,
Двух стран усилен стереоэффектом,
Твой голос над землею полетит.

Король без королевства! Царь без свиты!
Виски венком лавровым не увиты,
Мой нищий принц, пока не узнан ты,
Но будет день, ты станешь знаменитым,
Проявится в чертах твоих разлитый
Сплав мужества и детской чистоты.

< ... >

Давайте поплачем над нашею общей судьбою,
Хоть судьбы у нас очень разные, видит Господь.
Мы сестры и братья, мы связаны нитью одною,
Суровою нитью прошиты и души и плоть.

Пустынна земля, лишь кочевья костры догорают,
Но лишь бы один — тот, что в душах у нас — не потух.
Вы слышите звук — на рожке так печально играет
Покинувший нас наш небесный и вечный пастух.

* * *

Когда меня пронзает тайной,
Необъяснимою тоской,
Душе, уставшей от скитаний,
Наверно, хочется домой.

И страшно ей, и неудобно,
И тяжело так, хоть волком вой.
Так из сиротского приюта
Ребенку хочется домой.

Но мы привязаны друг к другу,
И я за ней слежу тайком.
Она ж с тоскою и испугом
Глядит затравленным зверьком.

Знакомы ей другие дали
И свет совсем иных светил.
Со мной на краткое свиданье
Ее Всевышний отпустил.

А я о ней все забываю,
Как будто не живу, а сплю,
Вниманья мало уделяю,
Не теми песнями кормлю.

Ей, среди звезд рожденной, чужды
Земных исканий суета,
Мои заботы, службы, дружбы,
Тоска, печаль и маята...

< ... >

Перед вами я покаюсь –
Вся измаялась душа:
Вы тут мучились покаместь,
Я сгоняла в США.

Поначалу мне по дому
Было некогда грустить:
Ведь хрустит проклятый доллар,
Так заманчиво хрустит!

Прикупила я колготки,
Юбки, кофточки, трусы,
Я была в музеях водки
И в музеях колбасы.

Есть там выпивка, конечно,
И с закуской нет проблем,
Но в раю этом кромешном
Выпить не с кем, вот пробел.

Я их нравы постигала,
Нажимала на еду,
По-английски понимала
Только «хау ду ю ду».

Каждый доллар сам на двадцать
Умножался в голове,
Просто некуда деваться —
Доллар пишем, рупь в уме.

Я обманывать не буду
И скажу вам не греша:

Жить, конечно, можно всюду —
Даже, в общем, в США.

* * *

Мне мама говорила:
«Не обольщайся,
В любви не забывайся,
Любви не доверяйся,
Не стоит близко к сердцу
Мужчину подпускать».

Но сердце я открыла,
Любовь туда впустила,
Любовь меня водила,
Так мягко мне стелила,
Да жестко было спать.

Я думаю, что эти
Плохие результаты,
Тяжелые утраты
От недоверия.
Ведь мама говорила
И яду подпустила —
Такую получила
Любовь по вере я.

Но это все цветочки —
Вот подрастает дочка,
И у нее пока что
В душе цветущий рай.
Я ей скажу: «Прельщайся,
Люби и доверяйся,
Все эти чувства к сердцу
Поближе подпускай».

Но не поставлю точку:
У дочки будет дочка,
И что она ей скажет,
Ума не приложу.
Пускай она упрямо
Не будет слушать маму,
Пусть делает, как знает,
Я вот что вам скажу.

< ... >

О пролейся, пролейся, мой дождь золотой!
Осени меня, осемени вдохновеньем.
Жаждет влаги живой сад запущенный мой...

Обращаюсь к тебе, ну к кому же еще?
Я творенье твое, не оставь меня, Боже.
Ты не можешь оставить меня, ты не можешь.

За какие грехи наказал немотой?
Боже мой, озари меня хоть на мгновенье...

О, пролейся, пролейся мой дождь золотой
осени меня, осемени ~~вдохновеньем~~ вдохновеньем.
Жаждет влаги ^{живой} твой сад запущенный мой

не оставь меня, Боже
Я творенье твое, не оставь меня, Боже
Обращаюсь к тебе, ну к кому же еще

Ты не можешь оставить меня, ты не можешь

За какие грехи наказал немотой?
Боже мой, озари меня хоть на мгновенье
озари меня хоть на мгновенье

Игорь ГУБЕРМАН

(из интервью)

Катя Яровая изумительно талантлива, человек необыкновенных качеств и достоинств — творческих, я ее как человека, к сожалению, не знал.

У нее изумительные песни — по чистоте, по распахнутости, по открытости, по таланту.

Мне о Кате Яровой рассказали в Америке, дали ее кассету, я послушал, и, несмотря на плохое качество записи, проступил необыкновенный талант. Я тут же попросил тексты, почитал — жутко настоящее все это! Ужасно жалко, что так рано оборвалась ее жизнь...

3 июля 1996

Москва

ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЯМ

АЛИСА

Все, что имело вес,
Вдруг стало невесомым,
Летит в страну чудес
Дорогой вечно новой.
И сладок путь, и легок шаг,
И легкие — воздушный шар,
Где жизнь — там грустно и смешно,
И слово вымолвить грешно.

Какой чудесный сон!
Какие превращения!
Вам не приснится он
До нового рожденья.
Ах, девочка моя, постой,
Мне не угнаться за тобой.
Летит — и кругом голова,
И сложно все, как дважды два.

Лети через года
Дорогой незнакомой,
И стоит навсегда
Остаться невесомой,
Не слушай мудрый тот совет:
«Держи себя в руках под старость лет».
Пусть не исчезнет никогда
Улыбка странного кота.

Все, что имело вес,
Вдруг стало невесомым,
Летит в страну чудес

Дорогой вечно новой.
И сладок путь, и легок шаг,
И легкие — воздушный шар,
Где жизнь — там грустно и смешно,
И слово вымолвить грешно.

январь 1982

Свердловск

ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЮ «ВРЕМЯ СНОВИДЕНИЙ»

I

Все человечество — кентавр
В своей наивности порочной.
Он ненасытнейший кадавр,
И все он может, все он хочет.

Сначала стрелы и копье,
Сегодня танки и ракеты,
А послезавтра воронье
Лишь над обугленной планетой.

Все больше дров, все дальше в лес,
Иначе — в чем тогда прогресс?

Мы милостей не можем ждать,
Должны мы сами у природы
Все то, что можем, отобрать
Для человеческого рода.

Уже успели мы шагнуть
Вселенной в звездные просторы,
Доить готовы Млечный путь
Всей человеческою сворой.

Чем дальше в лес, тем больше дров —
Уж не хватает топоров.

Прогресс — опасная игра,
Ведь смертоносная подводка
Была еще позавчера
Простою деревянной лодкой.

Мы рубим свой родимый сук,
В свои же попадем капканы,
Погибнем от своих же рук
В безумстве глупых великанов.

Чем дальше в лес, тем больше дров
Мы рубим для своих гробов.

II

Над Нью-Йорком и Парижем,
над Берлином и Москвой —
ближе, ближе патлы рыжей
падлы третьей мировой.

Кто мечтает о победе,
первым ступит за порог,
пусть попробует отведать
свежий атомный грибок.

Не дойдет до рукопашной —
кто-то кнопочку нажмет...
Как наивен век вчерашний:
«Кто с мечом на нас пойдет!»

Подрастают поколения.
А на черта их рожать,
если даже удобрением
для Земли не можем стать!

И космическою грязью
быть мы тоже не годны —
каждым атомом заражны
и нейтронами больны.

Над Нью-Йорком и Парижем,
над Берлином и Москвой —

ближе, ближе патлы рыжей
падлы третьей мировой.

И заразную, в зеленке,
я прижму к своей груди
всю планету, как ребенка,
но куда мне с ней идти?

1982

Хабаровск

ПЕСНИ К ПЬЕСЕ В. РЫБАКОВА «СЕРЕБРЯНОЕ НЕБО, ИЛИ ЦАРЬ ОСЬМИНОГ»

ПЕСЕНКА РЫБЫ-КЛОУНА

У нас тут, в глубинке, страшилищ не счесть,
Где каждый друг друга готовится съесть,
И только в обиду себя не дает
Акула, поскольку сама себя жрет.

Есть мелкий морской молчаливый народ,
Как будто набравший воды себе в рот...
Ведь это про них Осьминог говорит:
«Я слопаю всех, кто как рыба молчит».

У нас есть свои палачи и врачи:
И рыбы-хирурги, и рыбы-мечи.
Все живо снуют, кто назад, кто вперед,
А Краб, наш Надсмотрщик, боком ползет.

Но мне наплевать и на тех, и на тех.
Я — Клоун, у всех вызывающий смех.
Меня не боятся и я не боюсь,
Ведь я над собой и над всеми смеюсь.

ПЕСНЯ СЕРЕБРИСТЫХ КЕФАЛЕК

В Гроте Лазурном,
В Бухте Жемчужной
В танце ажурном
Кружится дружно
Рыбок тропических яркая стая,
Но среди них есть одна не простая,

Но среди них есть одна не простая,
А Золотая Рыбка.

Море желаний,
Реки мечтаний
К рыбке сквозь годы
Несут свои воды,
Но среди них есть одна не простая,
Но среди них есть одна не простая,
А Голубая мечта...

ПЕСНЯ КАРАКАТИЦЫ

Бедный, бедный Рыба-Клоун
За меня поплатится,
Ах, я тюлька, простикома,
Дура — Каракатица!

Жизнь прошла, как сновиденье,
Мне она не дорога.
Я сейчас в одно мгновенье
Всех поставлю на рога!

Ничего, что после драки
Я клешнями помашу,
Знаю, где зимуют раки,
Вам местечко покажу.

И ко всем морским чертям
Пусть Краб и Скот покатаются!
Никого я не боюсь —
Я — Кара-кара-катица!

Пусть погибну, пусть умру я!
Все стерплю, перенесу,

Я отраженьё
                                ночной звезды
Видал на глади
                                морской воды.
Я — Рыб Летучий,
                                в полете ас,
Я покажу вам
                                высокий класс!
Я — Рыб Летучий,
                                морской пилот.
На старт! Вниманье!
                                Иду на взлет!!!

ПЕСНЯ ФАНТАСТИЧЕСКИХ МЕДУЗ

Вы погружаетесь на дно,
Здесь существует лишь одно:
Не надо суеты и слов,
Вы в море Снов...
Вы в мире Снов...

Здесь темнота и тишина.
Ведь жизнь одна и смерть одна.
Нет ни движения, ни слов.
Все в море Снов...
Все в мире Снов...

Из водорослей сплетена
Серебряная тишина.
Из мира суеты и слов
Вы очутились в море Снов...
Вы в мире Снов...

Здесь нет любви и нет вражды,
Здесь нет богатства и нужды...

Среди бушующих миров
Вы оказались в море Снов...
Вы в мире Снов...

Здесь безмятежность и покой,
И здесь неважно — кто какой...
Под звон серебряных шаров
Вы погрузились в море Снов...
Вы погрузились в море Снов...
Вы погрузились в море Снов...

ПЕСНЯ УПЛЫВАЮЩЕЙ НАВЕРХ ДЕВОЧКИ

Все, что имело вес,
Вдруг стало невесомым.
Прощай, страна чудес,
Я скоро буду дома...

Хоть труден путь, но легок шаг,
И легкие — воздушный шар...
Но не забуду никогда
Тебя, Красавица Звезда!

Я поплыву наверх,
Где небо голубое,
Как жалко, что вас всех
Взять не могу с собою.

1985

Ялта

ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЮ «ЗОЛОТОЙ КОЛОДЕЦ»

ПЕСНЯ ГЕРАСИМА

Хозяин был в стране — и был в стране порядок.
Теперь порядка нет, не будет и не жди.
Кругом одни враги, а враг на подлость падок.
С врагом, то есть с народом, не справятся вожди.

Припев:

Погоны не спасут и знание пароля,
Ведь видно по лицу, что контра ты и враг.
Ах, Родина моя, ах, зона спецконтроля —
Спецдопуск, спецпаек, спецумный, спецдурак.

Ведь жили до войны мы как в раю, ей-богу.
И был социализм, и в магазинах колбаса.
И знали, кто есть кто, и все шагали в ногу,
И прятали глаза, и приглушали голоса.

Припев.

Так, значит, все зазря отец родной старался?!
Зазря на Колыме я, что ли, партии служил?!
Врешь, я еще живой и я еще не сдался,
На месте трудовом свое оружие не сложил!

Припев.

Теперь всему конец — народ-то распустили,
Совсем уж зажрались, вот нет на вас войны.
Такое вслух несут! Бухарина простили!
Испакостили доблестное прошлое страны.

Припев:

Ах, Родина моя, ах, зона спецконтроля!
Я твой заклятый друг, все прочие — враги.
Ах, Родина моя, что корчишься от боли —
Ты чувствуешь мои кирзовые шаги?
Ты чувствуешь мои чеканные шаги?!

ПЕСНЯ ВАНИ

К топорам привыкли руки,
Что за Русь без топора!
Мы без всякой там науки
Врубим враз компьютера.
А душа горит и просит,
Ну просто мается душа,
Да три недели не завозят
В магазины ни шиша.

Припев:

Мчится тройка-птицетройка,
Я гляжу ей вслед с тоской.
Перестройка, перестройка,
А я маленький такой...

Вот указом подкосили —
Грех обычай ломать!
А народ-то не спросили —
Демократы! В душу мать...
Ажник потом прошибает,
И снедает грусть-печаль,
Ведь Расея погибает,
А Расею очень жаль!

Припев.

Иностранцев напустили
И прислуживают им,

Наших девок подстелили,
А девки нам нужны самим.
Есть и выпивка, и закусь
За стеной у этих сук,
Только выкуси-ка, накость,
Ведь тебе не поднесут.

Припев.

Нам твердили, что восходит
Жизни новая заря.
А теперь-то вот выходит,
Что трудились мы зазря.
Кто ж теперь работать будет!?
Кто же вкалывать пойдет?!
Но сказал поэт, что будто
Ум Россию не поймет...

Припев:

И лежит себе в отключке
Ваня — божий человек,
От аванса до полочки
Наблюдая жизни бег...

ПЕСНЯ ЛАРИСЫ

Если венец ты творенья, а не обезьяна,
Значит, прекрасны должны быть в тебе, человек,
Глазки, и носик, и ножки, и все без изъяна —
Чехов сказал — и колготки, и тени для век.

В жизни найдя свое место, держись на нем прочно.
Только друзьям и родным не забудь, помощи.
В жизни есть подвигу место всегда — это точно,
Горький устами старухи сказал Изергиль.

Зная, к чему нас случайные связи приводят,
Стоит ли чистой душой залезать в эту грязь?
Вспомним, как Гамлет Шекспира сказал, что в природе
Временной связи времен распадается связь.

Если тебе предлагают уехать на Кубу,
Стоит ли пачкаться, лучше уехать в Стокгольм.
Помните, Гамлет воскликнул: «На что мне Гекуба!
Да и Гекубе я, собственно, сдался на кой?!»

Учит нас классика жить в каждом жизненном миге.
К классикам можно прийти со своею бедой.
Можно совет получить, как в поваренной книге.
Классика служит для нас путеводной звездой!

ПЕСНЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ

В нашем обществе бодрости-резвости
Все меняется быстро, как ртуть.
Не хватает лишь бщества трезвости,
Чтобы трезво на вещи взглянуть.

Громадье наших планов по-первости
Полюбилось народу вполне,
Не хватило лишь Общества трезвости
В те далекие годы в стране.

Нам казалось, что мы уже в зрелости
И до рая рукою подать.
Только трезвости, трезвости, трезвости
Нам тогда не хватило опять.

И когда же с разбегу мы врезались
В перестройку, а не в коммунизм,
Размечтались, что Обществом трезвости
Победить сможем алкоголизм.

Что ж, друзья мои, братья, соколики,
Будем новую жизнь начинать.
И с надеждой на вас, алкоголики,
Смотрит бедная Родина-мать!

* * *

В этом мире унылом и скушном
На мгновение жизнь озари
И, пока нас никто не подслушал,
Подари мне хоть миг, подари.

В этом жалком дворе постоялом
Нет спасенья от пакостных рож.
Что ж ты, милая, как-то завяла?
Да и сам-то я тоже хорош.

Ты глядишь на меня так тоскливо,
Вся как будто в железной броне.
Что ж ты смотришь на двери пугливо?
Мы свободны в свободной стране.

Номер мною оплачен на сутки.
Да расслабься хотя бы на миг,
В голове у тебя предрассудки,
Это глупости все, ты пойми.

Я прошу, помоги мне забыться,
Я от этой устал болтовни.
Я готов в тебя, слышишь, влюбиться,
Только ты не тяни, не тяни.

Подари мне минуту блаженства!
И пока не застукали нас,
Будь моей! Ты само совершенство!
Кто-то ломится! Прячься! Атас!

ПЕРЕВОДЫ С ГРУЗИНСКОГО

Отар Чиладзе

* * *

Я готов служить тебе и слушать,
как твою серьгу качает ветер,
как она гудит, ему послушна...
За окном декабрь качает ветки.

Мне теперь вовек не расплатиться
за свою веселую находку —
взгляд хитрющий, словно у лисицы,
в зеркале изучена походка.

Бьется в окна снег. Наверно, хочет
рассказать свою историю простую...
И как шкура, дар моей охоты,
твое платье брошено на стуле...

ОДИНОЧЕСТВО

Ночью снежило, снежило, снежило...
И ты спала, утомленная снегом.
В дом тишина опускалась, ложилась,
таяла свечка мерцающим светом.

Видел я в свете холодном и жидком,
как моя тень над тобою кружила.
А ты спала, утомленная жизнью.
А за окном все снежило, снежило...

Видел я в свете холодном, дрожащем
тело твое очертаньем привычным.
Видел себя, безнадежно держащим
руку твою, словно мертвую птичку.

РАССКАЗЫ

ОХОТА

Бежан начал ходить с отцом на охоту еще в шестом классе. И уже тогда обнаружились его удивительные способности к меткой стрельбе. Не было такой мишени, в которую бы не мог попасть Бежан. Даже самая маленькая и шустрая перепелка не могла уйти от его пули. Правда, дальше восьмидесяти метров Бежан стрелять не мог. Но не потому, что не мог попасть, а потому, что дальше восьмидесяти метров пуля из ружья не летит.

Вот, например, отправились на охоту Бежан, отец и его приятель. Видят — две перепелки рядом летят. Приятель отца направил свою трехстволку, выстрелил, промахнулся и, чертыхаясь, стал перезаряжать ружье. Тогда отец прицелился своей двустволкой — но опять мимо, только вспугнул птиц, и они полетели в разные стороны. И когда Бежан поднял свое ружьишко с одним стволом, отец хмуро сказал: «Э, брось, не выйдет». Раздался выстрел, и одна перепелка дернулась, взлетела чуть выше и камнем упала на поле. Не успели проводить ее взглядом, как вслед за выстрелом упала вторая.

После этого случая отец подарил Бежану свою двустволку, а себе купил новую, трехствольную, как у приятеля.

Но вот однажды Бежану здорово досталось от отца. И все из-за зайца. Бежан знал, что за зайца дают восемь лет, но любой охотник на его месте не выдержал бы.

Они с Джильдой возвращались с полной сумкой перепелок, и вдруг собака стремительно промчалась по полю и остановилась как вкопанная, глядя немигающим взглядом в ров. Бежан не сразу даже понял, в чем дело.

Стал тормошить ее, звать, гладить, начал даже сердиться, но Джильда превратилась в камень. И вдруг во рву зашевелилось, зашуршало, мелькнуло что-то белое, и собака, моментально вышедшая из оцепенения, помчалась вслед за ним. И тут Бежан увидел, как прямо на него бежит огромный испуганный заяц, а за ним Джильда. Бежан не раздумывая вскинул ружье. От первого выстрела прямо в лоб заяц потерял сознание, но продолжал бежать. Второй выстрел не заставил себя долго ждать, и через несколько минут окровавленный заяц, завернутый в плащ, оттягивал плечо своего победителя.

Но вместо лавров и восхищения дома Бежан получил такую взбучку, что три дня не мог прийти в себя и пять дней не мог сидеть. Но так как заяц был убит без свидетелей — все обошлось.

Но самое интересное произошло в субботу, первого августа. В этот день, как и каждый год, в Анаклии собралось очень много мужчин. День открытия охотничьего сезона собрал не только охотников, но и массу людей, желающих просто потолкаться, потолковать, послушать нескончаемые традиционные «охотничьи рассказы».

Бежан с отцом приехали на своей машине, когда уже все были в сборе. Народ горячился, о чем-то спорил, показывая пальцами на банку, возвышавшуюся на небольшом столбе. Выяснилось, что спор заключается в том, можно ли разбить эту банку одним выстрелом с расстояния восемьдесят метров.

Спор, судя по всему, шел давно. Мужчины громко рассуждали, жестикулировали, но никто не решался приступить к делу. И тогда Бежан сказал: «О чем вы тут спорите? Я разобью эту банку с одного выстрела!» И тогда один из мужчин, его все знали, так как он был подпольным миллионером и купил недавно ружье

стоимостью девять тысяч, сказал: «Если ты разобьешь эту банку, я сделаю тебе такой подарок, о котором ты и не мечтаешь».

Оживлению и всеобщему возбуждению не было предела. Бежан прицелился и выстрелил. Банка осталась на своем месте. Все засмеялись, но Бежан сказал: «Вы что, зрение потеряли?! Посмотрите хорошенько». Мужчины побежали к столбу. Банка действительно стояла на месте, но ее верхняя часть вместе с крышкой была аккуратно срезана. Поднялся гул голосов, все опять начали спорить и пришли к единодушному мнению, что эту банку нельзя назвать разбитой, как было оговорено в условиях спора. Тогда взбешенный Бежан опять нацелился в эту проклятую банку, и вслед за выстрелом раздался звон разбитого вдребезги стекла. Всеобщее ликование, пожимание рук, возгласы, но главное — подарок. Шикарное немецкое ружье стоимостью три с половиной тысячи.

После этого случая все в Ингири и даже многие в Зугдиди узнавали Бежана, при встрече почтительно пожимали ему руку, и некоторые даже показывали на него пальцем.

Итак, в свои семнадцать с половиной лет Бежан стал уважаемым человеком. За свой меткий глаз, за твердую, без промаха бьющую руку, и за настоящее мужское сердце, закаленное ежедневным зрелищем смерти и крови, сердце, не знающее жалости и сомнений.

Но вот однажды с Бежаном случилось несчастье. Поздней осенью, после особенно удачной охоты, усталый и довольный он возвращался домой, насвистывая и размахивая ружьем. И когда он уже совсем было подходил к селу, на размокшей после дождя тропинке вдруг поскользнулся и упал. Рука, в которой было ружье,

с силой ударилась о землю. Раздался выстрел. От ослепительной боли в ноге Бежан потерял сознание.

Операция длилась четыре часа. Четыре месяца неудачливый охотник пролежал неподвижно с подвешенной ногой. За полгода, что Бежан провел в больнице, обезумевшие от горя родители платили тысячу за тысячей врачам, чтоб спасти ногу своему сыну. Немалые деньги были заплачены и за то, чтобы Бежан лежал в отдельной палате.

Таким образом он впервые в жизни оказался один на один с собой и своими мыслями. Что он только не передумал за эти полгода!

Особенно мучил его один сон, который повторялся изо дня в день, из ночи в ночь. Снилось ему, что он целится в куропатку, но ружье не послушно его рукам, а, подвластное какой-то неведомой силе, разворачивается и целится прямо в него, в Бежана. Он пытается уклониться, повернуть ружье, но оно, как намагниченное, неумолимо целится в своего хозяина. Тогда Бежан бросает ружье и бежит прочь. Но ружье гонится за ним. Бежан в ужасе просыпался, чертыхался, но как только засыпал — все повторялось сначала.

Теперь Бежан уже выписался из больницы. Ходит с палочкой, но врачи говорят, что со временем и палочка будет не нужна. А отец, желая подбодрить сына, в день выписки из больницы сказал: «Ничего. Не переживай. Мы с тобой еще поохотимся». Бежан не стал возражать, но перед сном снял со стенки свое ружье и отнес его в чулан.

Долго еще ходили по селу разные слухи. Одни говорили, что Бежан стал немного «того», и крутили пальцем у виска.

Другие говорили, что он стал вегетарианцем. Но это как раз мало кого могло удивить, так как все жители села

были в каком-то смысле вегетарианцами, поскольку цены на мясо росли в прямо пропорциональной зависимости от уровня благосостояния грузинского населения.

Третьи же говорили, что злополучное это ружье (подарок подпольного миллионера) было заговорено старухой-соседкой Бежана, которая, по мнению многих, состояла в какой-то связи с нечистой силой.

В общем, разговоров всякого рода было много, и мы не беремся судить, какая же из версий действительно имела основания, но факт, что Бежан с тех пор ни разу не взял в руки ружья, остается фактом.

ноябрь 1982

Москва

ДОМ

Это случилось морозным воскресным утром.

— Пойдем, я покажу тебе дом, — сказал Он, когда они возвращались с базара с полной сеткой маленьких, крепких и красных яблок.

И они пошли. Минуя дворы и двухэтажные сараи, увязая по колено в сугробах, ослепительно белых в ярком и холодном свете январского солнца.

— Вот мой дом, — кивнул Он в сторону блекло-желтого двухэтажного дома с двумя подъездами.

Дворик был пуст, и только на перекладине детских качелей сидел воробей, но и он упорхнул при звуках скрипящего под их ногами снега.

Они сели на спинку низенькой скамеечки, утонувшей в сугробе, и стали смотреть на дом.

Он стоял, запорошенный снегом, и молчал, погруженный в глубокое раздумье. Все шторы на окнах были задернуты, форточки закрыты. Но он был полон какой-то неведомой внутренней жизнью, как некий замкнутый пульсирующий мир. Глазницами окон он смотрел не во внешний мир, а как бы внутрь себя, подобно тому как новорожденный младенец еще не видящим окружающего мира взглядом обращен в себя и, сосредоточенный на себе, как будто прислушивается к процессам, происходящим в его организме.

Он закурил. Она, сняв варежки, достала из сетки несколько яблок и стала протирать их в снегу. Яблоки были холодные, от них ломило зубы, они хрустели во рту и пахли морозом.

— Вот это — наши окна, а вот здесь жил Витька

Ермолаев, а вон там, прямо над нами, — Сашка Магутин. Такие друзья были — не разлей вода, на базар вместе бегали, яблоки воровали.

Она с интересом слушала его, глядя внимательно из-под низко спускающейся на лоб рыжей лисьей шапки. Сидеть ей было неудобно — мешал большой, круглый, как яблоко, выпирающий из-под шубки живот. Но она не думала об этом и внимательно слушала, жадно вглядываясь то в его лицо, то в памятные для него местечки, о которых он говорил: сарай, качели, поломанный забор, подъезд и крышу дома.

Весь этот дворик, покрытый пеленой снега, не тронутый ничьими следами, являл собой живую, до боли знакомую, близкую и далекую картинку детства.

— А вообще-то здесь почти ничего не изменилось, — и добавил неуверенно: — только разве что занавески на окнах... Представляешь, а что если они до сих пор здесь живут?

Какой-то внутренний безотчетный страх охватил ее. Стало как-то жарко и жутковато.

— Кто «ОНИ»?

Он задумался ненадолго, усмехнулся:

— Ермолаев и Магутин.

— Вполне может быть, — с присущей ее голосу уверенностью сказала Она.

— Слушай, а что если мне зайти туда, прямо в нашу квартиру? Позвонить, объяснить, что я здесь жил когда-то и вот, мол, приехал и хочу посмотреть.

Она боялась его встречи с прошлым, но чувствовала, что его неминуемо влечет туда, в свой дом, в свое детство, и Он не звал ее с собой. Он хотел идти один. Пришла в голову нелепая и безумная мысль, что дом затягивает и отнимает его у нее.

— Не надо.

— Почему? Что тут такого? — и решительно встал со скамейки.

— Не ходи. Там все по-другому, и тебе станет больно. Ты только разрушишь свои воспоминания. Пошли! — сказала Она, бросив в сугроб огрызок от яблока. Огрызок канул, оставив в снегу глубокую ямку. Он посмотрел на ямку и направился к подъезду.

Она молча провожала взглядом его удаляющуюся спину и видела, как с каждым шагом удлиняется соединяющая их цепочка неглубоких следов, оставляемых на снегу.

Он открыл деревянную обшарпанную дверь и шагнул в черную дыру подъезда.

Дверь скрипнула пружиной и захлопнулась.

Стало тихо.

Прошло несколько минут, и вдруг внезапно возникший порыв ветра взметнул поземкой, запорошил глаза, прошелся по низким кустам голых акаций, и когда все улеглось и снова стало тихо, она открыла глаза и увидела, что следов, оставленных им на снегу, уже нет...

Она ждала его. Долго, много лет. Но Он так и не вернулся.

сентябрь 1982

«Единство сердца и строки, поступка, жеста...»*

*Но песня перехватит горло,
И я опять с душою голой
Стою, открыта всем ветрам...*

Е. Яровая, «Венок сонетов»

В августе прошлого года нам принесли послушать плёнку московского барда Кати Яровой. Имени этого никогда раньше не слышала, хотя продолжала интересоваться творчеством бардов и после отъезда из Союза в 1981 году. И вот мы слушаем плёнку, сначала вполуха. И вдруг —

*Память, словно кровь из вены,
Хлещет — не остановить.
Объявили рейс на Вену,
Словно «быть или не быть».*

*И таможенник Хароном
По ту сторону перил.
Как по водам Ахерона,
Ты поплыл, поплыл, поплыл...*

Так защемило душу от этой знакомой картины, ставшей знамением времени в России последнего двадцатилетия. Все мы через это прошли — одни уезжали, другие оставались. Но я никогда ещё не слышала, чтобы так говори-

лось об эмиграции, о трагедии расставания, — светло и печально.

Оказалось, что Катя в Америке и заинтересована в концертах. Возникла идея пригласить её в Олбани. И вот я звоню ей по телефону — «расскажите о себе». «Начала писать песни в 25 лет, сейчас их больше трёхсот. До этого никогда ни песен, ни стихов не писала. Нормально человек проходит через периоды подражания, развития — у меня ничего этого не было». Пытаюсь выудить что-нибудь ещё, что могло бы привлечь слушателей на концерт. Она ничего значительного припомнить не может.

— Мне говорили, что о вас была передача по телевизору, что вы лауреат Всесоюзного конкурса бардов.

— Да, действительно, но если бы вы мне сейчас не напомнили, я бы сама не вспомнила. Для меня это не так важно.

— У вас выходили пластинки?

— Нет. Мне предлагали выпустить пластинку, но только лирические песни, политические не хотели включать, и я отказалась.

— Но ведь лирические песни очень хорошие!

— Я считаю, что без политических песен моё творчество было бы представлено неполно, а я их ценю и считаю, что они не менее важны.

— Бывают у вас официальные концерты?

— Я — бард и этим зарабатываю на жизнь. Я много езжу по стране. Меня приглашают спеть где-нибудь, но если я, например, спою песню про ЦК, то меня уже туда снова не пригласят.

— Но ведь у вас же гласность?!...

*...Хорошо б залечь на дно и не колыхаться,
Надо б эти все дела тихо переждать.*

*Гласность – гласностью, но всё ж не стоит
забываться.
Сегодня есть, а завтра нет, и всех начнут
сажать...*

*...Законы – для юриста,
Лекарства – для врача,
А для оптимиста –
Заветы Ильича,
Для народа – гласность
Для мира – безопасность,
А всё лучшее пока
Только для ЦК...*

За год, проведённый Катей в Соединенных Штатах, у неё было немало концертов. Она выступала в Йельском университете, Беркли, колледжах Амхерст, Вильямс, Юнион, Скидмор, Колгейт и других. Было много домашних концертов, выступления в синагогах и еврейских центрах. Мы с Катей познакомились, и я узнала о ней больше. Но всё-таки лучше всего помогли мне её понять её песни.

Так кто же такая Катя Яровая?

*Не музыкант и не певец –
Поэт бродячий,
Властитель дум и душ ловец
Поет и плачет.*

*И оценить нельзя его
Души весомость,
Когда не весят ничего
Ум, честь и совесть.*

*Законы времени строги
К единству места,
Единству сердца и строки,
Поступка, жеста...*

В этих строках и толкование Яровой роли барда, и её поэтическое кредо, которое, как видно, теснейшим образом связано с жизненным кредо. (Текст этой и некоторых других песен я не видела в рукописи, они записаны с плёнки, и пунктуация может расходиться с авторской.)

Когда ещё шла война в Афганистане, Катя написала об этом песню. Однажды она выступала в Узбекистане в госпитале перед ранеными «афганцами». Она совсем не должна была петь эту песню, это был риск — как-то они к этому отнесутся? — но она пошла на него, считая, что иначе это было бы трусостью.

*Бросают их в десант, как пушечное мясо.
Кто выживет — тому награды и почет.
Пока мы тут сидим, пьем чай и точим ляды,
Сороковая армия идет вперед!*

*Идет обратно в цинковых гробах,
В медалях, звездах, знаках, орденах.
«Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины...»*

Когда она кончила, на миг воцарилась тишина, а потом разразились аплодисменты — хлопали все, «кому было чем». Они думали и чувствовали то же, что и она. В Ташкенте ей запретили петь песню про хлопок, но она сказала со сцены: «Товарищи, мне запретили петь эту песню, но я её исполню и предупреждаю, что администрация

за это ответственности не несёт. Отвечаю лично я».

Юнна Мориц была у неё одним из рецензентов на защите диплома в Литературном институте (Катя поступила туда в 26 лет). В рецензии она благодарила институт и Льва Ошанина, руководителя семинара, за то, что они не подавили Катину самобытность, не пытались причесать её «вихрастые стихи». Конечно, спасибо Ошанину, но дело и в самой Кате — не укладывается она в прокрустово ложе, да и всё!

Из интервью А. Руденко («Мастерская», Таллин, 4/1989): «Ошанин убрал несколько стихотворений с резолюцией: «Это, конечно, одни из лучших твоих вещей, но мы их выкинем». Когда очередь дошла до послесловия к фильму «Покаяние» («Бредём вслепую, в темноте, теряя ориентиры...»), я не выдержала. «Лев Иванович, — говорю, — вы сейчас находитесь в том возрасте и в том положении, когда бояться вам уже нечего и некого. Диплом — моя собственная судьба, и я несу полную ответственность».

Кстати, Государственная комиссия вызвала её на бис и поставила «отлично». А песня действительно замечательная. Это послесловие не только к «Покаянию», но и ко всему тому нескончаемому пути длиной в 70 с лишним лет, который, казалось, никогда не кончится.

*...А кто надежды подавал — тот просит
подаянья.
А тот, кто в первых был рядах, — устал или
отстал.
Толпою к Ироду ведут младенцев на закланье.
А тот, кто молотом не смог — тот наковальней
стал.*

...

*А в темноте мы все равны и все равно какие,
А стать белей и чище стать и смысла вроде нет...
Но не покинет вера нас, надежда не покинет —
Ведь впереди там должен быть в конце тоннеля
свет!*

Интересно, что пророчества её сбываются. Кто бы мог подумать еще совсем недавно, что и эти строки станут правдой:

*...Слышали, что партию собрались, ей-богу,
Говорят, от государства вовсе отделить?!
Будет наша партия, как храм и синагога,
Сама собой командовать, сама себя кормить.*

...

*И осталось только нам
Переждать, пока
Станут все, кто был в ЦК,
Когда-нибудь «зэка».*

Хотя Катя не писала песен до 25 лет, весь её опыт был подготовкой к этому. Хотела стать актрисой, не попала в театральное училище, работала натурщицей — там больше платят. (Наверно, страшновато обнажать своё тело перед толпой, даже если это твоя работа. А обнажать душу — не страшно?) Потом работала костюмершей и театральным администратором. Говорит, что у неё нет любимых поэтов, хотя ей близки Некрасов, Цветаева. Преклоняется перед Бродским. Очень любит Салтыкова-Щедрина, Набокова и Платонова. Три книги в русской литературе и три в зарубежной, по выражению Кати, перевернули её сознание. Это «Слово о полку

Игорева», «Житие протопopa Аввакума», «Горе от ума» и «Фиеста» Хемингуэя, «Сто лет одиночества» Маркеса, «Иосиф и его братья» Т. Манна. Поэтов любимых нет, а вот бардов очень любит. Это Галич, Вертинский и Высоцкий, Окуджава и Н. Матвеева, Ким и Долина.

Литературные пристрастия Яровой помогают понять истоки её творчества. Её темы: потерянное поколение, избавление от рабства, эпос и мифология, одиночество и скитания, судьбы России и маленького человека, язычество по соседству с монотеизмом. Жанр её песен весьма разнообразен: любовная и философская лирика, политическая сатира, гротеск, фантазия. Её стиль отличаются лаконизм, точность, фольклорная простота языка. Интересно, что в жизни для Кати характерны приподнятые интонации, она восклицает и восхищается, не опасаясь высокопарных слов в выражении дружеских чувств и благодарности. А в поэзии она скупа в выборе выразительных средств, мерит эмоции точной мерой. При этом она свободна и раскованна, совершенно лишена фальши, для неё нет запретных тем. Её стихи — это концентрат мыслей, чувств, затронувших душу поэта, которая отзывается то одной, то другой струной, то мощным аккордом.

*Настанет день — и в воздухе растает
Твое лицо.
Настанет день — тебя со мной не станет
В конце концов.
Растает тень — рука моя наткнется
На пустоту.
Настанет день — и голос мой споткнется
О немоту.*

Эта песня — лучшее, что я знаю в женской лирике, на-

писанное за последние двадцать пять лет. Так внешне просто передана трагедия предчувствия разлуки, когда внутри — крик, когда отрывают от живого.

Скупость поэтической палитры отнюдь не сковывает воображение, не ограничивает выбора тем. Тут она даёт волю своему мятежному темпераменту. Ей привычно и надёжно среди стихий.

*Я снова вхожу в это море
Со старым названием «Жизнь»,
Где волнами счастье и горе
Так хлещут, что только держись.*

*Я бьющую руку целую
И к ней припадаю щекой,
От боли пою Аллилуйю,
Мне в буре есть высший покой.*

*Пред этой жестокой стихией
С немым восхищеньем стою.
И я посвящаю стихи ей,
Все жертвы иные плохи ей,
И песни восторга пою....*

Она приносит жертву стихиям, язычница Катя, стихами («а между нашими плечами рифмую я полёт стихий»). Она говорит от имени стихий («ведь я земля, богиня Гея, прекрасна, вечна, молода!») и сама стихия («Ты меня узнаёшь? Я стихия твоя»).

Такое отождествление себя со стихиями, наделение их человеческими чертами характерно для эпоса. Катя переносит эти приёмы из глубины веков в нашу повседневность, в весеннюю Москву, изменив лексику и интонацию.

*Я вымою стволы и тени простирну,
Я причешу траву и лужи подотру,
Подвешу облака, чтоб с них стекла вода,
А птицы, как прищепки, сидят на проводах.*

В её песнях полёт над сонной Москвой не менее реален, чем прогулка по Сигулде.

В интервью, данном А. Руденко, Яровая говорит о «генеалогическом древе» русской авторской песни, которое представляет себе так: Вертинский, Галич, Высоцкий — ствол, остальные барды — ветви. «Даже Окуджава, который мне очень нравится». Каждый волен предлагать свою классификацию, для поэта это всегда связано ещё и с поиском своего пути и осознанием собственного места в поэтической иерархии, но мне такая точка зрения кажется правомерной. Это напоминает мне цветаевское деление на поэтов с историей и поэтов без истории (чистых лириков). «Над первыми (стрела) — поступательный закон самооткрывания. Они открывают себя через все явления, которые встречаются на пути... Поэты с историей прежде всего — поэты темы... Они редко бывают чистыми лириками. Они слишком велики по объёму и размаху, им тесно в своём «я» — даже в самом большом; они так расширяют это «я», что ничего от него не оставляют, оно просто сливается с краем горизонта. (Помните, у Высоцкого: мой финиш — горизонт, а лента — край Земли, я должен первым быть на горизонте! — Т.Я.) Человеческое «я» становится «я» страны — народа — данного континента — столетия — тысячелетия — небесного свода... Весь их земной путь — череда перевоплощений... Для поэтов с историей нет посторонних тем, они сознательные участники мира... Чистая лирика живет чувствами. Чувства всегда — одни.

У чувств нет развития, нет логики... Чувство... всегда начинается с максимума, а у великих людей и поэтов на этом максимуме остаётся. Чувству не нужен повод, оно само повод для всего... Чувству нечего искать на дорогах, оно знает — что придет и приведёт — в себя. Зачарованный круг... Итак, ещё раз: Мысль — стрела. Чувство — круг».

Итак — ствол и ветви у «генеалогического древа» русских бардов. Стрела, ствол — это то, что можно продолжать, развивать. Ветвь, круг — замыкает себя, себя исчерпывает. Нельзя «продолжать» Окуджаву, можно пытаться ему подражать, хотя это бесполезно — им нужно родиться. Другой бард — чистый лирик, это новая ветвь, свой неповторимый круг изобразительных средств. Это ничуть не умаляет их значения. У Цветаевой пример поэта без истории — Пастернак, которым она так восхищается.

То, что делали Галич или Высоцкий, можно развивать и продолжать. Их песни стали энциклопедией жизни советского общества 60—70-х годов. Песни Кати Яровой позволяют нам увидеть и услышать Россию 80-х. Афганистан, Сумгаит, Прибалтика, падение нравов, рост дефицита и цен, перестройка — при этом мы слышим живой язык и интонацию нового поколения. «Поэты — ловцы интонаций», — замечательно сказала Ахматова. Окуджава, Матвеева, Долина — у каждого из них своя неповторимая интонация, подкупающая искренностью и лиризмом. Яровая, как Галич и Высоцкий, удивительно верно передает интонацию своего времени.

Еще Салтыков-Щедрин писал об утверждении в русской литературе «особенной рабской манеры писать, которая может быть названа езоповскою» и о развитии искусства понимать аллегии, читать между строк. Эта «рабская манера писать», так же как и искусство пони-

мать её, достигли вершин при советской власти. Галич первым отказался от эзоповского языка, Высоцкий писал: «Во мне Эзоп не воскресал. В кармане фиги нет, не суетитесь!» У Яровой много песен на политические темы. Её оценки остры и бескомпромиссны, порой провидчески. И всегда открытым текстом.

*Язык эзопов, словно бес
Попутал нас, вот наказание!
Я правду-матку режу без
Наркоза – без иносказанья.*

Нередко приходится слышать, что политические песни «не идут», быстро устаревают и т.п. Стоит ли ей писать их — ведь у неё прекрасные лирические песни. Но она не может их не писать! Её интерес к миру глобален, и многогранность её творчества вызвана многогранностью самой жизни. Нельзя пытаться задушить в себе песню — есть опасность замолчать навсегда, ибо «умирают стихи от насилия».

*Зачем так страшна и прекрасна
Заветная песня души?
В ней нотой сфальшивить опасно,
Ее заглушать – труд напрасный,
Как пламя рукой затушить.*

Такие попытки принизить политические песни (не только Яровой, но и, к примеру, Галича) напоминают извечный спор о том, что выше — поэзия или проза, поэзия лирическая или гражданская. Е. Эткинд в «Материи стиха», говоря об отношении Блока к спору о литературной иерархии, комментирует цитату из его

последней статьи: «Нет чисто литературных вопросов — настоящие писатели должны думать не о них, а о единственно ценном, о душе, — они должны стараться быть «больше похожими на свою родную, искалеченную, сожженную смутой, развороченную разрухой страну!»»

Яровая ясно ощущает, что «по стране бродит призраком смута», и то состояние безысходности, предчувствия физической гибели, которое присутствует в настроении сегодняшней России. В настоящий момент доминирует эйфория послепереворотных событий, но немало ещё предстоит пережить.

*В каких мирах пристанище отыщет
И обретет неведомый от века
Покой, как сирота или калека,
Влачившая судьбу, как Божий нищий,*

*Грехами как поклажею навьючена,
Пройдя свой путь от святых дней до лагерей,
Изодранная проволокой колючей,
Душа России, бедной Родины моей?..*

Некоторые политические песни Кати по стилистике близки к анекдоту. Я не знаю подобных песен у других бардов. Она расширяет рамки жанра авторской песни, используя эту неотъемлемую часть городского фольклора с его грубоватым юмором, порой некоторым цинизмом, безошибочной политической ориентацией. Роль политического анекдота в советском обществе недооценима. Не зря же В. Буковский считает, что анекдот достоин памятника.

В своей книге «И возвращается ветер...» он пишет: «И уж раз зашла речь о памятниках, то нужно еще поста-

вить монумент человеку с гитарой. Где, в какой стране скверные любительские магнитофонные записи песенок под гитару будут тайно, под угрозой ареста распространяться в миллионах экземпляров?... Чем дальше, тем больше возникало этих незримых фигур с гитарами. Им не давали залов для выступлений, за каждую их песню могли намотать срок... Их предшественникам на заре человечества было легче: никто не сажал в тюрьму менестрелей, не тащил в сумасшедший дом Гомера, не обвинял его в слепоте и односторонности. Для нас же Галич никак не меньше Гомера. Каждая его песня — это одиссея, путешествие по лабиринтам души советского человека».

*А он идет из дома в дом,
Поет на кухне,
Пока с последнею звездой
Сам не потухнет.*

*Устанут гости за столом —
Им не под силу,
А он идет из дома в дом
За «спасибо».*

*А он идет из века в век,
Поэт бродячий,
Идет, не опуская век,
Гомер незрячий.*

*И сколько правды ни ищи,
Но будут правы
Все те же белые плащи —
Подбой кровавый.*

*Он на пиру незванный гость,
Где званых – орды.
Бельмо в глазу и в горле кость
Его аккорды.*

*А соль земли им ни к чему –
Полно селедки.
Он вам споет еще – ему
Налейте водки!*

*Он вам споет еще, споет
Поэт бродячий.
И он поет, и водку пьет,
И плачет...*

Это продолжение уже цитированной песни о бродячем поэте. Эта песня не только поэтическое кредо поэта-барда, но и памятник им всем, от Гомера до Высоцкого, и будущим, которых мы еще не знаем. Мне хотелось бы, чтобы Буковский услышал эту песню.

Ну, а Вертинский? По-моему, очень важно, что Катя не забыла его. Он начал свой путь еще перед Первой мировой войной своими новаторскими по форме песнями-ариекками. Их сюжетность и особая интимная интонация подкупали слушателей, были лишены официально-патриотического духа. На протяжении десятилетий его песни отражали историю его поколения, продолжая завоевывать сердца слушателей. Он сочинял музыку на слова других поэтов, но в основном пел свое, оставаясь собой и в песнях на чужие стихи, тем более что выбор был не случаен, а зачастую он выступал соавтором слов. Но и его собственные стихи были талантливы. Ю. Олеша, мастер метафоры и большой ценитель

её в творчестве других, восхищался строчками Вертинского «и две ласточки, как гимназистки, провожают меня на концерт». Главное же, он не боялся открыто говорить о сокровенном, «в песнях душу разбазаривать».

Он населяет свои песни многочисленными персонажами, наделяя их речевыми характеристиками, точно передает интонацию своих современников: «а вам какое дело!», «ты, отец, ужасно устарел!». К. Рудницкий сравнивает его песни с новеллами. Песни Галича называли романами, пародиями, спектаклями, сценариями, полифоническими поэмами. А песни-монологи, диалоги Высоцкого — целая галерея персонажей! Театр — вот что объединяет всех троих. Не случайно Вертинский, как и Яровая, пытался стать актером (а после возвращения в Россию успел сняться в кино), а Высоцкий и Галич актерами были. Театрализованный мир их песен вызван тягой к мифологии, полифоничностью тем, особенностью дарования.

В «театре» Вертинского немало экзотической бутофории: гавайская гитара, попугай по имени Флобер, синий далекий океан и розовое море. Но ведь он пришел из десятих годов, из тех времен, когда были живы маски ахматовской «Поэмы без героя». У Галича и Высоцкого нет романтических атрибутов — другое время, другие песни.

«Театр» Екатерины Яровой имеет свои неповторимые черты. Как и у её предшественников в этом жанре, у неё тоже есть песни, написанные в виде диалога или от имени персонажей (например, «Галя, к тебе ведь сватается Лешка»), но в основном такие песни написаны для спектаклей. В большинстве же её песен выбор лексики и интонации диктуется выбором темы и жанра, а написаны они от первого лица — я, мы — от лица нашего современника.

Есть два типа актеров. Одни полностью перевоплощаются от роли к роли, другие во всех ролях прежде

всего играют самих себя. В каждой они находят что-то близкое, созвучное своему внутреннему миру и живут жизнью этого персонажа, оставаясь собой. Так «играет» роли в своем театре Катя Яровая. Она живет в том же пространстве и времени, что и мы, только глаз у ней острее, да кожа тоньше, да еще дан ей песенный дар. Многие признаются, что плачут, слушая её песни. При этом её никак нельзя упрекнуть в сентиментальности, нет в её песнях никаких расхожих приемов, рассчитанных на выжимание слез у слушателей. Но каждый может найти в них что-то, что его глубоко волнует. Люди любили, переставали любить, прощались, прощали, переживали ссоры родителей в детстве, хлестали водку из граненых стаканов или пили с подружкой кофе из чашечек саксонского фарфора, так не гармонирующих с атмосферой коммунальной квартиры; не хотели, чтобы кончалось лето, испытывали одиночество и тяжело болели.

*Отец мой, ты меня недолюбил.
Недоиграл со мной, недоласкал.
И на плечах меня недоносил,
Как будто детство у меня украл.*

...

*А мне любовь нужна, как витамин.
Ищу похожих на отца мужчин.
Но кто же мне излечит – вот вопрос –
Любви отцовской авитаминоз?..*

Порой у неё появляется тот безмятежно-радостный тон, которым все бы должны говорить в «особой стране оптимистов-профессионалов». Так Салтыков-Щедрин в «Истории одного города» прятал иронию за наивной манерой летописца-обывателя и притворной солидар-

ностью с противником. При этом он придумывал фантастические сюжеты для усиления сатирического эффекта. Сто лет спустя советская действительность сама преподносит нам сюжеты один фантастичней другого. Например, когда Кате негде было жить, она целый год жила с семьей в Красном уголке общежития.

*...На подъезде нету кода,
Но решетка на окне.
И прибит Моральный Кодекс
В изголовье на стене.*

*Не страшны мне катаклизмы,
Что хочу себе пою.
В уголке социализма
Проживаю, как в раю.*

...

*На меня глядит с портрета
Ленин с кепочкой в руке...
Если жить в Стране Советов,
То уж в Красном уголке.*

*Не хочу я жить в квартире,
Мне теперь все нипочем!
Я пожить могла бы в тире,
Впрочем, все мы в нем живем...*

Эту песню несколько раз хотели напечатать, но каждый раз срывалось: то смущал Ленин с кепочкой в руке, то строчки о тире. Как-то включили в телевизионную передачу, но в последний момент передача показалась кому-то слишком длинной. Что же выкинули? Угадали! Яровую с «Красным уголком».

Кого-то это может удивить — да ведь теперь там такое печатают... Да, но вспомните, было время — и Солженицына печатали, и Абрамова, и Тендрякова, и «Наследников Сталина», и «Бабий Яр». А вот ни Галича (я имею в виду Галича-барда), ни Высоцкого, которых знала и любила вся страна, при жизни не печатали.

Вскоре после попытки переворота Яровая, выступая в Москве в АПН, устроила «публичные похороны» своих политических песен, многие из которых внезапно устарились. Она сказала, что с удовольствием сдаст их в Музей Революции. Да, такова участь театра: спектакли злободневны и быстро сходят со сцены — но лучшие пьесы возвращаются вновь и вновь, по-новому осмысленные грядущими поколениями. Так же наши потомки будут снова и снова обращаться к творчеству лучших наших бардов.

Я уже упоминала, что для песен Яровой характерно одушевление стихий. Так она очеловечивает и важные для неё эмоции и понятия, наделяя их собственными именами.

*По свету бродит одинокая
Самоубийцею под окнами
Моя Любовь
неутоленная*

*Как головешка обожженная
По свету бродит обнаженная
Моя Душа
испеленная*

*Течет в сосудах заточенная
Со мной на веки обрученная
Моя Печаль
неосветленная*

(В этой «неосветленной печали» эхо пушкинского «мне горстно и легко; печаль моя светла».)

Душа — излюбленный персонаж Катиных песен. Голая душа, открытая миру, взваливающая на себя его горести и радости. Это нелегкая ноша — поэтому мы узнаём, что «душа устала от порывов. Устала и жива едва». Или читаем: «на перекрестке дел моих и дней меня продуло так, что ломит душу». И все же душа стремится воплотиться в песне, пусть и дорогой ценой.

*Если песня от губ отлетает,
Как душа отлетает от тела,
Песня тает, но не исчезает,
Даже если душа отлетела.*

Как и бродячий поэт, душа бездомна. Но душа живет вечно, а поэт смертен. Если поэт выбирает высшую «свободу быть только самим собой», то за это приходится платить.

*...Я ношу себя по свету
И не знаю я при том,
Что, живя на свете этом,
Я сама себе свой дом.*

*А во мне душа бездомно
Погостит — и сгинет след.
По счетам плачу огромным
За ее тепло и свет...*

В Америке родилась ещё одна песня, посвящённая теме скитаний.

*...И, видно, недостаточна была
Мне **та** земля для тяжких испытаний,*

*Чтоб чашу до конца испить смогла
Бездомности, сиротства и скитаний.*

*И выбор – самый тяжкий в мире груз –
Не облегчен гоненьем и изгнаньем.
«Чужбина» – слово пробую на вкус –
Разлуки горечь в нем и соль познания...*

Дело, конечно, не в Америке. Не случайно сюда перекочевала слегка видоизменённая строфа из её более ранних стихов. Истинный поэт ведом призванием и провидением, ему целый мир чужбина, и не у каждого есть своё Царское Село – отечество выбранное, а не данное, тот источник, у которого можно исцелиться душой в трудную минуту. Однако поэт знает, «как трудно не свершить того, что суждено», и приемлет свою судьбу. Быть может, без испытания бездомностью невозможно испытать ощущение полёта?

*Закружим, полетим с тобой однажды утром
сонным,
Как страшно, как прекрасно быть бездомным
И ничего у Бога не просить.*

Больше, чем бездомность, её страшит возможность неосуществления – безрадостная участь её поколения.

*...Достались нам одни обноски:
Вставная челюсть на присоске,
Пятидесятых отголоски,
Шестидесятых подголоски.*

*Обозначены сроком
Между «Битлз» и роком,*

*Между шейком и брейком,
Между Кеннеди и Рейганом,
Между ложью и правдой,
Меж Кабулом и Прагой,
Между хиппи и панками
И всегда между танками*

...

*Тридцатилетние подростки,
У нас лишь планы да наброски.
На нас взирает как на взрослых
Поколение девяностых...*

Эволюция образа несостоявшейся личности проходит через песни «Про Родину-мать» («Жить в рабстве так же сладко, как спать ребенку в мокрых пеленках») о пребывании людей вечными детьми в коммунистическом рае и «Послесловие...», где метафора доведена до предела — «бредут толпою эмбрионы, кому родиться не дано среди крошечных дней». Но нет, во что бы то ни стало — родиться, осуществиться!

*Прогрызаю я плаценту,
Рву зубами пуповину,
Жить хочу на сто процентов,
Не хочу наполовину!*

Её одолевают сомнения — а по плечу ли это ей? Но призвание обязывает, и другого пути нет.

*Все же я грызу плаценту,
Пуповину рву зубами,
Я хочу идти по центру,
Хоть по лезвию — но центру,*

*Хоть порежусь – но по центру,
Каждый рвется ближе к центру,
Кто последний? Я за вами!*

Но очереди здесь нет, она в другом месте — там, где получают членские билеты, пайки, льготные путевки... А «резать в кровь свои босые души» дано лишь тем, у кого талант сильнее инстинкта самосохранения. Это они обречены пророчить кассандрами, писать «непроходимые» стихи, оставаться собой до последнего дыхания. Но именно они помогли пережить «тьму кромешных дней» и сохранить души для грядущих перемен.

В. Буковский не случайно пишет о значении «человека с гитарой», барда, для нашей культуры. Их песни получили воистину всенародное распространение и признание в послесталинские годы. Возрождение бардовской песни имеет несколько причин. Одна из них та, что в эпоху стремительно развивающейся системы коммуникаций все мы, хотим мы этого или нет, все больше становимся слушателями и зрителями, чем читателями. Радио, телевидение, магнитофоны, концерты перед огромными аудиториями во всех уголках земного шара... Ведь авторская песня популярна не только в Союзе, но и в Америке, и во Франции, например (с поправкой на национальные культурные традиции). В Союзе есть еще одна причина: возможность распространения минуя цензуру.

Так или иначе, авторская песня живет и развивается. И тут мне хотелось бы поговорить о мелодии в авторской песне. Часто значение мелодии в ней принижается и даже отрицается. Кате иногда говорят — зачем тебе музыка, у тебя же прекрасные стихи сами по себе. Вот что писала на эту тему Новелла Матвеева: «Иногда говорят, будто я «ис-

полняю свои стихи под гитару». Мне кажется, что под гитару я исполняю все-таки песни, а не стихи. Тем более, что я вообще очень резко отделяю стихи от песен... Откуда же это выражение: «Стихи под гитару»? Может быть, таким образом утверждается главенство слов над мелодией? Может быть, чтобы уравнять в правах свои слова и мелодию, надо быть непременно композитором-профессионалом? Но при таком взгляде пришлось бы отрицать очевидное: стариннейшую, всеевропейскую, прочно существующую «менестрельскую» песню. Ту как раз песню, мелодия которой не может быть хуже или лучше слов, ибо слова и музыка в ней неразрывны. Недаром и возникают они чаще всего одновременно».

В стихах тоже есть мелодия. Поэзия воздействует на нас не только словами и образами, но и ритмом, той внутренней пружиной, которая определяет структуру стиха. Чтение поэзии предполагает сотворчество со стороны читателя, он выступает в роли интерпретатора. Стихи звучат совершенно по-разному в исполнении разных чтецов, а иногда для неискушенного любителя поэзии, не сумевшего уловить заключенную в строфах мелодию, «не звучат» совсем.

Бард является одновременно и автором, и интерпретатором, и исполнителем своих песен. Мелодия дает стиху новое измерение, которое помогает песне «в душу к нам проникнуть и зажечь» и воспринять её именно так, как задумал автор. Она несет и структурную, и смысловую, и эмоциональную нагрузку, проясняя ритмический рисунок, оттачивая фразировку, создавая особую атмосферу, которая облегчает наше восприятие.

Но при том, что Катя Яровая прежде всего бард, нельзя не отметить её поэтическое мастерство. У неё свой почерк, свои излюбленные поэтические приемы.

Многие образы, а иногда и отдельные слова в контексте её песен являются многозначными, несут двойную, тройную нагрузку. Это проистекает из её стремления к лаконизму, а также высокой смысловой и эмоциональной насыщенности её поэзии.

Я уже говорила об определении, данном Юнной Мориц Катиной поэзии — вихрастые стихи. Это относится, в частности, к её порой синтаксически непривычному стилю, передающему современный разговорный язык, что придает большую живость и аутентичность её стихам, как её речи — уральская скороговорка, просвечивающая сквозь её московский говор (Катя родилась в Свердловске и до седьмого класса жила на Урале). Иногда она предпочитает просторечие, шероховатость принятому стандарту литературной речи. Выбор этот никогда не случаен, он ассоциативно расширяет рамки смысла.

*Зачем трубить в ржавеющие трубы,
Зачем трудить надтреснувшие губы,
Зачем так примитивны мы и грубы
И на ночь совесть запираем на засов?*

В слове «надтреснувшие» — и потрескавшиеся губы, и надтреснутый звук ржавой трубы.

*Надоело петь мне песни
С видом кротким и печальным,
Меланхольным и прощальным —
Лучше быть глухонемой.*

«Меланхоличный» — это одновременно и меланхолический и малахоличный.

Многоплановость образов может быть проиллюстрирована следующим примером.

*Я снова вхожу в это небо
Со старым названьем «Душа».
С вином и горбушкою хлеба
Туда я войду не спеша.*

*И это святое причастье
Дает ощущение мне
Причастности к жизни, и счастья,
И света в промытом окне.*

«Свет в промытом окне» — удивительно ёмкий образ. Это и освещённое в ночи окно, которое даёт нам надежду в пути, и ощущение уюта «в чистом и прибранном доме», покойного размеренного быта, и — «свет в окошке», то есть кто-то, кто нам дорог, чьё присутствие наполняет жизнь смыслом и счастьем.

Таких примеров можно привести множество, но эта тема требует отдельной статьи. Кстати, в этом же отрывке можно наблюдать и еще одну особенность поэзии Яровой: звуковые повторы в словах, несущих основную смысловую нагрузку, обычно в двух-трех соседних строчках. Здесь это причастье — причастности — счастья.

К сожалению, так повелось на Руси, что многие талантливые её люди, особенно поэты и художники, находят официальное признание после смерти. Многие из нас страдают странной дальнорукостью: мы боимся разглядеть поэта в человеке, живущем среди нас. Мы готовы им восхищаться, но потом, когда он, безопасно отдаленный временем, пылится на полке рядом с клас-

сиками. А как насчет того, чтобы издать книжку стихов сейчас? Выпустить кассету? Помочь организовать концерты? Сейчас есть возможность организовать совместное предприятие и продавать книжку и пленки и там, и здесь. В Союзе они бы быстро разошлись. Еще в 1989 году А. Руденко назвал её восходящей звездой, и интерес к её творчеству растет.

Уверена, что её концерты могли бы быть с успехом организованы в Израиле, а в США, Канаде, Англии и Франции она могла бы выступать не только перед русскоязычной аудиторией. Существуют переводы на английский язык, сделанные Джейн Таубман и Элейн Ульман. Мне известно, что есть и французские переводы. Во время Катиного пребывания в США я неизменно наблюдала огромный интерес к ней американцев.

Я не сомневаюсь, что время работает на Катю. Её песни несут нашим душам очищение, и если «не услышит имеющий уши», то «имеющий душу услышит». Пусть же и поэт услышит нашу признательность, и пусть это произойдет сейчас. Пока мы живы.

*Пока мы живы, зазвучат слова пускай,
... слова любви ...*

Татьяна Янковская

*апрель — сентябрь 1991
Скенектэди, Нью-Йорк*

* Статья опубликована в Париже в журнале «Континент» No. 1 (71), 1992 г. Сокращенный вариант напечатан в газете «Новое русское слово» в Нью-Йорке 18 октября 1991 г.

Татьяна ЯНКОВСКАЯ

Меня не раз спрашивали, была ли Катя Яровая известна. Что можно ответить? При жизни её не вышло ни одного сборника стихов, ни одной пластинки. Отчасти причина в том, что слишком коротка была её творческая жизнь. Главное же, всё это требует от автора, особенно молодого, определённых компромиссов, суеты, а суета была ей несвойственна.

Но когда люди, никакого отношения к литературным и каким бы то ни было влиятельным кругам не имеющие, обращаются на радио и телевидение, предлагая свою помощь в организации передач о её творчестве; когда, услышав записи её песен или прочитав о ней в газете, разыскивают её, чтобы познакомиться, помочь с устройством концертов; когда плёнки с её песнями, её шутки расходятся по стране, хотя люди нередко не знают, кто автор, и ошибочно приписывают их другим лицам (даже на уровне одной из ведущих российских газет!); когда человек, прочитавший некролог, пишет, что не был знаком с Катей Яровой, но смерть её воспринимает как личную трагедию, — не это ли и есть истинно народная любовь, стихийное, не внушённое официальной пропагандой или авторитетными мнениями признание?.. Уверена, что оно будет только расти, что время не удалит, а приблизит её к нам, позволив, наконец, разглядеть и оценить человека и поэта в полный рост.

март 1994

Скенектэди, Нью-Йорк, США

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов-составителей	5
Е. Яровая «Любовь не кончается...» <i>Слово о сестре</i>	10

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕСНИ

«Жил на свете гномик...»	26
«Отец мой, ты меня недолюбил...»	28
Песня про мое поколение	29
<i>Вспоминая Катю Яровую... В. Фрумкин</i>	31
Красный уголок	32
Про Родину-мать	34
«Кто сказал, у нас бардак и неразбериха?...»	36

ПРОЩАНИЕ

I. Проводы друга	39
II. «Вот и вы, о Господи, и вы...»	40
III. «Настанет день — и в воздухе растает...»	41
«По свету бродит одинокая...»	43
«Я не боюсь ни с кем сравненья...»	44
Ночь в Геленджике	46
Пляжная зарисовка	48
<i>Вспоминая Катю Яровую... В. Вишневский.</i>	49
«— Галя, к тебе ведь сватается Лешка...»	50
Оркестрик	52
«Зачем мы все живем начерновую...»	53
ГАММА	54

«Леса со вздохом облегченья...»	58
«Рисует Время мой портрет...»	59
«Нам в дочки-матери играть уже не нравится...»	60
Дни сентября	61
«Что моя жизнь? Летящая звезда...»	62
«Будьте внимательны на переходах...»	63
«Любимый, что нас развело с тобой?...»	64
«Не трепетать? Не трепещу...»	65
«Да, и меня настигнет осень...»	66
НЕЛИРИЧЕСКИЙ МОНОЛОГ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ	
<i>Венок сонетов</i>	67
«Не упускай меня сквозь пальцы как песок...»	77
«Тоненькие пальчики пальчики...»	79
Песня Цирцей	81
«Зачем мы, сестры, белокуры...»	84
«Чашечки саксонского фарфора...»	86
«Зачем фарфор саксонский...»	88
<i>Вспоминая Катю Яровую... Л. Ошанин</i>	90
«Во дворике литинститута...»	92
Зоопарк	93
Песенка про режиссера ТЮЗа	94
Прощание с «Таганкой»	95
«Умирают стихи от насилия...»	97
«Переходила вброд...»	98
«У нас на пятом этаже...»	99
«Я в городе моем порядок наведу...»	100
«А все принцессы любят только свинопасов...»	101
«Я — московская жена...»	102
Вавилонская башня	103
Исход	105
Афганистан	107
«Блажен незлобивый поэт!..»	109
«Бредем вслепую, в темноте, теряя ориентиры...»	111

«Наш сад уже облюбовала осень...»	112
Колыбельная Никите	113
«Что нам разлука в три недели?..»	114
«Судьбы своей не превозмочь...»	115
«Я снова вхожу в эту реку...»	116
«Вот опять заморочит метелью...»	118
«Как боятся стихий — урагана и смерча...»	119
«Любить тебя, как будто в прорубь...»	120
«То живу я в доме этом...»	121
<i>Вспоминая Катю Яровую... Э. Ульман</i>	123
Осенний романс	124
«Моя минорная тональность...»	125
«Мой круг друзей, спасательный мой круг...»	126
«Чужие голоса, чужая речь...»	127
На смерть России	128
«В разных была и обличьях, и обликах...»	129
«Не музыкант и не певец...»	130

СТИХИ И ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ

«Из Екатеринбурга родом...»	134
«Я играю вничью. Я — ничья...»	135
«Машины, машины, машины...»	137
«Я пролетом в твоих городах...»	138
«О чем кричит ночная птица?..»	139
Фиеста	140
«Когда мне кажется, что всеми позабыта...»	142
«Уходит молодость, а с нею и любовь...»	143
«Кто ты, Артист?..»	144
«Закружит ветром лист осенний...»	145
Один	147
«Мир так жесток...»	149
«Катится колясочка...»	150
«Ужели костер догорает, едва разгоревшись...»	151

«А праздник только начался...»	152
По дороге из «Домодедово».	153
«Душа устала от порывов...»	154
«Любовь не пернатый ангелом...».	155
«Над Москвою, над Москвою...».	156
«Доколь играть чужую роль?...»	157
«Ах, мы с тобой друзья по переписке...»	159
«Когда зимы проходят сны...»	160
«Мой маленький самолетик...».	162
«Снова ты улетаешь...»	164
«Удар, удар, еще удар...».	166
Плагиат.	167
«Мы пришли сюда из дальних мест...»	168
«Смысл жизни доселе неведом...»	170
«Я служанка твоих глаз...»	172
«Штормит и волнуется море...»	174
«Среди Кавказских гор...»	175
«Прощай, мой домик на горе...»	178
Надежда	179
«Измена лик имеет скорбный...».	180
«Свет потухшей звезды...»	181
«Русалка с личиком и детским, и спокойным...»	183
«Я снова в Москве неприветливо-серой...»	184
«Чем убережь себя от стрессов...»	185
«Я вижу белый снег...»	187
Родословная	188
<i>Вспоминая Катю Яровую... Т. Янковская</i>	190
«Гниет в амбарах тоннами пшеница...»	192
«Прогрызаю я плаценту...»	193
«Из окон распахнутых раненым зверем ревет...»	195
«Среди всеобщего упадка и разрухи...»	196
Мы — кузнецы	197
«Нас пугают грядущей войною...»	198

«А если окна занавесить...»	199
НА СМЕРТЬ ВОЖДЕЙ	
I. На смерть Л. И. Брежнева	200
II. На смерть Ю. В. Андропова	200
III. На смерть К. У. Черненко	201
Beriozka	203
«Темнеет за оградой сад...»	204
«Что, я тебе нравлюсь?..»	206
«Я мыслями — с одним...»	207
«Плоти плотная плотина...»	208
«Ах, девочка-хищница...»	209
«Золотом — по золоту...»	210
«Передо мной разорванная фотография...»	211
«Мой милый Муж...»	212
«Ленивые пальцы...»	213
«Рассыпались снежные ноты...»	215
Рождественская открытка	217
«Мы поедем вскоре...»	218
Песня	219
Уходящему	220
Песенка про развод	221
«Я лежала с тонкими телами...»	222
«Указом антиалкогольным крепко вмазал...»	224
К 70-летию Советской власти	225
АМЕРОС	227
«Дождь, дождь, дождь...»	229
Я вижу ночное небо	231
ПОСВЯЩЕНИЯ Э. ДРОБИЦКОМУ	
I. «Эдик Дробицкий...»	233
II. «Уставший от роли Бога...»	233
III. «На границе меж тьмою и светом...»	234
IV. «Ты прыгнул выше крыши...»	237
V. Поздравление с днем рождения, на который меня не	

пригласили.	238
«Когда-то это был мой дом...»	242
«По артериям Таганки...»	243
Посвящение В. С. Высоцкому	244
Сумгаит.	246
Абхазия.	248
«Меняются законы...»	250
Ответ А. Розенбауму от имени Вилли Токарева	252
«По стране бродит призраком смута...»	254
«Мне ветер мартовский покоя не дает...»	256

ИЗ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ

«Ну что, Душа, поговорим?...»	258
«Я буду говорить открытым текстом...»	259
«Здравствуйте! Вы были моим первым мужчиной...»	260
«У педикюрши Ниночки...»	261
«Раз любила, два любила, три любила...»	263
«В одиночестве ночей...»	264
«Покинута и нелюбима...»	265
Ироническая элегия	266
«Расслабиться, не думать об осанке...»	267
«Школа на Таганке, там, в районе детства...»	268
«Весов холодных помню я прикосновенье...»	269
«Я родилась и жила на Урале...»	271
Родник	272
«Идет весна хозяйкой хлопотливой...»	274
«Если ты кавалер орденов или знаков почета...»	275
«Вступить в Союз писателей позорно...»	276
«Когда в груди зажжется хоть искра вдохновенья...»	278
«Эта жизнь, как колючею проволокой...»	279
«Меня мать недосмотрела...»	281
«Я плыву, как кораблик бумажный...»	282
«Как за время перестройки...»	283

«Когда мы будем умирать...»	284
«Как наши замыслы убоги...»	286
«Снова сердце скрепив...»	288
«Да, любовь, как время – деньги...»	290
«Я первой была любовью...»	291
«Мой ангел! В этом мире...»	292
«Когда придет пора с тобой проститься...»	294
«Мне царского имени...»	295
<i>Вспоминая Катю Яровую... В. Швейцер</i>	296
«Генуг, товарищи, генуг...»	297
«Купим лампу настольную...»	299
«Я хочу превратиться в камень...»	300
«Зима мне не зима, весна мне не весна...»	301
«Когда б с тебя писала я картину...»	302
«Давайте поплачем над нашей общей судьбою...»	303
«Когда меня пронзает тайной...»	304
«Перед вами я покаюсь...»	305
«Мне мама говорила...»	307
«О пролейся, пролейся, мой дождь золотой!...»	309
<i>Вспоминая Катю Яровую... И. Губерман</i>	310

ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЯМ

Алиса	312
-----------------	-----

ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЮ «ВРЕМЯ СНОВИДЕНИЙ»

I. «Все человечество – кентавр...»	314
--	-----

II. «Над Нью-Йорком и Парижем...»	315
---	-----

ПЕСНИ К ПЬЕСЕ В. РЫБАКОВА «СЕРЕБРЯНОЕ НЕБО, ИЛИ ЦАРЬ ОСЬМИНОГ»

Песенка Рыбы-Клоуна	317
-------------------------------	-----

Песня серебристых кефалек	317
-------------------------------------	-----

Песня Каракатицы	318
----------------------------	-----

Песня Летучего Рыба	319
-------------------------------	-----

Песня фантастических медуз	320
--------------------------------------	-----

Песня уплывающей наверх девочки.	321
ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЮ «ЗОЛОТОЙ КОЛОДЕЦ»	
Песня Герасима.	322
Песня Вани.	323
Песня Ларисы	324
Песня представителя Общества трезвости	325
«В этом мире унылом и скушном...»	326

ПЕРЕВОДЫ С ГРУЗИНСКОГО

<i>Отар Чиладзе</i> «Я готов служить тебе и слушать...»	327
<i>Резо Амашукели</i> Одиночество.	328

РАССКАЗЫ

Охота	330
Дом	335
 Т. Янковская «Единство сердца и строки, поступка, жеста...» .	338

Катя Яровая
(Яровая Екатерина Владимировна)
Из музыки и слов
Песни и стихи

Редакторы-составители *Е. Яровая, Т. Янковская*
Художник *Э. Дробицкий*
Макет и оформление *Н. Яром*
Компьютерная верстка *Н. Яром, Т. Янковская*
Корректор *Е. Яровая*
Публикатор *Т. Янковская*

Издательское содружество
А. Богатых и Э.РАкитской (Э.РА)

Издательская лицензия № 00386 от 5.11.1999
Издатель *Э. Б. Богатых (Ракитская)*
Москва, ул. Лобачевского 68

Гарнитура «Банникова»
Формат 70 x 100/32
Объем 25 усл. печ. л.
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 3000 экз.
Москва
2003

Типография ПО «Внешторговец»

**По вопросам приобретения книг,
компакт-дисков и аудиокассет Кати Яровой
обращаться по телефонам:**

в России (095) 757-85-96 (Москва)

в США (718) 884-7882 (Нью-Йорк)

E-mail:

yarovaya@imedia.ru

ya.tatyana@verizon.net

Уважаемый Читатель!
Заказать эту книгу и другие книги издательства
можно в Интернете по адресам:

www.dynamo-ny.com/sakansky/baemist.htm
www.niworld.ru

Подробно познакомиться с условиями издания
можно по адресу:

[www.izdat.ru: 8001 /publish/ era](http://www.izdat.ru:8001/publish/era)

E-mail:
era@izdat.ru
baemist@online.ru
Тел. в Москве:
7-(095) 431-02-97

Мы будем рады вам и вашим отзывам
о книге Кати Яровой

Издательское содружество А. Богатых и Э.РАкитской (Э.РА) — частная некоммерческая издательская программа. Специализируемся на издании авторов современной поэзии, прозы, драматургии, а также научных и научно-популярных работ разными тиражами (от 100 экз., в том числе представительские издания – от 10 экз.) Работаем с российскими и зарубежными авторами.

Наши задачи: сделать издание книг недорогим, грамотным, качественным, официально защищающим авторские права; помочь автору творчески выразить себя в работе над книгой, найти путь к читателю после выхода книги. Мы стремимся способствовать профессиональному росту и продвижению авторов, выдвигаем лучших на литературные премии и сетевые литературные конкурсы, такие как Литер. ru, Тенета и др.

Проект "Некоммерческая издательская группа "Э.РА" был включен в бюллетень литературных проектов, выдвигавшихся на премию "Малый букер-2000".

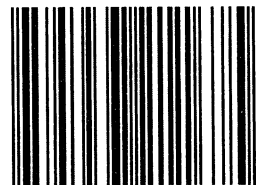
По итогам конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшая книга 2001 года» мы были награждены почетной грамотой «За открытие новых литературных имен, издание книг поэзии и прозы».

Нами создан интернет-журнал-магазин редких изданий «Баемист» (www.dynamo-ny.com/sakansky/baemist.htm) и открыт литературно-художественный журнал «У».

Тел. и факс (095) 431-02-97
www.izdat.ru:8001/publish/era
www.era20001.narod.ru
www.dynamo-ny.com/sakansky/baemist.htm
www.niworld.ru
e-mail (адрес электронной почты):
baemist@online.ru
era@izdat.ru
niw@nexter.ru

Для заметок

ISBN 5-93721-167-7

9 785937 121167 5

Уверен, не только я считаю, что фигура Кати Яровой имеет место, она есть не просто в русском шансоне, но и в словесности...

Катины песни и в пересказе способны впечатлять сегодня всех, кого хочется посвятить в это имя. Лучшие не устаревают и вопреки, и благодаря точнейшим и ароматнейшим деталям своего времени.

Владимир Вишневецкий

Катя Яровая изумительно талантлива, человек необыкновенных качеств и достоинств — творческих, я ее как человека, к сожалению, не знал. У нее изумительные песни — по чистоте, по распаханности, по открытости, по таланту.

Игорь Губерман

Песни Кати Яровой подкупают точностью и сжатостью поэтической мысли, внутренней силой и смелостью обобщений. Никакой романтической размягченности, даже в любовной лирике. Скепсис, трезвость, ирония (часто по-галичевски горькая и жесткая), едкая насмешливость.

Владимир Фрумкин

У Кати было драгоценное острое чувство современности... Из ее трехсот песен каждый, вероятно, может найти для себя дорогое и необходимое.

Лев Ошанин